

ИНГУШСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК им. Ч. Э. АХРИЕВА

ВЕСТНИК
Ингушского научно-исследовательского
института гуманитарных наук
им. Ч. Э. Ахриева

№ 1 – 2023

Научный журнал
Выходит два раза в год

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Барахоева Нина Мустафаевна, доктор филологических наук, профессор,
директор Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч. Э. Ахриева

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Агиева Лемка Тугановна, кандидат философских наук, ученый секретарь
Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч. Э. Ахриева

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Хайрова Хадижат Резвановна, кандидат филологических наук,
редактор Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч. Э. Ахриева

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

Арапханова Лейла Якубовна, кандидат политических наук, зав. отделом социально-политических
исследований Ингушского научно-исследовательского института им. Ч. Э. Ахриева

НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР

Киева Зуфира Хаджибикаровна, доктор филологических наук, зав. отделом ингушского языка
Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч. Э. Ахриева

Акиева Светлана Исмаиловна, доктор исторических наук, КБИ ГИКБНЦ РАН (Нальчик)

Албакова Фатима Юсуповна, доктор философских наук, профессор, ИнгГУ (Магас)

Албогачиева Макка Султан-Гиреевна, доктор исторических наук, МАЭ РАН (Кунсткамера) (Санкт-Петербург)

Али Аскер, доктор юридических наук, доцент Карабюкского университета (Турция)

Алиева Севиндж Исравил-газы, доктор исторических наук, доцент, Азербайджанский государственный педагогический университет (Азербайджан)

Биттирова Тамара Шамсудиновна, доктор филологических наук, ИнгНИИ, КБИ ГИ КБНЦ РАН (Нальчик)

Габунна Зинаида Михайловна, доктор филологических наук, профессор, КБИ ГИ КБНЦ РАН (Нальчик)

Гутов Адам Мухамедович, доктор филологических наук, КБИ ГИ КБНЦ РАН (Нальчик)

Джапуа Зураб Джотович, доктор филологических наук, профессор, академик, АН РА (Республика Абхазия)

Казиева Альмира Магомедовна, доктор филологических наук, профессор, ПГЛУ (Пятигорск)

Магомедханов Магомедхан Магомедович, доктор исторических наук, ИИАиЭ (Махачкала)

Мартазанов Арсамак Магомедович, доктор филологических наук, профессор (Магас)

Цароева Марет Гайсултановна, доктор этнологии, доктор истории религий (Франция)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель редакционного совета:

Матиев Магомедбашир Адамович – кандидат филологических наук, профессор, ИнгНИИ

Члены редакционного совета:

Арапханова Лейла Якубовна – кандидат политических наук, ИнгНИИ

Барахоева Людмила Руслановна – кандидат экономических наук, ИнгНИИ

Долгиева Марем Белановна – кандидат исторических наук, профессор, ИнгНИИ

Киева Зуфира Хаджибикаровна – доктор филологических наук, ИнгНИИ

Хайрова Хадижат Резвановна – кандидат филологических наук, ИнгНИИ

Ялхароева Марем Ахметовна – кандидат филологических наук, ИнгНИИ

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ.....	4
<i>Долгиева М. Б., Кариева Ф. А.</i> Женские украшения и головные уборы ингушей из Цоринского склепа.....	4
<i>Долгиева М. Б., Агиева Л. Т., Дударов А.-М. М., Дзуматова З. Р., Дзаурова Т. А.-Х., Картоев М. М., Катиева М. Н.</i> К истории некоторых населенных пунктов Ингушетии	10
<i>Дударов А.-М. М., Акиева П. Х.</i> Государственность как достояние ингушского народа (К 100-летию образования Ингушской Автономной Области)	26
ЭТНОЛОГИЯ и ЭТНОГРАФИЯ.....	30
<i>Дзарахова З. М.-Т.</i> Кожевенное ремесло у ингушей.....	30
<i>Дзаурова Т. А.-Х., Гогиев Я. И.</i> Музыкальная культура ингушского народа.....	37
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ.....	50
<i>Албакова М. М.</i> Белами сатиры Гагиев Гирихана берашта хетаяьча стихашка	50
<i>Биттирова Т. Ш.</i> Каншаубий Мизиев – публицист, переводчик, дипломат, общественный деятель	53
<i>Гандаур-Эги М. Х., Хайров Б. А.</i> Архаичная лексика ингушского языка.....	56
<i>Горчханова Т. Х.</i> Этноментальность в прозе Али Хашагульгова	59
<i>Дудургова Э. М., Алиева П. М., Оздоева Э. Г.</i> Особенности функционирования терминов, восходящих к греко-латинской традиции в современном научном стиле	62
<i>Муталиева З. М., Ялхароева М. А.</i> Гпазнаькъан Эсета «Хам бе ираза» яхача байтах лаьца.....	65
<i>Сагова М. Ю.</i> Фольклорные мотивы в поэзии М.-С. Плиева.....	67
<i>Сагов Р. З., Евлоева Л. М., Кулбужева Т. А.</i> К вопросу истории кавказско-славянских языковых аналогий (на примере русско- ингушских лексических параллелей)	71
СЛОВАРИ.....	76
<i>Костоева Ф. М.</i> «ГПалГай метта дашхара дошлорг» отгадеш баьча балхацара материалаш	76
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ.....	81
<i>Барахоева Л. Р.</i> Теоретико-методологические подходы к анализу социально-экономического развития региона	81
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	91
<i>Салогуб А. М., Арсельгова М. А.</i> Социальные ориентации молодых ученых и престиж исследовательской профессии в интересах обеспечения национального технологического суверенитета России	91
РЕЦЕНЗИИ, ОТЗЫВЫ.....	96
<i>Дмитриев В. А.</i> Рецензия на подготовленные к изданию З. М.-Т. Дзараховой альбом и статью к нему «История происхождения рукописного альбома «Ghalghaj gharchoz.1924» (Ингушские орнаменты.1924).	96
<i>Захарова О. А.</i> Отзыв на книгу Ганиевой Р. Х. «Психологическое консультирование в культурном и духовном контексте клиента»	98
<i>Самтиев И. М.</i> Отзыв на монографию «Психологическое консультирование в культурном и духовном контексте клиента. – Магас, 2023. – 160 с., илл.» кандидата психологических наук, профессора Ганиевой Р.Х.....	100
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	102
К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ!	105

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

ЖЕНСКИЕ УКРАШЕНИЯ И ГОЛОВНЫЕ УБОРЫ ИНГУШЕЙ ИЗ ЦОРИНСКОГО СКЛЕПА

Долгиева М. Б., Кариева Ф. А.

Аннотация. В статье впервые описываются женские украшения и головные уборы ингушей, извлеченные из обрушившегося наземного коллективного склепа в с. Цори Республики Ингушетия в августе 2022 года. Особое внимание в статье уделяется женскому головному убору – курхарсу.

Ключевые слова: Горная Ингушетия, наземный склеп, Цори, материальная культура, женские украшения, головные уборы, курхарсы.

WOMEN'S JEWELRY AND HEADRESSES OF THE INGUSH FROM TSORINSKY CRYPT

Dolgieva M. B., Kariyeva F. A.

Annotation. The article describes for the first time women's jewelry and headdresses of the Ingush, taken from the collapsing above-ground collective crypt in the village. Tsori of the Republic of Ingushetia, in August 2022. Particular attention is paid to the female headdress – kurharsu.

Key words: Mountainous Ingushetia, above-ground crypt, Tsori, material culture, women's jewelry, headdresses, Kurkhars.

Горная Ингушетия представляет особый интерес для исследователей, так как здесь сохранились уникальные памятники материальной культуры ингушей. Много замковых комплексов горной части Ингушетии еще не до конца изучены. Одним из таких является средневековый башенный комплекс Цори. Здесь сохранились десятки жилых, боевых башен и множество склепов.

В августе 2022 г. произошло событие, всколыхнувшее весь ученый мир Ингушетии: обрушилась восточная стена наземного склепа из башенного комплекса Цори.

Причиной разрушения склепа явилось то, что в результате образования дыры в крыше в могильник попала вода, которая размывала цемент между камнями, а с другой стороны стена была подрыта протекающей рядом рекой Цоринхи, в результате чего все, что находилось внутри склепа, оказалось под открытым небом.

Склеп, помимо обнаруженных костяков, содержал огромный пласт интересного и очень важного для исследователя этнографического материала: одежду, женские и мужские головные уборы, в том числе курхарсы, оружие, утварь, музыкальные инструменты и т.д.

Самыми ценными предметами для этнографов были украшения и головные уборы из Цоринского склепа. Особую ценность представляют курхарсы, обнаруженные вместе с другими предметами.

Женские головные уборы представлены разнообразием стилей и моделей, и не будет преувеличением сказать, буйством красок. Самое первое, на что мы обратили внимание, это женские головные уборы, под названием курхарсы.

Курхарс (курхас) – оригинальный традиционный женский головной убор ингушей. Известен на Кавказе только в Ингушетии. «Курхарсы» были атрибутом парадной, выходной одежды ингушских девушек и надевались во время праздников «и выхода в свет». Этот головной убор был очень дорогим элементом костюма, он стоил от 5 до 15 коров. Изготавливались курхарсы из красного войлока или плотного сукна и представляли собой высокие колпаки в виде конька с изогнутым вперед и раздвоенным концом «хохолком» [2, с. 151].

Во время экспедиций сотрудников Ингушского научно-исследовательского института с конца 20-х гг. и вплоть до 1941 года включительно с участием профессора Л. П. Семенова было

обнаружено множество курхарсов в надземных склепах ингушских селений Мецхал, Эрзи, Морч, Кяхк, Хамхи, Таргим, Цори, т.е. во всей нагорной полосе Ингушетии [1].

Впервые в источниках об этом головном уборе ингушских женщин стали писать в начале XVII века. Послы московского царя князь Федор Волконский и дьяк Артемий Хватов, направлявшиеся в Кахетию, описали свой путь через «кабаки горских владельцев»: «Сии кабаки расположены по обе стороны сего ручья; дома в них каменные, выстроены в горах; мужчины одеты по-черкесски, а женщины носят на головах рога в пол-аршина» [3, с. 94].

Л. П. Семенов ссылается на сведения Жюль Клапрота, опубликованные в его труде «Путешествие по горам Кавказа и Грузии» в 1823 году. Клапрот пишет, что «такого рода головной убор как «курсарс» он видел только у ингушских женщин. По форме он напоминает рога серны, но согнутые наперед. Этот головной убор обыкновенно сделан из коры березы и покрыт сукном или шелком, имеет в ширину около двух больших пальцев, в высоту семь пальцев; украшен гирляндами; этот убор называется – «чугул» [7, с. 211].

Профессор Л. П. Семенов так описал «курхарс»: «...особого рода головной убор – подобие изогнутого рога, суживающегося кверху, загибающегося вперед; он сделан из тонкого войлока, обтянут красной тканью, украшен перекрещивающейся перевязью и круглой выпуклой серебряной бляхой. Ученый считает, что «курхарс» носился ингушками, и его образ восходит к древнейшим местным культурным реалиям с начала XVII в. до начала XIX в. [8, с. 109]. Он к тому же упоминает, что археологическая экспедиция в процессе работ, производившихся в нагорной полосе Ингушетии с конца 20-х годов, находила в подземных склепах головной убор, который, по словам стариков, назывался «курхарс». Надевался этот головной убор на голову так, чтобы конец приходился на лицевую сторону. Под коньком пришта тонкая круглая выпуклая серебряная бляха от 3 до 5 см в диаметре [4, с. 88].

Богатое убранство и орнаментация курхарсов – вышивка, крепление, ленты, шелковые ставки, разноцветные ткани, серебряная (бронзовая) бляха дополнялись очень значительным и уникальным украшением – височными кольцами.

Из Цоринского склепа были извлечены одиннадцать курхарсов, все они фрагментированы.

На рисунке 1 продемонстрированы модели, сохранившие изначальную свою форму. Образец под номером два имеет, как и все остальные, выраженный ярко-красный цвет. К передней части изделия пришит навесной, свободно спадающий, орнаментированный зарисовками красного, желтого, синего, голубого цветов тыльник из парчи. На него нашиты четыре височные подвески, а основание его завершается хорошо прошитой и богато декорированной войлочной тканью. Сбоку пришита серебряная цепь очень оригинальной вязки даже для современного времени (2). Третий номер образца, в отличие от других, в фасадной части имеет кожаную, орнаментированную накладку черного цвета, плотно пришитую по периметру, своеобразные узоры которого заслуживают отдельного внимания более узких специалистов. Основание этого курхарса было плотно обмотано в несколько слоев ткани (3). Пятый и шестой номера сохранили только нижнюю утепленную войлочную часть, а верхняя парадная часть не сохранилась (5; 6) (рис.1).

Рис.1

Проведенными в Ингушетии работами установлено, что курхарсы обычно находятся только в пирамидальных склепах, квадратных в основании и со ступенчатой крышей. В предшествующих им по времени возникновению двускатных склепах курхарсы не зафиксированы [5, с. 120].

Как мы уже знаем, время появления наиболее совершенного типа кавказских надземных могильных сооружений – пирамидального склепа – определяется XVI-XVII вв. Им как бы завершается строительное мастерство кавказских народов позднего Средневековья. Этим временем и может определяться бытование у ингушских женщин курхарсов [5, с. 120].

Кроме курхарсов в Цоринском склепе были обнаружены в большом количестве другие головные уборы различных цветов и размеров.

Далее на рисунках два и три, представлены 16 наименований головных уборов разных цветов, разного размера для разных возрастов, включая мужские, женские и детские модели (рис. 2, 3). Все образцы фрагментированы в той или иной степени, в сложенном виде имеют треугольную, реже трапециевидную форму, либо форму котелка. Шапка под номером 1 коричнево-зеленого цвета, стеганая, с маленьким помпончиком, V-образными разрезами по бокам, орнаментированная местным национальным орнаментом – геометрическими узорами, вышитая в четыре ряда красными и желтыми нитями (1) (рис.2).

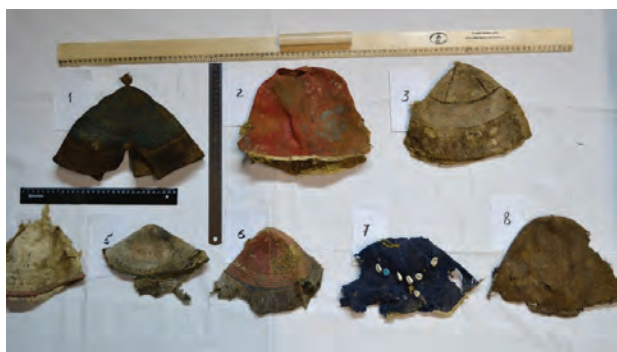

Рис.2

Под номером (2) шапка из войлока красного цвета, поля которой прошиты светлой сыромятной кожей, имеет форму котелка. Образец под номером (3), аналогично первому образцу, имеет ту же форму, орнамент, декорированную вышивку черными и красными нитками, но в отличие от последней, потерял свою первоначальную окраску и имеет неопределенный землянистый коричнево-бежевый цвет. Четвертая шапка, судя по небольшому размеру, детская, сильно фрагментирована, с ободком красного цвета, сохранилась внутренняя часть шапки, а внешняя утеряна (4). У пятого образца уцелела лишь верхняя часть, которая обильно орнаментирована вышивкой, также можно различить синий, голубой, бордовый цвета изделия (5). Шапка под номером (6) орнаментирована вышивкой, имеет выраженный бордовый цвет, также можно различить синий и коричневый цвета (6). Седьмой образец представляет собой женский головной убор из синего войлока, украшенный 6 раковинами каури и одной пуговицей бирюзового цвета, поля шапки светлые, зигзагообразные, сохранность частичная (7). Восьмая шапка из грубой мешковины, цвет неопределенный, орнамент, вышивка либо другие украшения отсутствуют, возможно, она одевалась под курчарс (8).

Рис.3

Шапка под номером 1 на рисунке 3 оригинально изумрудно-бирюзового цвета, с тремя разноцветными нашивками посередине, края обшиты кожаной тесьмой с остатками шерсти, полутеплая, имеет нарядный вид (1). Следующий образец – стеганая, зимняя шапка синего цвета, с прошитыми 10 клиньями (2). Под номером три женская зимняя шапка из бязи, вышитая розовыми цветочками, стеганая, края шапки обработаны толстыми нитками (3). Четвертый и пятый образцы представляют собой фрагментированные стеганые женские шапки, вышитые красными, синими и белыми нитями (4; 5). Образец шестой – женский головной убор из войлока красного цвета, орнаментирован буквой «R» и прошиты черными нитями полями (6). Под номером 7 – теплая зимняя шапка из холста синего цвета, фрагментирована (7). Номер восьмой – стеганный головной убор красно-коричнево-бежевого цвета (8).

Известно, что стеганые шапки из цветной ткани использовались воинами в позднем Средневековье. Они фиксируются исследователями в поздних мужских захоронениях XVIII в. Так, в 20-30-х годах XX в. эти головные уборы неоднократно встречались в наземных склеповых усыпальницах горной Ингушетии и изучались Л.П. Семеновым, но до настоящего времени они не сохранились [9, с. 133].

Необходимо отметить, несмотря на то, что стеганые шапки и не являются столь надежной защитой, как металлические наголовья, но все же в определенной степени они слабяли силу ударов сабли и других видов наступательного оружия [9, с. 135].

Наряду с исследованными головными уборами, в могильнике были также обнаружены и предметы женского туалета: гребни деревянные, резные (1-18, рис. 4).

Рис. 4.

В склепе был обнаружен фрагмент кожаного пояса с привешенными на железное распределительное кольцо миниатюрными пружинными ножницами в кожаном футляре и пилочкой, нашитой на кожаную основу (рис. 5).

Рис.5

Особый интерес для исследователей представляет и пояс матерчатый, на который кожаными шнурами подвешены пинцет, нож с костяной ручкой в кожаных ножнах, расческа-гребень в кожаном футляре (рис. 6).

Рис. 8

Рис. 6

В склепе были также найдены женские украшения. К таким находкам относятся: височная подвеска восьмилопастная (рис. 7); перстень женский с сердоликом (рис. 8); кольцо деревянное женское с ромбовидным щитком (рис. 9); серьга-подвеска бирюзового цвета (рис. 10); низка из восьми сердоликовых бусин, нанизанных на суровую нить (рис.11); фрагмент костяной с цепочкой из клепанных колец (рис. 12); шкатулка маленькая с накручивающейся крышкой (рис. 13); плетеная косичка из тесьмы (рис. 14); ракушка-подвеска с отверстием, бусина бирюзового цвета, бусина белого цвета.

Рис.7

Рис. 9

Рис. 10

Рис.11

Рис. 12

Рис. 13

Рис. 14

Надо отметить, что ингушские женщины любили украшения. Об этом свидетельствуют археологические находки. «Особенно часто встречаются подвески с полукруглыми лопастями... Подвески пришивались к волосяному мешку, в который женщина прятала косы» [6, с. 17].

Как видим, местные ювелиры умели делать из серебра и бронзы высокохудожественные из-

делия. Ингушские височные подвески, несмотря на массивность форм, отличаются виртуозным применением выпуклых шишечек (лопастей) в сочетании с легкой орнаментальной насечкой. Это придает украшению своеобразную скульптурную выразительность и монументальность. Особенно хороши сердоликовые бусинки – подвески к серьгам [6, с. 19].

Подводя итог, отметим, что комплекс украшений и головных уборов из наземного склепа в Цори разнообразен и содержит как стандартные экземпляры (шапки различных модификаций, гребни деревянные, резные, фрагмент кожаного пояса с привешенными на железное распределительное кольцо миниатюрными пружинными ножницами в кожаном футляре и пилочкой, нашитой на кожаную основу, пояс матерчатый, на который кожаными шнурами подвешены пинцет, нож с костяной ручкой в кожаных ножнах, расческа-гребень в кожаном футляре, бусина бирюзового цвета, бусина белого цвета), так и ори-

гинальные и редкие виды (курхарсы, желобчатые браслеты, перстни, височные кольца, височная подвеска восьмиллопастная, перстень женский с сердоликом, кольцо деревянное женское с ромбовидным щитком, серьга-подвеска бирюзового цвета, низка из восьми сердоликовых бусин, низанных на суровую нить, фрагмент костяной с цепочкой из клепанных колец, шкатулка маленькая с накручивающейся крышкой, плетеная

косичка из тесьмы, ракушка-подвеска с отверстием).

Таким образом, большинство найденных в результате обрушения Цоринского склепа артефактов, среди которых были предметы обихода, оружие, музыкальные инструменты, украшения и головные уборы женщин, мужчин и детей хорошо сохранились и представляют для науки огромный интерес.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Археологические находки. URL. <https://ru.wikipedia.org/wiki/Курхарс> (дата обращения: 10.03.23).
  2. История Ингушетии. – Нальчик: Эль-фа, 2012. – 598 с.
  3. Крупнов Е. И. Средневековая Ингушетия. – М.: Наука, 1971. – 207 с.
  4. Крупнов Е. И. О чем говорят памятники материальной культуры Чечено-Ингушской АССР. – Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1961. – 260 с.
  5. Крупнов Е. И. Средневековая Ингушетия. – 2-е изд. – Магас: Сердало, 2008. – 256 с.
  6. Марковин В. И. В стране вайнахов. – М.: Искусство, 1969. – 120 с.
  7. Семенов Л. П. Фригийские мотивы в древней ингушской культуре // Известия ЧИНИИИЯЛ. – Т. 1. Вып. 1. – Грозный, 1959. – С. 197-219.
  8. Семенов Л. П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925-1932 гг. – Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1963. – 160 с.
  9. Чахкиев Д. Ю. Оружие и вопросы военного искусства позднесредневековых ингушей и чеченцев (XIII-XVIII вв.). – Магас, 2019. – 380 с.
-

К ИСТОРИИ НЕКОТОРЫХ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ ИНГУШЕТИИ

*Долгиева М. Б., Агиева Л. Т., Дударов А-М. М.,
Дзуматова З. Р., Дзаурова Т. А-Х., Картоев М. М., Катиева М. Н.*

Аннотация. В настоящей статье рассматривается история происхождения некоторых населенных пунктов Ингушетии. Большой пласт топонимических названий сохранился в горной и равнинной части Ингушетии. Отмечается, что ингушская топонимика уникальна и по смыслу каждого названия, и по содержанию.

Ключевые слова: Ингушетия, Армхи, Алкун, Алхасты, Вежарий, Гейрбек-Юрт, Долаково.

TO THE HISTORY OF SOME SETTLEMENTS OF INGUSHETIA

*Dolgieva M. B., Agieva L. T., Dudarov A-M. M., Dzumatova Z. R.,
Dzaurova T. A-Kh., Kartoev M. M., Katieva M. N.*

Annotation. This article examines the history of the origin of some settlements of Ingushetia. A large layer of toponymic names has been preserved in the mountainous and flat parts of Ingushetia. It is noted that the Ingush toponymy is unique both in the meaning of each name and in content.

Keywords: Ingushetia, Armkhi, Alkun, Alkhasty, Vezhary, Geirbek-Yurt, Dolakovo.

Село Армхи // инг. Мохтĕ

Село Армхи, наряду с другими селами ущелья р. Армхи Фуртоуг, Тамариани, Горбани и Пхьамат, относится к с.п. Джейрах [4], находится от него ок. 5 км вверх по течению р. Армхи. Армхи расположен на склоне г. Охкар-Лоам (Охкарай лоам, в. 3334 м.) [12], западный склон которой омывает река Армхи [8, с. 11]. С юга его закрывает Снеговой хребет Іаържа-лоам (Черные горы), с севера расположена г. Столовая (Маът-Лоам) [9, с. 36]. Армхи возникло на месте, которое называлось Мохте (урочище Мохкты) [5, с. 28], в ингушской транскрипции Мохтĕ.

На данном участке не зафиксированы руины поселений, однако имеется кладбище, а также были обнаружены руины склепов. Старинное кладбище до сих пор располагается в черте современного курорта Армхи. Граница Ловшхой с представителями тейпа Обанхой проходила по берегу речки Обан-хий.

В начале XX в. (в 1925 г.), по указанию наркома здравоохранения РСФСР, была создана Краевая экспедиционная команда, в составе которой были председатель Ингушской областной страховой кассы Абдул-Хамид Тангиев, санитарный врач города Владикавказа Поляков, заведующий владикавказским туберкулезным диспансером врач Чеботаев, инженер Дубаков, а также профессора медицины, физики, климато-

логи, начальник Северо-Кавказского Курортного управления. Комиссия провела в Армхи несколько дней, проверила и осмотрела окрестности, и после всестороннего обследования подтвердила ценность Джейрахского ущелья для организации высокогорной климатической станции, в которой можно будет лечить от легочного, костного и детского туберкулеза. Заключение краевой экспедиции положило начало развитию курорта в Армхи. Первая докладная записка председателя Ингушской страхкасы Тангиева в Крайздрав о признании курортного значения за Джейраховским ущельем была подана 21 января 1926 г. Официальное открытие санатория состоялось лишь 15 июня 1928 года [11, с. 159]. Здесь же располагилась одна из первых в этом районе летняя климатическая станция [6]. Вместе со зданиями санатория в округе были построены домовладения для сотрудников санатория. В 1941 г. в документе указан хутор Армхи-курорт, на карте Чечено-Ингушской АССР 1976 г. – Армхи [3, с. 79].

В 1944 г. Джейрахский район был переименован в Дарьяльский район, перешел в состав Грузии, а санаторий «Армхи» был переименован в «Дарьял». После возвращения из депортации район вместе с санаторием был возвращен в состав Чечено-Ингушской Автономной Республики и был снова переименован в «Армхи» (1961 г.) [10, с. 159].

После возвращения из ссылки в 1956-57-х гг. в село Армхи переселились семьи из близлежащих селений по ущельям Армхи и Чулхий, так как возвращение и проживание в исторических селах стало невозможным (исключение: сс. Ляжги, Ольгети, Гули, Бейни, Джейрах, Эзми).

На карте Административно-хозяйственно-го республиканского комплексного заказника «Чечено-Ингушский» 1974 г. н.п. обозначен как Армхи. Также он указан и на Карте Чечено-Ингушской АССР.

В справочниках по административно-территориальному делению Чечено-Ингушской АССР 1978 года [1, с. 20], 1982 года [2, с. 21] этот населенный пункт обозначен как поселок Санаторий Армхи.

После образования Республики Ингушетия, с 1993 г. по настоящее время, село Армхи [7]. В настоящее время в с. Армхи проживают 70 семейств – около 400 человек.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Административно-территориальное деление Чечено-Ингушской АССР на 1 января 1978 г. / Справочник/ Президиум Верховного Совета Чеч-Инг. АССР. – Грозный: Чеч-Инг. кн. изд-во, 1978. – 62 с.
2. Административно-территориальное деление Чечено-Ингушской АССР (на 1 января 1982 г.). Президиум Верховного Совета Чеч-Инг. АССР. 2-е изд. – Грозный, 1983. – 61 с.
3. Административно-территориальное деление ЧИАССР на 1 января 1941 г. Информ. стат. отдел при Секретариате Президиума Верховного Совета СССР. 3-е изд. – М.: Изд-во «Ведомостей Верховного Совета РСФСР», 1941. – 436 с. // Архивный вестник Республики Ингушетия. Вып. 6. – Назрань, 2010.
4. Закон Республики Ингушетия от 23.02.2009 г. № 5-РЗ «Об установлении границ муниципальных образований Республики Ингушетия и наделения их статусом сельского поселения, городского поселения, муниципального района и городского округа (в редакции закона Республики Ингушетия от 02.07.2012 г. (№ 60-РЗ))».
5. Мартиросиан Г.К. Нагорная Ингушия. Соц-экон. очерк. – Владикавказ: Ингуш. НИИ краеведения, 1928. – 150 с.
6. Мартиросиан Г.К. Указ. Соч.
7. Список населенных пунктов, входящих в состав Ингушской Республики /Архив Администрации и Правительства Республики Ингушетия/.
8. Сулейманов А.С. Топонимия Чечено-Ингушетии. II часть. Грозный: Чеч-Инг. кн. изд-во, 1976.
9. Тусиков М.Л. Ингушетия. Экон. очерк. – Владикавказ, 1926. – 192 с.
10. Хроника истории ингушского народа с древнейших времен до наших дней. Сост. Я.С. Патиев. – М.: Лотос, 2007. – 381 с.
11. Хроника истории ингушского народа с древнейших времен до наших дней. Сост. Я.С. Патиев.
12. «Это Кавказ». Горы зовут. Обзор горнолыжных курортов Северного Кавказа. 29.11.2022 г. URL. etokavkaz.ru>infografika/infografika-gornolyzhki (дата обращения: 12.04.2023).

Сельское поселение Алкун // инг. Оалкам

Предгорное селение Алкун – одно из самых отдаленных сел в Сунженском районе, расположенное в горнолесном массиве Республики Ингушетия, по обоим берегам реки Асса у входа в Ассинское ущелье, на склоне хребта *Палзлай-дукъ*, который отделяет долину р. Ассы от долины р. Форты, в 42 км к юго-западу от районного центра – города Сунжа. Ближайшие населённые пункты: на северо-западе – сёла Мужичи и Галашки, на северо-востоке – село Даттых. В соответствии с Законом Республи-

ки Ингушетия от 23 февраля 2009 года № 5-рз «Образует муниципальное сельское поселение Алкун» [7].

История Алкуна уходит корнями в далёкое прошлое и проливает свет на эпизоды истории Ингушетии в разные исторические периоды. Точное время возникновения населенного пункта по документам не устанавливается. Судя по остаткам материальной культуры (башни Гагиевых / Гаьги-гIалаш XII-XVII вв.), местность в районе селения Алкун была населена ингушами еще в период позднего средневековья, таким образом,

селение можно считать одним из старейших в предгорной зоне Ингушетии.

После нашествия Тимура Хромого на Кавказ в XIV-XVI вв. здесь проживали предки ингушских фамилий: Ахильговы, Цицкиевы тейпа Обухой (Обанхой) [9], предположительно на месте Нижнего Алкуна.

У подножия горы Ерды-корт располагалось башенное поселение Боковых, выходцев из тейпа Цечой. Сохранилась полубоевая башня («Боки-гПала»), которую приблизительно датируют XIV-XV вв. Памятником материальной культуры была жилая башня, в источниках называется Верхнеалкунской башней [4, с. 50], стоящая на правом берегу реки Асса, на возвышении среди мусульманского кладбища. По сведениям Е.И. Крупнова, принадлежала она роду Бокиевых.

По официальным документам, село под названием Алкун известно, начиная с XIX века. На картах данное село указано с 1830-го года [10]. До определенного исторического периода различали собственно два села на левом и правом берегу реки Ассы с названиями: Верхний Алкун (инг. *МагIара Оалкам* или *Цечой Оалкам*) и Нижний Алкун (инг. *ЭгIара Оалкам* или *ПалгIай Оалкам*), зафиксированные на карте 1832 года [11].

В период с 1830 по 1860 гг. селение Алкун присутствует на российских картах и документах, связанных с политикой России в регионе, в частности, при описании военных действий в Галашевском обществе, к которому относилось это селение [20].

В 1860 г. жители галашевских селений, в том числе Алкуна, были выселены, а земли их были переданы 1-му Сунженскому казачьему полку. На месте бывшего поселения основываются пост Алкунский и на недолгое время станица Алкуновская [21].

Высочайше соизволил утвердить сделанное Генерал-Фельдмаршалом распоряжение о присвоении водворяемым в нынешнем году на правом и левом крыле Кавказской линии шести новым станицам Кавказского линейного казачьего войска, следующих наименований. На левом крыле, 5-ый – у Алкуна – станица Алкуновская. Май 1860 года [18, с. 612-961].

Несколько лет тут проживали казаки, стояли военные казачьи посты на южной окраине села в двух местах. Ингуши вынуждены были арендовать земли у поселенных на их землях казаков. До 1918 года они платили казакам арендную пла-

ту за свои же земли. В документах 1861 г. рассматриваемый населенный пункт числится как станица Алкунская [2].

В начале 1870-х гг. основываются новые ингушские поселения – хутора в Ассинском ущелье на арендуемых у казаков землях. Так, в 1873 г. появляется хутор Алкун (позже Нижний Алкун), основанный горцами из Хамхинского общества горной Ингушетии, а в 1874 г. – хутор Сарали Опиева (позже Верхний Алкун), основанный переселенцами из селения Цеча-Ахк.

В Верхнем Алкуне проживают Цечоевы (выходцы из Цеча-Ахк, с правого берега Фортанги) и Темурзиевы (выходцы с Таргима). В Верхнем Алкуне два кладбища.

С 1871 по 1880 гг. на карте Кавказского края и карте Терской области, а также и в Списке населенных мест Терской области Алкун зафиксирован как пост Алкунский [12]. Но в 1886 году в документах говорится о хуторе Алкун. На хуторе Алкун проживали представители следующих ингушских фамилий: Шадиевы, Астимировы, Арапхановы, Урусхановы, Дударкиевы, Нальгиевы, Балаевы. Старостой села был Коев СаIадал [22, с. 4].

В 1890-91 годах на хуторе Алкун имелись школа, мечеть, мельница и милицейский пост. Население – ингуши-магометане. Всего 60 дворов и 345 душ (184 – муж, 161 – жен). У населения есть крупнорогатый и мелкорогатый скот (овцы, козы и др.), а также лошади. Однако из 60 дворов хутора у 3 домов нет скота. По данным Статистических таблиц, общая площадь хутора составляла 742 десятины, включая удобную и неудобную землю. Среди удобной выделяются пахотные, сенокосные, выгонные, усадебные, огородные, садовые наделы, а также лесная и кустарниковая территория (целых 300 десятин). Среди них преимущественно выделяются сенокосные (111 десятин) и пахотные наделы (59 десятин). Удобная для хозяйствования земля (512 десятин) находится в преимуществе, по сравнению с неудобной (230 десятин) [23].

В 1893 г. на хуторе Алкун зафиксировано 49 дворов. Хутор Алкун поселен с разрешения начальства с 1873 года. Население его составляют горцы Хамхинского и Цоринского обществ. Из них часть принадлежит к числу 300 дворов, а часть проживает на собственной земле. На хуторе Сарали Опиева 20 дворов. Он заселён с разрешения начальства с 1874 года на войсковой

земле. Население его составляют жители селения Цеча-Ахка [24, с. 38].

В 1897 г., по данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи, на хуторе Алкун (Нижний Алкун) находилось 57 дворовых мест с 377 душами (муж – 191 и жен – 186). На его территории была мечеть, две лавки с мануфактурными товарами и одна с молочными товарами. Отмечалось наличие просёлочной и колесной дороги. На хуторе Сарали Опиев (Верхний Алкун) имелось 21 дворовое место с 192 душами (муж – 91 и жен – 101). Отмечалось наличие колесной и просёлочной дороги [17]. Такое положение сохранялось вплоть до 1916 г., и это было зафиксировано на карте Сунженского отдела с обозначением границ ингушских селений [13].

К началу Первой мировой войны (к 1914 году) на плоскости насчитывалось 14 ингушских хуторов на арендованных землях, в том числе Алкунский. С приходом к власти большевиков была установлена советская власть. В годы существования Горской республики в результате административного устройства с 1921 г. во всех источниках фиксируются два населенных пункта – Нижний и Верхний Алкун [1, с. 236]. На конец декабря 1923 года в районе числились сельсоветы: Алкунский, Ангуштский, Арштинский, Ахки-Юртовский, Бамутский, Бережкинский, Верхнедаттыхский, Галашкинский, Джейраховский, Камбилеевских хуторов, Мужичинский [6, с. 65-69].

По материалам Всесоюзной переписи 1926 года в Списке населённых мест Ингушской автономной области появляется Ассиновский округ, куда входят два селения: Нижний и Верхний Алкун. Нижний Алкун имеет 78 крестьянских хозяйств на 322 человека (муж – 171 и жен – 151). В селении также есть сельсовет. Верхний Алкун имеет 36 крестьянских хозяйств на 203 человека (муж – 104 и жен – 99). В обоих населённых пунктах отсутствуют некрестьянские хозяйства. В 1929 году за ущельем в 2 км – селение Верхний Алкун, а за ним в 1,5 км находится Нижний Алкун, два больших предгорных ингушских аула. От Таргима до Нижнего Алкуна около 25 километров [14, с. 77].

Президиум Ингушского облисполкома 5 июня 1932 г. принял постановление о новом районировании области, в соответствии с которым округа разделились на районы, получив новые названия: Назрановский округ разделился на На-

зрановский и Ачалукский районы, а Пригородный – на Пригородный и Галашкинский районы.

Центр Галашкинского района в с. Ахки-Юрт, а с 1925 года – Галашки. Образован постановлением Президиума ЦИК Горской АССР 12 мая 1923 года в следующем составе: Ахки-Юрт, Мужичи, Даттых, Алкун, Аршты, Бережки, Алхаст-Юрт, Длинная Долина, Хамхинское общество, Цоринское общество, Редантское общество, Надтеречные хутора, Таузен-Юрт, Шолхи, Ангушт, Новый Джейрах, Галгай. По картографическим данным, на 1943 год на карте были отмечены следующие объекты: Алкун, посёлок Алкунский, хутор Саралиопиев [3].

В 1944 году после депортации ингушей и ликвидации Чечено-Ингушской АССР селения Первомайского района были переименованы – Верхний Алкун в Дачное, а Нижний Алкун в Лесогорье. Был образован Лесогорский сельский совет Первомайского района ЧИАССР [15, с. 50-55].

После восстановления в 1957 г. Чечено-Ингушской АССР населённым пунктам вернули прежние названия – Нижний Алкун и Верхний Алкун. («с. Дачное Луговского сельского совета переименовать в Верхний Алкун и селение Лесогорье того же сельского совета в Нижний Алкун») [19]. С 1976 по 1989 гг. данное село на карте Чечено-Ингушской АССР фиксируется как Нижний Алкун, а по административно-территориальному делению Чечено-Ингушской АССР (на 1 января 1978 г. и 1982 г.) как Нижний и Верхний Алкун [16, с. 26-27].

В 1993 году администрация сел Верхний и Нижний Алкун отделилась от Мужичинской и стала самостоятельной. С периода 1993 г. по настоящее время – Алкун одно селение (сельское поселение) [25]. В этот период тамадой села был Хамхоев Магомед Ахмедович.

Население сел Верхний и Нижний Алкун составляло 473 человека, кроме них там ещё проживали 119 беженцев из Чечни и 15 человек – беженцев из Северной Осетии.

В соответствии с Законом Республики Ингушетия от 2009 г. «Об установлении границ муниципальных образований и наделении их статусом сельского, городского поселения, муниципально-го района и городского округа» было образовано сельское поселение Алкун [8].

Что касается этимологии данного селения, то существует мнение В.Б. Виноградова и К.З. Чо-

каева, что топоним «Алкун» состоит из двух основ: «ал» – «алан» и «кум» – «кам» – «ущелье», таким образом, получается («аланское ущелье» или ущелье алан») [5, с. 90-91].

В Алкуне проживают представители следующих тейпов: Хамхой (Хамхоевы), Цечой

(Цечоевы), Евлой (Евлоевы), Кхоакхой (Шадиевы, Нальгиевы, Балаевы), Бархой (Барахоевы), Эгахой (Богатыревы, Цакаевы), Оздой (Оздоевы), Хоаной (Ханиевы), Горатой (Темирзиевы), Баркинхой (Баркинхоевы), Кхоартой (Картоевы) и др.

ЛИТЕРАТУРА ИСТОЧНИКИ

1. Административное устройство Ингушетии в составе Горской АССР /Ингушетия и ингуши. Т. 2. – Назрань – Москва, 2001.
2. АКАК. Т. XII. Тифлис, 1904. С. 1243-1244. Док. № 1115.
3. Army Map Service, U.S. Army Washington D.C. 103145. 1944. Compiled by 82 Ground Survey Section, I.E. Dec. 1943.
4. Виноградов В.Б., Марковин В.И. Археологические памятники Чечено-Ингушской АССР. – Грозный, 1966.
5. Виноградов В.Б., Чокаев К.З. Иранские элементы в топонимии и гидронимике Чечено-Ингушетии. Т. 8. Вып. 2. // Известия ЧИНИИИЯЛ. – Грозный, 1966.
6. Дидигова И.Б. Районирование как реформа административно-территориального обустройства Северного Кавказа в начале XX века (на примере Ингушетии) / Вопросы истории // Рефлексия. – 2007. – №2.
7. Закон Республики Ингушетия от 23 февраля 2009 года № 5-рз «об установлении границ муниципальных образований Республики Ингушетия и наделении их статусом сельского поселения, муниципального района и городского округа».
8. Закон Республики Ингушетия от 23 февраля 2009 г. № 5-РЗ «Об установлении границ муниципальных образований и наделении их статусом сельского, городского поселения, муниципального района и городского округа».
9. Информатор Харон Хамхоев. Сотрудник Джейрахско-Ассинского государственного музея-заповедника stav.aif.ru/society/history/bashni_mavzolei (дата обращения: 12.04.2023 г).
10. Карта горских народов между Кизляром и Екатериноградом / РГВИА. Ф. 386. Оп. 1. Д. 2875.
11. Карта горских народов между Кизляром и Екатериноградом / РГВИА. Ф. 386. Оп. 1. Д. 2875.
12. Карта Кавказского края. РГБ. Ко 12 / II-7.; Карта Терской области. РГБ. Ко 15 / I-3.; Список населенных мест Терской области. 1875. ЦГА РСО-А. Ф. 11. Оп. 81. Д. 223.
13. Карта Сунженского отдела, с обозначением границ ингушских селений / РГВИА. Ф. 1300. Оп. 4. Д. 1326. Л. 128а.; Кавказский календарь на 1917 г. Тифлис, 1916.
14. Карта Ингушской автономной области. ИнгОблЗУ. РГБ. Ко 48 / VI-7; Список населенных мест Ингушской АО (составлен по материалам Всесоюзной переписи 1926 г.). Владикавказ, 1927; Карта Ингушской автономной области. ИнгОблЗУ. 2-е изд. РГБ. Ко 49 / V-88; Карта Ингушской автономной области. РГБ. Ко 49 / VIII-84; Административно-территориальное деление ЧИАССР на 1 января 1941 г. // Архивный вестник Республики Ингушетия. Вып. 5. Назрань, 2009.
15. Карта Грозненской области /административная/. РГБ. Ко 37 / VII-33; Карта Северо-Осетинской АССР /административная/. РГБ. Ко 35 / IX-46; Ингуши: депортация, возвращение, реабилитация, 1944-2004: Документы, материалы, комментарии / Авт.-сост. Я.С. Патиев. Магас, 2004. С. 135; Карта Грозненской области /административная/. РГБ. Ко 37 / VII-33; Карта Северо-Осетинской АССР /административная/. РГБ. Ко 35 / IX-46; Бибулатов В. Переименование населенных пунктов Грозненской области во время депортации чеченского народа // Зори Ислама, 2010. №2 (42).
16. Карта Чечено-Ингушской АССР; Административно-территориальное деление Чечено-Ингушской АССР (на 1 января 1978 г.; Административно-территориальное деление Чечено-Ингушской АССР (на 1 января 1982 г.). 2-е изд.
17. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Изд. Центр. Стат. Комитетом М-ва вн. Дел. Под ред. Н. А. Тройницкого. – СПб, 1897-1905.
18. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. 1860. СПб. 1862.

19. Постановление Организационного комитета по ЧИАССР от 29 октября 1957 г. № 45 «О переименовании некоторых сельских Советов и населенных пунктов ЧИАССР» / ГАРФ. Ф. А-385. Оп. 17. Д. 3284. Л. 5.

20. РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 218; Карта Левого фланга Кавказской линии / РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 20608; РГВИА. Ф. 13454. Оп. 1. Д. 795. Л. 89-89 об.; РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 946. Л. 203 об.; РГВИА. Ф. 13454. Оп. 15. Д. 198. Л. 121-121 об.; АКАК. Т. XII. Тифлис, 1904. С. 120. Док. № 985.

21. РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 371. Л. 32-32 об.; Карта Ингушского округа / РГВИА. Ф. 386. Оп. 1. Д. 2843; АКАК. Т. XII. Тифлис, 1904. С. 1243-1244. Док. № 1115.

22. Список жителей хутора Алкун, заверенного начальником канцелярии 4 участка Владикавказского округа Терской области // Кавказские ведомости. // Шадиева М. Ингушетия – мой дом родной // Сердало, 2015. №136-137.

23. Статистические таблицы населённых мест Терской области / Т.1. Вып.1.

24. Список жителей, проживающих по хуторам Ассинского ущелья 3-го участка Сунженского отдела, с показанием с какого времени хутора существуют, с чьего разрешения и на какой земле. Составлен 20 июня 1893 года. М. Картоев. К земельному вопросу в Ингушетии (вторая половина XIX – начало XX вв.): публикация документов // Архивный вестник. Вып.V. Назрань, 2009.

25. Список населенных пунктов, входящих в состав Ингушской Республики /Архив Администрации и Правительства Республики Ингушетия/.

Сельское поселение Алхасты // инг. Алхасте

Алхасты (инг. Алхасте) – село, находящееся в составе Сунженского района Республики Ингушетия. Географически оно расположено на реке Ассе, в восточной части Республики. Сегодня Алхасты образует муниципальное образование – сельское поселение.

Основная историческая версия этимологии названия данного поселения связана с именем первого его основателя, представителя рода (инг. тейпа) Боковых – Алхаста Бокова (инг. Боканькъан Алхаст) [16]. Вторая, не совсем удачная версия зиждется на мнении, что название села Алхасты имеет два корня: «ал» и «хъаст». Первый связан с арабским собственным именем Али (инг. «Аьла»), или же с тюркским «ал» (передний), а второй, со значением «хъаст» (родник), имеет ингушскую основу. Таким образом, получается «Аьла хъаст» со значением «Родник Али» (или же «Передний родник», если основываться на «ал»), которое, в итоге, и дало окончательное название Алхаст.

Сегодняшнее Алхасты расположено на левом берегу реки Асса, у ее выхода из гор (бассейн р. Сунжа) в 15-ти км. к юго-востоку от г. Назрань и в 17 км. к юго-западу от районного центра г. Сунжа [6].

Западнее над селом нависает гряда Черных гор, где протекает река Кенч. Юго-западнее же, на склонах гор, находятся урочища Верхний и Нижний Матхалдук. Еще южнее расположено устье речки под ингушским названием БугАр-

аьли (русс. назв. Ерусалимка), впадающей в Ассу. На правом берегу Ассы, юго-восточнее селения, начинается Амитинский хребет. Северо-восточнее села, на левом берегу Ассы, находится устье канала Асса – Сунжа. Ближайшие от Алхасте населенные пункты: на юге – село Галашки, на западе – село Сурхахи, на северо-востоке – село Гапжар-Юрт (Нестеровская).

Алхасты по своим природно-климатическим условиям и месторасположению – один из живописнейших уголков Ингушетии. Как и любое другое село, Алхасты имеет свою историю.

Происхождение названия селения возможно связано с названием указанной речки, притока Ассы, Алхаст-хи, которая обозначена на картах 1840-1850-х гг., когда еще в этом месте не был обозначен населенный пункт. С другой стороны, не исключено, что название самой речки связано с личным именем Алхаст, распространенным в прошлом у ингушей и соседних народов, в частности, кабардинцев. Достоверных сведений по данному вопросу нет.

В результате укрупнения небольших ингушских поселений хуторного типа, в 1859 году был образован и крупный аул Алхасте, входивший в Галашевско-Карабулакское общество. Алхастхетский аул, расположенный на притоке р. Ассы с одноименным названием, в 1859 г. насчитывал 179 дворов, в котором проживало 772 человек жителей [4, с. 485].

Это подтверждается и архивными материалами: населенный пункт в 1859 г. был известен под

своим историческим названием «Аул Алхаст-хетский на р. Ассе» [17].

Территория современного Сунженского района Республики Ингушетия в середине XIX века входила в Карабулакский участок Ингушского округа.

В начале 1860-х гг. жители аула Алхасте были выселены, и эта территория перешла к Терскому казачьему войску. В этот период на землях разрушенного ингушского поселения Алхасты основывается казачья станица Промежуточная, но затем, спустя несколько лет, с 1863 г. оно получает новое название – ст. Фельдмаршальская [7].

В 1860-1920 гг., как и вся Ингушетия, данное поселение входит в состав Сунженского отдела Терской области.

Станица Фельдмаршальская была основана в составе Сунженской кордонной линии (одной из последних) и входила в состав 2-го Владикавказского полка Кавказского линейного казачьего войска, который, будучи одним из трёх полков Сунженской линии, объединял казачьи станицы в верхнем течении Ассы, Сунжи и Камбилеевки [8, с. 136].

Как казачья станица под названием Фельдмаршальская, село Алхасты фигурирует на карте кавказского края с 1871 по 1917 год [9], в списке населенных мест Терской области 1875 года [18], на карте Сунженского отдела, на которой были обозначения границ, оставшихся у ингушей поселений [10], и в Кавказском календаре 1916 года, в котором были представлены данные на грядущий 1917 год [11].

На месте селения Алхасты, как и на территориях части других бывших ингушских поселений, на которых было поселено казачество, царские войска возвели оборонительные сооружения. Таким образом, под названием Фельдмаршальская село Алхасты было известно еще долгое время [12].

По состоянию на 1874 год в станице было 165 домов, 790 жителей (425 мужского пола и 365 женского пола). К 1883 году население в станице увеличилось до 902 чел., из которых 493 мужчин и 406 женщин. В основном, кроме несения службы, казаки здесь занимаются хлебопашеством. Также жители занимались изготовлением деревянных изделий. Интересен эпизод, зафиксированный в районе населенного пункта как «градобитие», в 1886 г. [19, с. 443].

После прихода к власти большевиков у ингушей появилась надежда на возвращение своих земель, в том числе и территории, на которой раньше располагалось селение Алхасты. После установления на Тереке Советской власти в марте 1918 года во Владикавказе прошёл съезд Советов Терской области, на котором было принято решение о переселении казаков из станиц Воронцово-Дашковской, Сунженской, Тарской и Фельдмаршальской и передаче их прежним владельцам – ингушам [22, с. 49-50]. Земли в районе данного села ингуши заняли в 1922 году, восстановили с. Алхасте недалеко от переселенной станицы.

Селение Алхасты находилось сначала в составе Ингушского национального округа Горской АССР, затем в составе Ингушской АО, Чечено-Ингушской АО и, наконец, в составе Чечено-Ингушской АССР во время объединения этих двух областей. По данным переписи 1926 года в селе проживали исключительно ингуши [23]. Полноценное восстановление ранее занятых казаками ингушских поселений началось после окончания Гражданской войны, когда на территории страны был установлен относительный мир и спокойствие.

В документах и на картах с 1922 по 1944 гг. селение обозначено как Алхасте, Алхаст-юрт, Алхасты. И в переписи 1926 г. среди ингушей село известно в нескольких вариантах, как Алхасте, Алхаст-юрт, Алхасты [20, с. 185, 84, 136].

Населённому пункту было возвращено свое прежнее название – Алхасты (инг. Алхасте). К делегату съезда Сергею Наврузовичу Коригову (Мамиеву) с предложением восстановить старинное ингушское село выступил С. Орджоникидзе.

В числе первых в село вернулись жить Серго Коригов (Мамиев) со своей женой Даурбековой Ибихан Марзабековной, Хосбот-Хаджи Фаргиев, Зарахмат Мержоев, Дошлоко Цечоев, Эсбот-Хаджи Галаев. За ними из с. Сагопши вернулись Белхороевы, Боковы, Галаевы, Фаргиевы, Булгучевы, Кориговы и др. И в 1924 г. в с. Алхасты поток возвращенцев не прекращался – переехали жить из с. Сурхахи Сампиевы, Арчаковы (Ганиевы, Духиевы) и многие другие. Основной период заселения района ингушами относится к 1922 году [24].

Во время депортации ингушского народа, в 1944 г., село было переименовано в Краснооктябрьское [5, с. 136]; под тем же названием оно

известно и в 1954 году на административной карте Грозненской области [13].

После восстановления ЧИАССР, уже в 1978 г. [14] и даже долгое время после него, вплоть до 1982 года, Алхасты носило название, данное во время депортации ингушского народа – Краснооктябрьское [1, с. 26-27]. Впервые за долгое время депортации и постдепортационного периода 1944-1989 гг. на административной карте Чечено-Ингушской АССР 1989 г. появляется старое ингушское название села – Алхаст [15]. В 1993 году в Списке населенных пунктов Ингушской Республики данное село значится как Алхасты (Краснооктябрьское) [21]. Наконец, под названием «сельское поселение Алхасты» данный населенный пункт зафиксирован с 2009 г. [3].

Маленькое селение Алхасты разделило вместе со страной горечь утрат в Великой Отечественной войне. В числе десятков тысяч сынов Ингушетии ушедших на фронт 31 доброволец из селения Алхасты сражались на полях Отечественной войны. Отличились уроженцы села и в период афганской кампании – здесь проживают 4 ветерана-афганца.

Сельское хозяйство является одной из основных отраслей деятельности сельчан. В Алхастах с 1995 года действует сельскохозяйственный кооператив «Алхаст» (150 гектар пашни). В селе с 1934 года функционировала старая, не приспособленная для проведения занятий школа. Но сегодня в селе красуется построенная новая школа на 504 посадочных места. В селе есть Дом культуры, функционирующий с 1972 года. Большим подарком для сельчан стала новая амбулатория, переоборудованная из старого фельдшерско-акушерского пункта.

Село богато своими родниками. Самый крупный из них находится на краю села. Этот родник облагорожен в традиционном ингушском стиле. Он входит в число пяти лучших источников республики. По словам старожил, в годы депортации ингушей родник высох, и вода вновь появилась только после возвращения ингушей на Родину [2].

Алхасты сегодня довольно большое село, здесь 22 улицы. У села есть и свой праздник – День села, который празднуется каждый год 19 июля [25].

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Атлас Чечено-Ингушской АССР. Административная карта; Административно-территориальное деление Чечено-Ингушской АССР (на 1 января 1978 г.). С. 26]; [Краткая историческая справка об административно-территориальном делении Чечено-Ингушетии. Центральный государственный архив Чечено-Ингушской АССР. г. Грозный. 1785-1946 гг.]; [Административно-территориальное деление Чечено-Ингушской АССР (на 1 января 1982 г.). 2-е изд.
2. Док. Фильм. Лораде Галам. С.п. Алхасты. Автор. М. Ханиев. 18.10.2017.
3. Закон Республики Ингушетия от 23 февраля 2009 г. № 5-РЗ «Об установлении границ муниципальных образований и наделении их статусом сельского, городского поселения, муниципального района и городского округа».
4. Ингушетия в политике Российской империи на Кавказе. XIX век: Сборник документов и материалов / Сост., вступ. ст., примеч., указат. и др. М.М. Картоев. 2-е изд., исп. и доп. – Магас, 2020.
5. Ингуши: депортация, возвращение, реабилитация, 1944-2004: Документы, материалы, комментарии / Авт.-сост. Я.С. Патиев. – Магас, 2004.
6. Карта Чечни и Ингушетии (гаг) (не ранее 1995). Закон Республики Ингушетия от 23 февраля 2009 года № 5-рз «Об установлении границ муниципальных образований Республики Ингушетия и наделении их статусом сельского поселения, муниципального района и городского округа.
7. Карта Ингушского округа / РГВИА. Ф. 386. Оп. 1. Д. 2843.
8. Караулов М.А. Терское казачество в прошлом и настоящем. Пятигорск, 2002.
9. Карта Кавказского края. РГБ. Ко 12 / II-7.
10. Карта Сунженского отдела, с обозначением границ ингушских селений / РГВИА. Ф. 1300. Оп. 4. Д. 1326. Л. 128 а.
11. Кавказский календарь на 1917 г. Тифлис, 1916.
12. Карта Ингушской автономной области 1925 года. ИнгОблЗУ. РГБ. Ко 48 / VI-7.
13. Карта Грозненской области /административная/. РГБ. Ко 37 / VII-33; Карта Северо-Осетинской АССР /административная/. РГБ. Ко 35 / IX-46.

14. Карта Чечено-Ингушской АССР /административная/. РГБ. Ко 60 / IV-15.
15. Карта Чечено-Ингушской АССР /административная/. 1989 г.
16. Праздник сельчан. Карта Чечни и Ингушетии (rar) не ранее 1995 г.
17. РГВИА. Ф. 13454. ОП. 15. Д. 202. Л. 101-111.
18. Список населенных мест Терской области. 1875. ЦГА РСО-А. Ф. 11. Оп. 81. Д. 223.
19. Список населенных мест Терской области по сведениям к 1 января 1883 года // Составлен Терским областным статистическим Комитетом под. ред. секретаря Комитета Н. Благовещенского. – Владикавказ, 1885; Сборник сведений о Кавказе. Том V. Списки населенных мест Кавказского края. Ч. I. Губернии: Эриванская, Кутаисская, Бакинская, Ставропольская и Терская область. Сост. Н. Зейдлиц. 1879.
20. Список населенных мест Ингушской АО (составлен по материалам Всесоюзной переписи 1926 г.). Владикавказ, 1927; Карта Ингушской автономной области. ИнгОблЗУ. РГБ. Ко 48 / VI-7; Список населенных мест Ингушской АО (составлен по материалам Всесоюзной переписи 1926 г.). Владикавказ, 1927; Тусиков М.Л. Ингушетия. Экономический очерк. Владикавказ, 1926. С. 185.; Карта Ингушской автономной области. ИнгОблЗУ. 2-е изд. РГБ. Ко 49 / V-88; Административно-территориальное деление ЧИАССР на 1 января 1941 г. // Архивный вестник Республики Ингушетия. Вып. 6. Назрань, 2010. С. 84.; Ингуши: депортация, возвращение, реабилитация, 1944-2004: Документы, материалы, комментарии/Авт.-сост. Я.С. Патиев. – Магас, 2004. – С. 136.
21. Список населенных пунктов, входящих в состав Ингушской Республики /Архив Администрации и Правительства Республики Ингушетия/. 1993 г.
22. Цуциев А.А. Осетино-ингушский конфликт 1992 г.: его предыстория и факторы развития. Историко-социологический очерк. – М., 1998.
23. Этнокавказ. Этнографическая карта территории современной Ингушетии 1926 г.
24. Яхьяева Л. Праздник сельчан // Знамя труда. - 19 июля 2008 г. – № 4 (9188).
25. Яхьяева Л. Праздник сельчан. Газета «Знамя труда». 19 июля. 2008 г. № 4 (9188).

Сельское поселение Вежарий // Вежарий-Юрт

Селение Вежарий расположено в северной части Ингушетии (самый северный населенный пункт Ингушетии), граничит на севере, западе и на востоке с Моздокским районом Республики Северная Осетия-Алания, на юге – с территорией городского округа Малгобек (район бывшего села Старый Малгобек). К югу от села находится Терский хребет, юго-западнее расположена вершина Жигзакож, высотой 560,7 м над уровнем моря. Севернее села на территории Северной Осетии проходит Надтеречный оросительный канал [1].

С ингушского языка название «*Вежарий*» переводится как «Братья». Прежнее название населенного пункта – совхоз «Луч» [4].

Датой образования села Вежарий считается 16 мая 1984 года. Постановлением Президиума

Верховного Совета ЧИАССР от 21 марта 1984 г. № 37 был переименован населенный пункт центральной усадьбы винсовхоза «Луч» Малгобекского района ЧИАССР в село Вежарий. Данное Постановление было утверждено Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 30 мая 1984 г. [3].

В течение некоторого времени, с рубежа 1989-1990 годов, применялось название Вежарий-Юрт. Со времени образования Республики Ингушетия, с 1993 года, употребляется название село Вежарий, что соответствует официальным документам об его образовании [5]. С 2009 года образует муниципальное образование сельское поселение Вежарий, как единственный населенный пункт в его составе [2]. Здесь проживают представители разных народов: ингуши, чеченцы, кумыки, русские и др.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Закон Республики Ингушетия от 23 февраля 2009 года № 5-рз «Об установлении границ муниципальных образований Республики Ингушетия и наделении их статусом сельского поселения, муниципального района и городского округа».
2. Закон Республики Ингушетия от 23 февраля 2009 г. № 5-РЗ «Об установлении границ муниципальных образований и наделении их статусом сельского, городского поселения, муниципального

района и городского округа»; Министерство экономического развития Республики Ингушетия. Паспорт с.п. Вежарий.

3. Постановление Президиума Верховного Совета ЧИАССР от 21 марта 1984 г. № 37; Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 30 мая 1984 г. / ГАРФ. Ф. А-385. Оп. 17. Д. 4766. Л. 1, 10.

4. Топографические карты. К-38-18. Малгобек.

5. Список населенных пунктов, входящих в состав Ингушской Республики /Архив Администрации и Правительства Республики Ингушетия/.

Село Гейрбек-Юрт в составе с.п. Долаково // Гайрбик-Юрт

Гейрбек-Юрт (инг. Гайрбик-Юрт) – сельское поселение к юго-западу от селения Средние Ачалуки (в составе Назрановского административного района). Входит в состав сельского поселения Долаково.

На 2019 год население села составляет 258 человек [8]. В селе три улицы: Спортивная, Центральная, Боярышника.

Согласно документальным данным, впервые образовано в 1847 г. тогда еще на землях Малой Кабарды, как аул, и получило название по имени основателя Гайрбека-Хаджи Гайтиева (Мальсагова), царского генерала [6, с. 8].

По словам старожилов, генералу царской армии Гайте Гайрбику были подарены царским правительством, как имеющему воинский чин высокого ранга, при уходе в отставку земли в том районе, где сейчас расположено нынешнее селение Гейрбек-Юрт. У Гайрбека были намерения обосноваться на этих землях. С этой целью заложил там и село, которое ныне носит его имя Гейрбек-Юрт. Однако как только начал обустриваться, он заметил, что там трудно решить проблему с питьевой водой: ее приходилось возить издалека. По его просьбе эти земли ему были

заменены на земли в районе Яндаре. На новое место перевез он и свой дом из Гейрбек-Юрта, который все еще стоит в Яндаре.

В период существования Ингушской Автономной области в документах 1926 года, данный населенный пункт проходит как хутор Гайрбек-юрт [7]. Гайрбек-юрт в статусе хутора известен и на 1941 год [1, с. 77].

С 1978 в справочниках по административно-территориальному делению Чечено-Ингушской АССР хутор Гайрбек-юрт числится как село Гаирбек-юрт [2, с. 19]. В списке вновь возникших и зарегистрированных населенных пунктов по сост. на 1 января 1982 г. рассматриваемый населенный пункт называется селом Гайрбек-юрт [3, с. 21].

После образования Республики Ингушетия в списке населенных пунктов, входящих в состав Ингушской Республики с 1993 г. именуется как село Гайрбек-Юрт [4].

В Законе Республики Ингушетия от 23 февраля 2009 г. № 5-РЗ «Об установлении границ муниципальных образований и наделении их статусом сельского, городского поселения, муниципального района и городского округа» уже обозначено как село Гейрбек-Юрт, входящее в сельское поселение Долаково [5].

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Административно-территориальное деление ЧИАССР на 1 января 1941 г. // Архивный вестник Республики Ингушетия. Вып. 5. Назрань, 2009.

2. Административно-территориальное деление Чечено-Ингушской АССР (на 1 января 1978 г.).

3. Административно-территориальное деление Чечено-Ингушской АССР (на 1 января 1982 г.). 2-е изд.

4. Архив Администрации и Правительства Республики Ингушетия/документах.

5. Закон Республики Ингушетия от 23 февраля 2009 г. № 5-РЗ «Об установлении границ муниципальных образований и наделении их статусом сельского, городского поселения, муниципального района и городского округа».

6. РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 485. Л. 2.; Список населенных пунктов по Ингушской АО, составленный по материалам Всесоюзной переписи 1926 года. Владикавказ, 1927.

7. Список населенных мест Ингушской АО (составлен по материалам Всесоюзной переписи 1926 г.). Владикавказ, 1927.

8. Численность населения Республики Ингушетия по состоянию на 01.01.2019 г. в разрезе населённых пунктов.

Сельское поселение Долаково // инг. Долакха-Юрт

Долаково (инг. Долакха-Юрт) – в разных источниках село известно под названием «аул Долака», «аул Долоково», «селение Долаковское», «Дахкильг-юрт».

Село раскинулось на правом берегу реки Камбилеевка (Г1алми). На востоке граничит с селом Кантышево, на западе – с селением Зильги (Северная Осетия). Относительно основания с. Долаково в исторической литературе есть следующие версии.

По одной из них, история ингушского селения Долаково берет начало в первой половине XIX столетия. К 1810-1815 гг. относится время, когда ингуши вновь поселяются в этих местах. Тогда на месте Долаково существовали небольшие хутора. Первоначально село было образовано в низовьях реки Камбилеевки, в 1810 году (в этом районе располагалась железнодорожная станция Долаково, Долаковский разъезд). В 1819 году, оставив в низовье земельные уделы, некоторые представители ингушского населения переселились на более высокий правый берег реки.

По материалам Всесоюзной переписи 1926 года, датой основания села считается 1831 год [31, с. 8]. По ингушской терминологической традиции названия населенным пунктам давались по именам основателей или первых старшин селений. Назвать село в честь уважаемого человека, старшины Долака Дахкильгова решали в доме полковника Бунхо Долгиева, этот дом по сегодняшний день стоит атаг1е – на берегу реки [9].

До поселения на месте будущего Долаково на р. Камбилеевке, старшина Долак Дахкильгов вместе со своими сородичами проживал на р. Сунжа, где на левом берегу указанной реки в районе современного Карабулака, в 1837-1841 гг., согласно картографическим и документальным сведениям, располагался аул Долака Гостемирова [1].

С 1842 г. селение Гостемирова на старом месте уже не фиксируется, что возможно связано с действиями войск имама Шамиля в этом районе в 1840-1841 гг., в результате которых были сожжены и переселены большинство селений, располагавшихся на р. Сунже. На возможное направление миграции населения аула Долака Гостемирова указывает семейное предание Дахкильговых, согласно которому они до поселения в ауле Долаково проживали в с. Барсуки.

В 1830-х г. Долакх Дахкильгов проживал на р. Сунже, откуда он в начале 1840-х гг. переселяется в район с. Барсуки на р. Назрановке.

Не позднее конца 50-х гг. XIX столетия Долак Дахкильгов проживает на р. Камбилеевка и является первым старшиной нового селения, названного его именем – Долаково [37].

В рапорте Владикавказского коменданта полковника Широкова о горских народах Владикавказского округа от 31 декабря 1838 года за № 3549 упоминается о поселении старшины Долака Дахкильгова, именем которого и названо село Долаково, т.е. означает «село Долака».

По другой версии, официальной датой основания селения Долаково считается 1858 год, эта дата выбита и на трафарете при въезде в село.

В это же время в районе будущего села был заложен хутор Долгиевых, предположительно в районе за долаковским кладбищем [10] и хутор Дахкильговых, что подтверждал профессор И. А. Дахкильгов.

На базе этих хуторов в период укрупнения сел в 1858 г. было основано Долаково, первым старшиной этого села был Долакх Дахкильгов, который до этого вместе со своей семьей жил в районе долаковского разъезда.

Тем самым, в соответствии с этой версией и данным картографии, нынешний населенный пункт Долаково фиксируется не ранее конца 1850-х гг., и его основание надо связывать с процессом объединения мелких ингушских населенных пунктов хуторного типа в крупные селения в конце 1858 г.

Вместе с тем есть ряд косвенных документов и картографических данных, которые требуют дополнительного исследования, указывающих на возможное, более раннее поселение на месте будущего селения представителей фамилии Дахкильговых – это наличие на карте Владикавказского округа 1852 г. топонима «Дагкили-чурт» на р. Камбилеевке в районе будущего селения Долаково [2].

В 1858 году был составлен «Список населенных местностей Военно-Осетинского округа», в котором указан хутор Долаково на р. Камбилеевке, состоящий из 12 дворов [3]. Село разрасталось, начиная с начала XIX в. и вплоть до середины XIX в.

В район Долаково и Кантышево стала переселяться часть ингушей после создания на месте села Ангушт станицы Тарской. «10 ноября 1860

г. было уничтожено село Онгушт, и на его месте была построена станица Тарская, изгнанная оттуда часть ингушей, нашла пристанище в селениях Кантышево и Дахкильгово» [11]. 1860-е гг. начало Дахкильг-юрт [13]. На карте Терской области 1862 г. населенный пункт отмечен как «Дахкильг-Юрт» [14].

1864 год – аул Долаков (старшина Долак Дахкильгов) [26].

В 1864 году в посемейных списках жителей Назрановского участка в селение Долаково насчитывалось 58 семей (366 жителей: мужчины – 178, женщины – 188). Первой в этом списке числится большая семья старшины Долака Дахкильгова, состоящая из 12 человек [4].

Затем перечислены представители рода Дахкильговых: Заурбек, Байсангур, Палачь, Актемир, Мичи, Гамуко [35].

1865 год – аул Долаков [36].

1867 год – аул Доллак [15].

1871 год – аул Доллак [16].

1875 год – селение Долаково [33].

1880 год – Долако [17].

1892 год – Доллак [30].

1896 год – селение Долаковское [32].

В «Сведениях о населенных пунктах Сунженского отдела Терской области по первой Всероссийской переписи населения за 1897 г.» читаем: «Селение Долаковское. Казенное селение с крестьянским уделом. Подчинено Долаковскому сельскому правлению. При Зильгинской большой дороге. При речке Камбилеевке. Дворов 225. Мужчин 900, женщин 839. Итого 1739. Имеются одна большая и одна маленькая мечети, одно сельское правление. Имеются мануфактурная лавка и 5 мелочных лавок» [27].

1900 год – Долаково [18].

1907 год – Долак [25].

1916 год – Долаково [19].

1919 год. 2 февраля 1919 г. у сс. Долаково и Кантышево, занимаемых большевиками под командованием С. Орджоникидзе, происходили бои, в ходе которых вооруженные силы юга России потерпели поражение. В 1921 году населенный пункт под названием Долаково вместе с Кантышево включены в состав Ачалукской волости [5, с. 236].

После установления Советской власти село Долаково входило в состав Назрановского округа Ингушской Автономной области. Первым

председателем ревкома в селе был Умат-Гирей Кулбужев [6].

В 1925 году на карте Ингушской автономной области этот населенный пункт нанесен как село Далаковское [20].

В 1926 году в списке населенных мест Ингушской АО как село Долаково [28].

Численность населения в 1926 г. в населенном пункте Долаково составляла 2150 человек.

С 1928 по 1930 годы в документах село фиксируется под наименованием Далаковское [21].

В 1941 году на карте Северо-Осетинской АССР село фиксируется под названием Далаково, Долаково [22, с. 77].

В 1944 году селение Долаково переименовано в селение Даллакау /осетинское название этого селения/ [7].

В 1954 году в документах значится как Долаково /станция ж.д./, Даллагкау [23].

После возвращения ингушей из депортации в 1957 году было принято решение «переименовать с. Даллагкау в Далаково» [29].

С 1958 по 1989 гг. в документах данный населенный пункт значится как Далаково [24, с. 19, 21].

После образования Республики Ингушетия в документах 1993 года населенный пункт фиксируется как с. Долаково [34].

В соответствии с Законом Республики Ингушетия от 23 февраля 2009 г. с 1999 г. село именуется как сельское поселение Долаково [8].

Таким образом, наиболее устоявшиеся варианты наименований это: Далаково – с 1957 по 1993 гг. и Долаково – с 1993 по настоящее время.

В 2006 году в селе проживало 9058 человек, в 2013 году – 6715 человек, в 2018 году – 7268 человек. В настоящее время в с. Долаково живут представители многих тейпов: Дахкильговы, Манкиевы (Мислауровы), Долгиевы, Гелисхановы, Шакриевы, Гаракоевы, Даурбековы, Кусиевы, Эльмурзиевы, Кулбужевы, Цечоевы, Балхаевы, Батыжевы, Газиковы, Эсмурзиевы, Шаухаловы, Баркинхоевы, Сурхоевы, Точиевы, Джандаровы (Жандаровы), Джабагиевы, Евлоевы, Аксаговы, Акиевы, Осмиевы, Бековы, Темурзиевы, Шибилы, Личиевы, Дзейтовы, Берсинговы, Яндиевы, Парижевы, Картыевы, Оздыевы, Мержыевы, Чапановы, Оксаговы, Рамазановы, Батаевы, Алихановы, Халухаевы, Курские, Мусиевы, Албаковы, Чемерзиевы, Белокиевы, Цечоевы и др. [12].

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. «Архивная справка к истории основания сельского поселения Долаково Назрановского района Республики Ингушетия». Государственный архив РИ.
2. «Архивная справка к истории основания сельского поселения Долаково Назрановского района Республики Ингушетия». Государственный архив РИ.
3. «Архивная справка к истории основания сельского поселения Долаково Назрановского района Республики Ингушетия». Государственный архив РИ. 4. «Архивная справка к истории основания сельского поселения Долаково Назрановского района Республики Ингушетия». Государственный архив РИ.
5. Административное устройство Ингушетии в составе Горской АССР /Ингушетия и ингуши. Т. 2. Назрань – Москва, 2001.
6. Газета «Сердало» от 10 сентября 1924 г.
7. ГАРФ. Ф. А-385. Оп. 17. Д. 329. Л. 5-6.
8. Закон Республики Ингушетия от 23 февраля 2009 г. № 5-РЗ «Об установлении границ муниципальных образований и наделении их статусом сельского, городского поселения, муниципального района и городского округа».
9. Интернет ресурс – <http://ingushforum.ru/viewtopic.php?id=130> – Нурдин Кодзоев, 20 апреля 2019 г.
10. Информатор: Долгиев Магомед Хаматханович 1963 г.р., с. Долаково.
11. История Ингушетии. М.Б. Долгиева, М.М. Картоев, Н.Д. Кодзоев, Т.Х. Матиев. – Ростов-на-Дону, 2012.
12. Интернет ресурс - <https://wiki2.org/ru/Долаково> 9 апреля 2019 г.
13. Карта Ингушского округа / РГВИА. Ф. 386. Оп. 1. Д. 2843.
14. Карта Терской области / РГВИА. Ф. 386. Оп. 1. Д. 2844.
15. Карта частей Кабардинского и Ингушевского округов Терской области, с показанием границ, предполагаемого к учреждению Пседахинского участка Ингушевского округа / РГИА. Ф. 1268. Оп. 12. Д. 76. Л. 3.
16. Карта Кавказского края. РГБ. Ко 12 / II-7.
17. Карта Терской области. РГБ. Ко 15 / I-3.
18. Карта Сунженского отдела, с обозначением границ ингушских селений / РГВИА. Ф. 1300. Оп. 4. Д. 1326. Л. 128 а.
19. Кавказский календарь на 1917 г. – Тифлис, 1916.
20. Карта Ингушской автономной области. ИнгОблЗУ. РГБ. Ко 48 / VI-7.
21. Карта Ингушской автономной области. 2-е изд. РГБ. Ко 49 / V-88; Карта Ингушской автономной области. РГБ. Ко 49 / VIII-84.
22. Карта Северо-Осетинской АССР /административная/. РГБ. Ко 48 / VIII-9; Административно-территориальное деление ЧИАССР на 1 января 1941 г. // Архивный вестник Республики Ингушетия. Вып. 5. Назрань, 2009.
23. Карта Грозненской области /административная/. РГБ. Ко 37 / VII-33; Карта Северо-Осетинской АССР /административная/. РГБ. Ко 35 / IX-46.
24. Карта Чечено-Ингушской АССР /административная/. РГБ. Ко 60 / IV-15.]; Атлас Чечено-Ингушской АССР. Административная карта; Административно-территориальное деление Чечено-Ингушской АССР (на 1 января 1978 г.). С. 19.]; [Административно-территориальное деление Чечено-Ингушской АССР (на 1 января 1982 г.). 2-е изд. С. 21.]; [Карта Чечено-Ингушской АССР /административная/.
25. Межевой план сел. Долак / РГАДА. Ф. 1354. Оп. 575. Д. Д-2, Д-3.
26. Посемейный список с. Долаково Ингушского округа Терской области. ЦГА РСО-А. Ф. 262. Оп. 1. Д. 77.
27. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года / Изд. Центр. Стат. комитетом М-ва вн. дел; Под ред. Н. А. Тройницкого. - [СПб.], 1897-1905.
28. Список населенных мест Ингушской АО (составлен по материалам Всесоюзной переписи 1926 г.). – Владикавказ, 1927.

29. Постановление Организационного комитета по ЧИАССР от 29 октября 1957 г. № 45 «О переименовании некоторых сельских Советов и населенных пунктов ЧИАССР» / ГАРФ. Ф. А-385. Оп. 17. Д. 3284. Л. 5.

30. Пятиверстная карта Кавказа. РГБ. Ко 14/ III-19.

31. Список населенных пунктов по Ингушской АО, составленный по материалам Всесоюзной переписи 1926 года. – Владикавказ, 1927.

32. Сведения о населенных местах. Центральный статистический комитет МВД. РГИА.

33. Список населенных мест Терской области. 1875. ЦГА РСФСР-А. Ф. 11. Оп. 81. Д. 223.

34. Список населенных пунктов, входящих в состав Ингушской Республики / Архив Администрации и Правительства Республики Ингушетия/.

35. ЦГА РСФСР. Ф.262. Оп.1. Д. 77.

36. ЦГА РСФСР-А. Ф. 26. Оп. 1. Д. 33. Л. 23.

37. Яндиева М.Д. Ингушетия и ингуши. 2 том. – М., 2002.

Сельское поселение Яндаре // инг. Яндаре

Яндаре – сельское поселение в Назрановском районе, расположенное южнее города Карабулак по левую сторону трассы Грозный-Назрань, к северу-востоку от районного центра – города Назрань.

Яндаре, вместе с ближайшими населенными пунктами – селениями Гази-Юрт, Сурхахи, Экажево, Али-Юрт и современным городом Магас, образует один из крупнейших археологических комплексов городищ [5, с. 117-120].

Относительно основания с. Яндаре в исторической литературе есть несколько версий. По одной из них, история ингушского селения Яндаре берет начало с первой четверти XVIII в. По другой версии, село Яндырка (инг. «Яндаре») основано в 1866 году [14, с. 9].

Как известно, в период нашествия монголо-татар, а затем и войск Тамерлана предки ингушей вынуждены были оставить свои равнинные земли и уйти в горы. В последующем эта территория была занята кабардинскими феодалами. «В документах говорится, что на месте современного Яндаре располагался аул малокабардинских дворян Ендаровых, по имени которых была названа данная местность, а также протекала река Эндерипс (ныне Яндырка)». Однако, со временем, в результате ряда миграций с гор на равнину предкам ингушей удалось снова занять свои земли.

По этому поводу известный исследователь А. Н. Генко отмечает, что «в конце XVII века кабардинцы покинули свое прежнее местожительство на Эндерипсе / Эндери – собственное имя, «псе» – вода /, каб. yendarıps, т.е. река Яндыра / собственно мужское имя/. Ныне на этом месте ингушское село Яндырка /jandarue/».

А. Н. Генко дает следующую картину передвижения и контактов некоторых кавказских народов в исследуемом нами ареале: «В конце XVII в. кабардинцы покинули свое прежнее местожительство в Эндерипсе (это кабардинское название означает «река Яндырка», здесь располагается ингушское селение Яндырка), опасаясь кровной мести со стороны беспокойных соседей – карабулаков, чеченцев и кумыков. Территория окрестностей Яндырки вниз по Сунже оставалась по 1781 г. никем не заселенной. После ухода кабардинцев ингуши и карабулаки заняли ущелье в верховьях Сунжи, основав там так называемые ахкинюртовские поселения» [1, с. 693]. Есть основание думать, что в заселении села принимали совместное участие целый ряд ингушских обществ, в том числе и карабулаки.

На Карте Большой и Малой Кабарды, Кумышских степей, Кизляра и Астраханской степи за 1744 год написано, что князю Батыр-Мурзе был подвластен и аул Эндеров (Эндер) [10].

В начале XIX в. ингуши стали спускаться с гор на плоскостные земли. В период миграции с гор на равнину эти земли заселили по одной из существующей версии представители Тергимхой, Леймой, Цечой и т.д. Название аула Яндыр можно увидеть на «Подробной карте Грузии...» за 1817 год [11].

А названия Большая Яндырка, Средняя Яндырка и Малая Яндырка впервые появляются на «Карте земель ингушевцев» за 1825 год [2]. И эти же названия прослеживаются на разных картах 1833 г. [12].

Об этом также свидетельствуют топонимы, сохранившиеся на данной территории: «Замига Яндаре хий» (Маленькая Яндырка); «Доккха Яндаре хий» (Большая Яндырка), эти две речушки

сливаются, образуя большую Яндырку; «Яндара хьаст» (Источник Яндаре) – источник в черте села и т.д.

В разные исторические периоды в с. Яндаре происходили важные события. Так, в мае-июне 1825 г. произошло восстание жителей села Яндыр под руководством Джамбулата Цечоева, которое было подавлено и закончилось арестом и казнью Цечоева по приказу генерала А. П. Ермолова.

В 1833 году в Большой Яндырке вспыхнуло восстание во главе с Джанхотом Азаматовым, которое было подавлено. Дома Джанхота Азаматовича и его родственников были сожжены. Уничтожение всего селения было оставлено из-за заступничества назрановцев [9, с. 205-206].

Первым поселенцем села в 1827 году был Гайрбек Мальсагов (Гайте Пайрбик) – генерал царской армии. За заслуги, при уходе в отставку ему были выделены земли в том районе, где сейчас расположено селение Гайрбек-Юрт. Это между селениями Средние Ачалуки и Инарки Малгобекского района. Однако, как только начал обустраиваться, он заметил, что рядом нет источника питьевой воды, и попросил разрешения переселиться в район современного селения Яндаре. На новое место он перевез и свой дом из Гайрбек-Юрта. Этот дом до сих пор сохранился, в нём живёт правнук Гайрбека – Адам Ахмедович Мальсагов.

Название «Яндаре» имеет объяснение, связанное с тем, что в основу названия легло собственное имя «Янд» и «ара» / Янда+ара – Яндарие [17, с. 18].

Рассказывают, что у Гайрбека Мальсагова был приятель, представитель одного из кавказских народов, который всегда находился рядом с ним – Яндарехан, или Яндарха. Его именем Гайрбек назвал речку Яндырку, на берегу которой поставил первый дом в селе, а название речки трансформировалась в название села, и оно стало называться Яндаре. Речка Яндырка, вернее ее приток, течет вблизи селения.

В 1841 г. селения Большая и Малая Яндырка были уничтожены при нападении на Назрань войск имама Шамиля.

В конце 1850-х-начале 1860-х гг. на р. Яндаре образовывается большое поселение подполковника Гайрбека Мальсагова (аул Гайрбека) [18].

С 1865 г. оно известно в источниках как аул Яндырский [13]. В «Списке населенных мест

Терской области» за 1875 г. селение называется Яндырка [19].

В «Сведениях о населенных местах» за 1896 год селение называется Яндаре. Старшина селения урядник Татархан Могушков писал, что селение расположено при горных речках Большой и Малой Яндырках. Дворовых мест с постройками 230, с временно проживающими. Всего жителей – 1616, из них мужчин – 805, женщин – 711. В селении имеются одна большая и одна малая мечети, одна туземная школа и сельское правление. Из торгово-промышленных заведений – две мануфактурные лавки и 8 мелочных лавок.

На 1902 г. среди владельцев торговых и промышленных предприятий в с. Яндырское числились следующие жители селения: 1) Тох Ашихматов Хашагульгов, владелец мануфактурной лавки; 2) Абдул Альбертов Чантиев, владелец мануфактурной лавки; 3) Ида Испалович Костоев, владелец мелочной лавки; 4) Латыр Хашагульгов, владелец мелочной лавки; 5) Гойтемир Цукиев, владелец мелочной лавки; 6) Изнауар Тепсиевич Чисыев, владелец мелочной лавки [8, с. 36-65].

Название селения Яндырское прослеживается в источниках до 1916 г. [7]. В источниках советского периода с 1921 по 1944 г. в основном указано два названия селения – Яндырка [15].

В административном отношении с 1924 г. село Яндырка входило в состав Назрановского округа Ингушской автономной области. Первым председателем ревкома с. Яндырка был Боти Дорубеков. Сельскими советами последовательно руководили: Шовхал Исмаилович Бариев, Магомед Мержоев, Юсуп Патиевич Бариев, Салман Гандалоев и др.

После депортации ингушей селение Яндырка было переименовано в селение Райздаст (с осетинского переводится как «красивое, приятное на вид») [3] и называлось так до 1957 г., когда было принято «Постановление Организационного комитета по ЧИАССР «О переименовании некоторых сельских Советов и населенных пунктов ЧИАССР» переименовать с. Райздаст в Яндырка [4]. Название Яндырка сохранилось до 1999 г. [16].

С принятием в 2009 г. Закона Республики Ингушетия «Об установлении границ муниципальных образований и наделении их статусом сельского, городского поселения, муниципаль-

ного района и городского округа» с.п. стало называться Яндаре [6].

В настоящее время в с.п. Яндаре проживают представители фамилий Мальсаговых, Султыговых, Евлоевых, Цечоевых, Галаевых, Даурбеко-

вых, Мужахоевых, Хашагульговых, Костоевых, Гандалоевых, Оздоевых, Оскановых, Полонкоевых Барханоевых, Хамхоевых, Кодзоевых, Мержоевых и др.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Генко А.Н. Из культурного прошлого ингушей. – Записки коллегии востоковедов. – Л., 1930.
  2. ГАРФ. Ф. А-385. Оп. 17. Д. 3284. Л. 5.
  3. ГАРФ. Ф. А-385. Оп. 17. Д. 329. Л. 5-6.
  4. ГАРФ. Ф. А-385. Оп. 17. Д. 329. Л. 5-6.
  5. Долгиева М. Б., Картоев М. М., Кодзоев Н. Д., Матиев Т. Х. История Ингушетии. 4-е изд. – Ростов-н/Д, 2013.
  6. Закон Республики Ингушетия от 23 февраля 2009 г. № 5-РЗ «Об установлении границ муниципальных образований и наделении их статусом сельского, городского поселения, муниципального района и городского округа».
  7. Кавказский календарь на 1917 г. – Тифлис, 1916.
  8. Картоев М.М. К вопросу об экономическом положении Ингушетии в начале XX века. По материалам Ставропольской казенной палаты // Научный вестник ИнГГУ. – Магас, 2004.
  9. Парова Л.М. Акты Кавказской археологической комиссии об Ингушетии и ингушах. – Назрань, 1995.
  10. РГВИА. Ф. 416. Оп. 1. Д. 300.
  11. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 20564.
  12. РГВИА. Ф. 846. ОП. 16. Д. 6281. Л. 151-152 об.], 1838 г. [РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 218.], 1839 г. [ЦГИА ГРУЗИИ. Ф. 2. ОП. 1. Д. 4426. Л. 12, 13-15 об.], 1840 г. [РГВИА. Ф. 13454. ОП. 6. Д. 287. Л. 3, 5-5 об.], 1841 г. [РГВИА. Ф. 13454. ОП. 6. Д. 381. Л. 3-6 об.
  13. РГВИА. Ф. 1300. Оп. 4. Д. 1326.
  14. Список населенных пунктов по Ингушской АО, составленный по материалам Всесоюзной переписи 1926 года. – Владикавказ, 1927. – С. 9.
  15. Список населенных мест Ингушской АО (составлен по материалам Всесоюзной переписи 1926 г.). Владикавказ, 1927.; Карта Ингушской автономной области. РГБ. Ко 49 / VIII-84.; Административно-территориальное деление ЧИАССР на 1 января 1941 г. // Архивный вестник Республики Ингушетия. Вып. 6. Назрань, 2010. С. 34] и Яндырское [Карта Ингушской автономной области. ИнгОблЗУ. РГБ. Ко 48 / VI-7.; Карта Ингушской автономной области. ИнгОблЗУ. 2-е изд. РГБ. Ко 49 / V-88.; Карта Ингушской автономной области. РГБ. Ко 49 / VIII-84.
  16. Список населенных мест Ингушской АО (составлен по материалам Всесоюзной переписи 1926 г.). – Владикавказ, 1927.
  17. Сулейманов А.С. Топонимия Чечено-Ингушетии. III часть. (предгорная равнина Чечено-Ингушетии). – Грозный, 1980.
  18. ЦГА РСФСР-А. Ф. 262. Оп. 1. Д. 77. Л. 53-55.
  19. ЦГА РСФСР-А. Ф. 11. Оп. 81. Д. 223.
-

ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ КАК ДОСТОЯНИЕ ИНГУШСКОГО НАРОДА (К 100-летию образования Ингушской Автономной Области)

Дударов А.-М. М., Акиева П. Х.

Аннотация. В статье исследуются вопросы, связанные со становлением государственности народов Северного Кавказа в период после Октябрьской революции 1917 г. Также рассматривается качественное состояние ингушского общества, сумевшего реализовать свой потенциал в деле создания институтов политического и неполитического характера при образовании своей государственности – Ингушской Автономной области.

Ключевые слова: ингушский народ, государственность, государство, гражданская война, земельный вопрос.

STATEHOOD AS THE HERITAGE OF THE INGUSH PEOPLE (To the 100th anniversary of the formation of the Ingush Autonomous Region)

Dударов А.-М. М., Акиева П. Х.

Annotatio. The article examines the issues related to the formation of statehood of the peoples of the North Caucasus in the period after the October Revolution of 1917. The qualitative state of the Ingush society, which has managed to realize its potential in creating institutions of a political and non-political nature in the formation of its statehood – the Ingush Autonomous Region, is also considered.

Keywords: ingush people, statehood, state, civil war, land issue.

В Республике Ингушетия 7 июля 1924 года признан днем образования ингушской государственности. В 2024 году Республика Ингушетия будет праздновать эту знаменательную дату – 100-летний юбилей ингушской государственности. Грядущий год является важной вехой в истории ингушского народа. К сожалению, дата 7 июля не так широко представлена в плане каких-либо мероприятий или публичных акций в РИ. Быть может потому, что применительно вообще к понятию *ингушская государственность* у нас в Республике имеются две даты:

1) в официально отмечаемом Дне образования Республики Ингушетия, точкой отсчета является Указ от 4 июня 1992 года с одноименным названием;

2) 7 июля, который считается днем восстановления ингушской государственности, и здесь основанием является дата окончательного разделения Горской Автономной Советской Социалистической Республики в 1924 г., с образованием двух автономных областей – Ингушской и Северо-Осетинской – с общим административным центром в г. Владикавказ, образованным в свое время на территории Ингушетии.

В обоих случаях используются такие категории как государственность или государство. Возникает вопрос: а идентичны ли эти понятия или нет? С формальной точки зрения употребление этих понятий тождественно. Однако понятие государственности намного шире и глубже, в котором государство является лишь составным компонентом. Говоря словами доктора ю.н. Морозовой, «государственность – это свойство, состояние общества на конкретном историческом этапе его функционирования» [3, с. 18], т.е. государственность иллюстрирует качественное состояние общества, его способность оказывать влияние не только на государственную власть, но и на другие институты, в том числе неполитического характера, например, экономическую, социальную, духовную, информационную и другие системы, а также международную обстановку.

Исходя из данной формулировки, невольно задаешься вопросом, а до 1924 года имело ли ингушское общество такой потенциал, или ингуши как самостоятельный этнос только к 1924 году смогли создать свои институты как политического, так и неполитического характера? История в большей степени, чем другие науки, не терпит замалчивания тех неоспоримых и действитель-

ных фактов, от которых никак не «уйти» и не «забыть». Здесь стоит просто озвучить некоторые из них, чтобы каждый сам мог сделать свои выводы.

В числе первых фактов, относящихся к новой истории, следует отнести объявление независимой Горской республики – государства, провозглашенного в ноябре 1917 года. Данная республика с Центральным Комитетом Союза объединенных горцев Северного Кавказа была создана на территории горских округов Терской области и Дагестана. Когда же большевики захватили власть в центре, Северный Кавказ 11 мая 1918 г. объявил о независимости Республики Союза горцев Северного Кавказа и создании нового Горского правительства.

Несмотря на то, что просуществовало такое государственное объединение, в котором активными организаторами выступали именно ингуши, до конца 1920 года, Республика была признана Оттоманской Турцией. Идеологом в хорошем смысле этого слова данного государственного объединения и Председателем Парламента был выдающийся государственный и общественный деятель ингушского народа Висан-Гирей Джабагиев, который, несмотря на весь трагизм ситуации, не оставлял идею о горском единстве. Эти государственно-политические решения принимаются в тяжелой ситуации. Речь идет о времени, когда в России полным ходом шла Гражданская война, когда Турция, Англия и деникинская армия открыто решали судьбы кавказских народов. 9 апреля 1918 года Закавказский Сейм, состоящий из представителей Азербайджана, Армении и Грузии, провозгласил независимость Закавказской Федеративной Республики. 26 мая 1918 года Грузия, заявив о выходе из Федерации, провозгласила свою независимость. Международная ситуация во время Версальской мирной конференции не благоприятствовала признанию независимости политическому образованию северокавказских народов. В результате западными державами были поддержаны белогвардейские силы, выступающие против любых национально-освободительных движений. Желание горцев устроить свою государственность руководством белого движения понималось как национальный большевизм и, как следствие, антинациональное лицо деникинцев проявилось в практике сожжения аулов и истребления непокорных горцев. Поэтому первый удар Республике нанесли не большевики, а Деникин, что во многом пре-

доопределило дальнейшую судьбу ингушского народа.

В момент государственно-политического раздора в стране ингуши, став на сторону большевиков, проявили настоящий героизм, стойкость и верность слову, яркими примерами которых являются широкое партизанское антиденикинское движение, а также ожесточенные бои с частями деникинской армии в феврале 1919 года во всей плоскостной Ингушетии и особенно в селах Долаково, Кантышево и Инарки.

Окончательное признание власти большевиков произошло во время II-го съезда народов Терка 16 февраля – 15 марта 1918 г., когда была признана власть Совнаркома РСФСР и избран Совнарком Терской республики, как составной части РСФСР. По поводу значимости поддержки ингушами Советской власти на V съезде народов Терка Чрезвычайный комиссар Г. К. Орджоникидзе сказал следующее: «Я помню момент перед концом IV съезда, когда мы висели на волоске: это был момент неуверенности, когда за нами не шли, а на нас робко оглядывались. И в этот момент одиночества Советской власти маленький ингушский народ весь встал на защиту Советской власти» [4, с. 31]. *Северо-Кавказская Советская Республика в составе РСФСР* просуществовала с июля по декабрь 1918 года и объединяла Кубано-Черноморскую, Ставропольскую и Терскую Советские республики.

К числу ярких показателей высокого уровня правового и государственно-политического самосознания ингушей следует отнести съезды ингушского народа, первый из которых состоялся 15 апреля 1918 года в Назрани [5, с. 54], или съезд, состоявшийся 20 апреля 1919 года, в момент предъявления деникинскому ультиматума. Кроме этого, именно ингушская фракция Терского областного Совета была самой авторитетной (в нее вошли Г. Ахриев, С. Альдиев, И. Базоркин, С. Караджев, П. Мальсагов, М. Саутиев и З. Тутаев) [2, с. 420].

Об этом же свидетельствует и возникший политический раскол, когда часть известных в ингушском обществе деятелей во главе с Гапуром Ахриевым (Юсупом Албогачиевым, Султаном Альдиевым, Заурбеком Тутаевым) стала на сторону большевиков, предлагавших широкую автономию для национальных окраин.

Другая же часть влиятельных политических деятелей, составлявшая основу Ингушского На-

ционального Совета во главе с В.-С. Джабагивым, стремилась создать независимое государственное образование. Сегодня часто слышатся обвинения в том, что стимулом действий этих людей было нежелание «потерять имущество, влияние и власть с приходом нового режима» [2, с. 421]. Честно говоря, личность Вассан-Гирей Джабагиева, как и его брата Магомед, требует отдельного разговора. Применительно к нашей теме отметим, что Джабагиев в своих действиях отнюдь не руководствовался меркантильными интересами. Он до конца своих дней стоял за свободу и демократическое сосуществование всех народов Кавказа, за проведение принципа последовательного народовластия в России, «провозглашенного февральской революцией... и безусловного права на основе демократического волеизъявления определять свою судьбу» [7]. Вассан-Гирей Джабагиев обладал энциклопедическими знаниями, являлся автором многочисленных политических, социальных и исторических работ, представлял северокавказское государство на Версальской конференции в 1921 году, где его застала весть об оккупации Грузии частями Красной Армии и начале советизации всего Кавказа.

Следующим фактом, иллюстрирующим наличие государственно-политического сознания ингушей, является создание в январе 1921 года *Горской Республики*, которому предшествовал Чрезвычайный съезд народов Терека (17 ноября 1920 г.) Большевикам в сложившихся условиях было крайне необходимо не только поддержать, но и возглавить процессы по созданию национальных республик.

В п.8 Декрета ВЦИК об образовании на территории бывшей Терской области *Автономной Горской Социалистической Советской Республики* определялась административно-территориальное устройство данного образования. Республика была поделена на шесть административных округов, каждый со своим окружным исполкомом: 1) Чеченский, 2) Ингушский, 3) Осетинский, 4) Кабардинский, 5) Балкарский, 6) Карачаевский [6, с. 14]. Города Владикавказ и Грозный с нефтяными промыслами выделялись в самостоятельные административные единицы и подчинялись непосредственно Центральному Исполнительному Комитету и Совнарком РСФСР.

Такая форма разделения по принципу один народ, одна территориальная единица, конечно, не соответствовала главной идеологической цели советского государства – созданию единого государства на основе нового типа человека – советского. И когда власть достаточно укрепилась в регионе, начались территориальные эксперименты коммунистов. В результате в ходе национально-государственного размежевания из Горской АССР были выделены автономные округа (преобразованные затем в автономные области): Кабардинский (сентябрь 1921 г.), Карачаевский (январь 1922 г.) Чеченский (ноябрь 1922), Балкарский (январь 1922).

7 июля 1924 г. выходит «Постановление ВЦИК об упразднении Автономной Горской Советской Социалистической Республики» и расчленении ее на две автономные области – Северную Осетию и Ингушетию, на автономную административную единицу – Сунженский округ с правами губернского исполнительного комитета и выделении г. Владикавказа в самостоятельную административную единицу». Таким образом, была образована Ингушская автономная область в составе РСФСР. В 1929 г. Сталин упраздняет Сунженский казачий округ, который находился между двумя национальными округами – Ингушской и Чеченской АО и в декабре 1936 г. создает Чечено-Ингушскую АССР (ЧИАССР).

Освещение вопроса проводимых советской властью территориальных переделов самих округов требует отдельного исследования. Здесь будет уместно привести выдержку из доклада Отдела рынка труда ЦИК ГССР от 1922 года «Географическое и этнографическое описание Горской республики»: «Общее количество населения Горской Республики равняется по переписи 1920 г. – 588,005 тысяч человек обоего пола /из которых мужчин – 296,729 душ и женщин – 291,276 /. По составу население Республики может быть разделено на первобытных жителей (*аборигенов* края – Авт.) и позднейших переселенцев: к числу первобытных обитателей ее принадлежат: ингуши – 58647 и чеченцы – 181,215 душ обоего пола. Осетины же, *не относящиеся* к первобытным жителям края, составляют 119,458 душ» [1, с. 68].

Впоследствии эта политическая ловушка, заключенная в территориальных переделах и законсервированная на долгие годы, не раз давала о себе знать.

Да, мы немало потеряли при тоталитарной коммунистической системе, но еще больше теряем от сознательного замалчивания неугодных системной идее строительства «светлого будущего» страниц нашей истории, последствия которого мы ощущаем до сих пор.

Безусловно, для любого ингуша день 4 июня 1992 года одно из самых значимых событий. Это время, когда ингуши смогли вернуть себе свою государственность, лишённую в 1934 г., смогли в очередной раз доказать свое гражданское самосознание, сумели вернуть свое политическое «я» на внутрисоссийской арене. Именно «вернуть», потому что в истории ингушского государственно-политического строительства на Кавказе исторически можно выделить следующие даты:

1. Ноябрь 1917 г. – Горская республика.
2. Декабрь 1918 г. – Северо-Кавказская Республика в составе РСФСР.
3. Январь 1921 г. – Горская Автономная Социалистическая Советская Республика (ГАССР).
4. Июль 1924 г. – образование Ингушской Автономной Области после окончательного формирования ГАССР.

Это было качественным проявлением общественного развития ингушского общества, вхо-

дящее в определение государственности, а также показателем уровня правосознания ингушского общества. Таким образом, к моменту образования Республики Ингушетия – 4 июня 1992 года – ингушский народ уже имел в прошлом достаточный исторический опыт существования в государственно-образующих формах. Поэтому, определяя исторические истоки национальной государственности ингушей, следует начать отсчет с 1917 года.

Период с 1924 г. по 1934 г. – время наибольших прорывных показателей в области экономики, образования, науки и культуры ингушского народа. Ингушетия практически была в авангарде по показателям в этих областях среди всех северокавказских национально-государственных образований.

100-летний юбилей образования Ингушской Автономной области – государственности ингушского народа – это дата, которую следует праздновать на широком, не только республиканском уровне, но и на уровне Российской Федерации, с представлением российской общественности исторических этапов развития ингушского общества, с широким и ярким рекламированием всех культурно-экономических достижений народа РИ во всех областях.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Алмазов И. Г. Географическое и этнографическое описание Горской республики // Вопросы истории Ингушетии. – Вып.3. – Магас, 2005.
  2. История Ингушетии. 4-е изд. – Ростов-н/Д: Южный издательский дом, 2013. – 600 с.
  3. Морозова Л. А. Современная российская государственность (Проблемы теории и практики): дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1998. – 313 с.
  4. Музаев Т. М. Союз Горцев. Русская революция и народы Северного Кавказа. 1917-март 1918 г. – М.: Патрия, 2007. – 518 с.
  5. Победа Советов на Тереке – торжество ленинского интернационализма. – Орджоникидзе: Ир, 1983. – 208 с.
  6. Постановление ВЦИК от 20.01.1921 г. «Об Автономии Горской Социалистической Республики» // Ингушская государственность. – Назрань. 1997. – С. 14.
  7. Федоров В. А. История России 1861-1917. – М.: Высш.шк., 2000. – 384 с.
  8. Харсиев Б. М.-Г. Причины возникновения и ликвидации ингушской государственности советского периода // Теория и практика общественного развития. – 2014.– № 9.
-

КОЖЕВЕННОЕ РЕМЕСЛО У ИНГУШЕЙ

Дзарахова З. М.-Т.

Аннотация. Статья посвящена традиционному ремеслу ингушей – кожевенному делу. Отмечается, что кожевенное ремесло достигло большого развития у ингушей. Кожу широко использовали в хозяйстве: из кожи и шкур животных изготавливали обувь, одежду, различные изделия для быта.

Ключевые слова: народные промыслы ингушей, кожевенное ремесло, ремесленная деятельность, кустарная промышленность, шорное производство, дубление кожи.

LEATHER CRAFT AMONG THE INGUSH

Z. M.-T. Dzarakhova

Abstract. The article is devoted to the traditional craft of the Ingush – tannery. It is noted that the leather craft has reached great development among the Ingush. Leather was widely used on the farm: shoes, clothes, various household items were made from leather and animal skins.

Keywords: Ingush folk crafts, leather craft, handicraft activity, handicraft industry, saddlery, tanning of leather.

Кожа – один из древнейших материалов, освоенных человеком. Шкуры убитых на охоте животных использовались для многих целей. Чтобы шкура, снятая с животного не портилась, её нужно было обработать. Использовать кожу люди учились ещё в каменном веке, когда охота и собирательство являлись основными видами хозяйственной деятельности. «Мясо животных шло в пищу, а их шкуры использовались для одежды, подстилок и т.д. Развитие охоты вело к совершенствованию охотничьего вооружения и орудий для обработки шкур животных» [9, с. 21].

В каменном веке люди занимались присваивающим хозяйством, поэтому были неразрывно связаны с природой и зависимы от нее. В эпоху неолита на Северном Кавказе складывается производящее хозяйство, основанное на скотоводстве и земледелии. Наряду с этим важное место в хозяйстве стали занимать домашние ремесла, связанные с изготовлением различных орудий из камня и кости, производством глиняной посуды, ткачеством и кожевенным делом, обработкой дерева и т.д. [9, с. 38]. «В ремесленном деле широко использовалось всё то сырьё, что давало животноводство» [7, с. 30].

Из кожи делали первую одежду, жилища, воинские доспехи и футляры для стрел, ёмкости

для жидкостей и различных продуктов, первые книги писали на пергаменте из кожи.

Кожевенное дело было развито среди народов Кавказа, в том числе и среди ингушей. Этому способствовал скотоводческий быт ингушей, который наложил отпечаток на хозяйственную деятельность и народные промыслы. Многие виды ремесленного труда и кустарной промышленности у ингушей «были связаны с животноводством: изготовление шерстяных изделий, ковров, циновок, изделий из кожи, шорное дело и т.д., при этом изделия из шкур и шерсти животных имели у ингушей первостепенное значение» [28, с. 78]. Обилие сырья в виде кожи диких и домашних животных обеспечивало кожевников материалом в избытке. Кожу («*тлоарска*») широко использовали в хозяйстве.

Все аспекты ремесленной деятельности древних жителей Кавказа рассматривались исследователями О. Маргграфом [15], И. Бларамбергом [4], Е. Крупновым [11; 12], Р. Мунчаевым [19], В. Марковиным [16], С. Броневским [5], Л. Семёновым [29], Е. Студенецкой [32] и др. В книге О. В. Маргграфа «Очерки кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства» описаны промыслы практически всего населения Северного Кавказа. В материалах И. Бларамберга о Кавказе, жизни горцев и развитии

хозяйственной деятельности, в т.ч. и обработки кожи, говорится о том, что щиты, которые изготавливались ингушами до XIX века, были обтянуты кожей. Также ученый пишет об одежде и обуви из кожи, которые создают горцы [10, с. 44].

Л.П. Семенов описывал щит, найденный в склепе ингушского воина: «В ногах деревянный щит, обтянутый кожей и покрытый красочным узором, снаружи к щиту прикреплены четыре железные петли и остатки тонких узких ремешков, прикрепленных к ним или к самому щиту» [30, с. 54]. На военное снаряжение с использованием кожи обратил внимание С. Броневкий [5, с. 161].

Кожевенное дело было развито, прежде всего, для того чтобы удовлетворять местные потребности. Однако бывало и так, что изделия из кожи, отличающиеся «высоким качеством, сбывались даже в центральные промышленные районы России» [34, с. 80].

«Шубы шили чаще всего из овчины, а также из шкур диких зверей» [32, с. 16]. Из костей животных изготавливали проколки для обработки кожи и иглы для шитья изделий из кожи и толстой ткани [14, с. 256].

На черкесках кавказских народов газырницы появились позже. Первоначально «газыри носили в кожаных сумках, укрепленных на ремне через плечо или на поясе» [32, с. 17].

Ю. Клапрот обратил внимание на то, что в склепах находят обувь из сыромятной кожи с плетеной из ремней подошвой, очень удобную в горах, так как она не скользит. Делали её из шкур не только домашних животных, но также из шкур серны и косули [32, с. 17].

В ходе археологических исследований ученые находили различные изделия из кожи. В исследованиях Штедера, М. Энгельгардта и Ф. Паррота есть описание различных видов обуви из кожи, в т.ч. из сыромятной кожи с плетеной подошвой [32, с. 17].

В работе «Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1928-1929 гг.» Л.П. Семёнов пишет о том, что экспедицией была собрана обширная коллекция, в которую входили головные уборы, обувь (чуваки, сапоги, башмаки), кожаные пояса с металлическим набором [31, с. 53].

Имелись кожевенные мастерские и, как правило, это становилось делом семьи или отдельной группы лиц. В мастерских имелись большие чаны, выдолбленные из дерева крепкой породы,

чтобы наполнить водой с дубильными веществами. Для кожевенника необходимы были инструменты для обработки кожи: скребки, гладилки изогнутой формы, мялки и другие.

Дубленую кожу красили природными красителями. Использовали зелёную ореховую скорлупу, ветви граба, кору рябины, ольховую кору... В приготовленный раствор с краской опускали обработанную шкуру и держали до тех пор, пока кожа не окрасится. На это требовалось несколько дней. Обработанные и готовые к работе шкуры, т.е. материал, готовый к изготовлению изделия, собирали в мастерской.

Общими знаниями по обработке обладали почти в каждой ингушской семье, но мастера, владеющие глубоко этим искусством, были известны и уважаемы. Жили мастера по обработке кожи в разных селах горной Ингушетии. Мастера по изготовлению изделий из сыромятной кожи – сбруй, кожаных шлемов, кнутов и других изделий [13, с. 670] были известны в народе. К примеру, пояса, конская сбруя, обувь, оружие и воинское снаряжение (колчаны, налущья, щиты) и другие изделия из кожи мастеров Эси и Эта Султыговых из селения Нижний Гериты ценились на Кавказе [35, с. 25]. В с. Ляжги известными мастерами по коже были Кажи, Кирги и другие [35, с. 78]. Боровы и Хаматхановы из с. Памет славились своими кожевенными изделиями [36, с. 10]. Мастерские кожевенного дела были и на равнине. «В 40-х гг XX века жили в селе и известные мастера Бештоевы из рода Кодзоевых: Азамат, Шаам, Хамбор... Славились по качеству ремни, сделанные ими из буйволового кожи» [23].

Мастера по работе со шкурами, шорники, знали самые разные способы обработки шкур и кожи животных. Шорные изделия выделялись отдельными кожаными полосами различной ширины и толщины. По мере высыхания ремни пропитывали бараньим жиром. Для того чтобы ремень был мягким и прочным, несколько раз после высыхания его пропитывали жиром.

Кожа использовалась в изготовлении женской одежды, в частности, корсетов, которые плотно сжимали стан девушки от ключиц до пояса. Большой интерес исследователей вызывает традиционный женский головной убор курхарс, который встречался в ингушских захоронениях в эпоху средневековья. Основу курхарсов делали как из войлока, так и кожи [1].

Народные трудовые песни сохранили информацию об изготовлении кожаных изделий. Так в одной припевке при изготовлении «хулчи», рукодельницы пели:

**Хулчи, хулчи ергья,
Кога нийса из хургья,
Хулчи, хулчи, хулчи я** [26, с. 201].
Хулчи, хулчи делаю,
Меркой ровно меряю,
И удобной при ходьбе,
Хулчи, хулчи делаю.

Обувь шили крепкими нитями, сделанными из конопли («*мовхар*»). Для этого стебли конопли размачивали («*кломал баша боллар*»), разминали тяжёлым каменным катком, затем скребком из стеблей вычесывали нити, обрабатывали их золою и сушили. «Действие мочения состояло в улучшении качества волокна, и в том, чтобы оно откисло и легко отделилось от грубой, непригодной части стебля. После волокно подвергали отбелке в растворе щелока («*кхайокъ*»), а затем расчёсыванию («*къаждар*») и прядению («*далар*»)» [26].

Обувь изнутри обкладывали соломой или мягкой травой. Из кожи изготавливали сапоги («*иккаш*») на каблуках с подковами и без них. Их шили, как правило, из грубой сыромятной кожи и носили как в горах, так и на равнине в зависимости от времени года. В XVIII – начале XIX века среди ингушей был распространён и такой вид зимней обуви, как «*Боржамаш*» – из особого войлока местного производства, на кожаной подошве с небольшими каблуками [2, с. 121]. Помимо плотных иголок, в кожевенном деле использовали шило («*юв*»), сделанное из колючек («*Юхий*»). Этот инструмент был необходим рукодельницам. Ими они делали проколы на кожаных изделиях [24].

Кожей украшали рукоятки ножей, изготавливали ножны для кинжала, делали кожаные налучья и колчаны для хранения луков и стрел, обтягивали щиты и др. Из кожи делали «газырницы...», колчаны, налучники, боевые рукавицы» [32, с. 27-30], – отмечает Е.Н. Студенецкая. С обработкой кожи было связано и седельное производство, изготовление принадлежностей для верховой езды, изготовление конского убранства. Из сафьяна делали седельные подушки.

Обувь из сыромятной кожи с подошвой, сплетенной из ремней, носили пастухи, охотники, ко-

сари, так как она не скользила на горных склонах и была удобной в носке. Их «косари косят или босиком или же в чувяках с подошвами из ремennого переплета...» [20], – писали исследователи. Со временем появились сафьяновые сапожки («*тлаьрсиг*»), кожаные сапоги с высокими голенищами («*иккаш*») и другие виды обуви. Бывало так, что и зимой, и летом мужчины носили легкие сапоги из сафьяна на мягкой подошве. Однако у ингушей чаще, чем у соседних народов, встречается обувь с твердой подошвой и каблуками [32, с. 33]. Мужская обувь у ингушей по своему типу имела общие черты с обувью всех горцев Северного Кавказа. Обувь горцев была рассчитана на конкретные природно-климатические условия и соответствовала образу жизни народов Северного Кавказа.

Для изготовления обуви у ингушей высоко ценилась кожа буйвола, быка, серны и косули. Как отмечает Ш.Б. Ахмадов, «большое значение имела кожа крупного рогатого скота, из которой изготавливалась обувь, конская сбруя. Изделия из кожи крупного рогатого скота (конская сбруя), а также сыромятную кожу вайнахи продавали за пределы своего района» [3, с. 20].

Е.Н. Студенецкая пишет о том, что «материалы из склепов ... Чечено-Ингушетии дают образцы обуви» [32, с. 33], которую готовили из кожи. Готовили различную обувь, в т.ч. и сапоги с подковами [29, с. 51]. Сапожную кожу – сафьян изготавливали из козьих шкур и сбывали её на рынках. «Отрезанные от всех внешних рынков горцы были поставлены в необходимость удовлетворить собственными средствами и трудом собственных рук все свои потребности в платье, обуви и прочем» [15; с. 12, 45]. Обувь делать умели мужчины, но этот труд считался обязанностью женщины, отмечает О.В. Маргграф [15; 3, 13, 47].

Кожа была разновидной. Толщина, упругость кожи использовались в разных целях. Нередко медвежья шкура («*чан цюка*») украшала интерьер жилища охотника. Обработанная овечья шкура («*тоабь кхакха*»), козья кожа домашней выделки («*каьрдиг*») использовались в быту в качестве накидок для кресел, молитвенных ковриков. Помимо названных шкур, горцы из барсучьей шкуры («*борцакха цюка*») изготавливали футляры для ружей [4]. «Из овчин горцы выделывают шубы... из козьих выделанных шкур делают сумки, мешки для перевозки зерен, муки, бурдюки, т.е. мешки, в которых перевозятся вино и вода»

[33, с. 78, 179], – говорится в «Трудах комиссии по исследованию кустарной промышленности России». Для изготовления мешков и емкостей из кожи нужно было без порезов снять шкуру с животного, что требовало навыков и сноровки, знания тонкостей работы.

Из кожи делали мужские пояса. Распространенными были узкие ремни, сделанные из кожи, с небольшой металлической пряжкой. Е.И. Крупнов пишет: «Каждый покойник опоясан одним, иногда двумя кожаными поясами с железными или бронзовыми пряжками; тонкие пояса украшались серебряными и бронзовыми наконечниками и бляшками. На поясах обычно висят кисеты из кожи» [12, с. 94-95]. Пояс являлся обязательным элементом мужского костюма. Не подпоясанным мужчине нельзя было выйти на улицу, войти в помещение, где находятся люди, старше него по возрасту. Пояс не носили или дети или глубокие старцы [32, с. 94].

Шкуры, обработанная кожа и шерсть животных использовались для изготовления головных уборов. «Материалом для изготовления папах служили овечьи шкуры разного качества, а иногда и шкуры коз особой породы. Теплые зимние папахи, а также пастушьи делали из овчины с длинным ворсом наружу, часто подбивая их овчиной с подстриженной шерстью. Такие папахи были теплее, лучше защищали от дождя и снега, стекающего с длинного меха. Для пастуха лохматая папаха часто служила и подушкой. Длинношерстные папахи делали также из шкур особой породы баранов с шелковистой длиной и кудрявой шерстью или из козких шкур ангорской породы» [32, с. 113]. В начале XX века у ингушей получили распространение высокие папахи, расширенные кверху, верхушку которых покрывали сукном. «В городах шапки шили специальные мастера, в горах их шили сами женщины» [32, с. 118].

Было развито на Кавказе и шорное производство. Из кожи изготавливали плети с ручками из гордовины. Хорошая плеть была в цене.

В кожевенном деле различали такие отрасли, как выделка, т.е. дубление кожи, затем уже изготовление изделий из кожи. Обработка кожи и шкур относится к числу древнейших. Существовали разные способы обработки кожи. Письменные источники и полевые материалы дают много информации по обработке шкур и кожи животных.

К работе со шкурами животных приступали сразу, после забоя. Когда забивали крупный рогатый скот, овец, тут же шло распределение шкур. Шкуры изнутри обсыпали солью, сворачивали шерстью наружу. Спустя несколько дней их раскрывали, вытягивали в разные стороны и сушили. В высушенном виде кожа лучше сохранялась. И это давало возможность приступить к обработке по мере освобождения от текущих бытовых дел.

Обработка шкуры («*нихь*») крупного рогатого скота, шкуры овцы («*кхакха*»), шкуры коз («*газа цюка*») представляла собой сложный процесс, в том числе очищение шкуры от волосяного покрова («*дербат дар*») [28].

Для этого овечью шкуру, снятую с животного, посыпали с внутренней стороны солью и сворачивали. Через несколько часов растягивали на распорках («*гем*»). На следующий день лопатой или ножом соскребали остатки мяса и сала с внутренней стороны, стирали в холодной воде (холодная вода легче отстирывает кровь животного), затем стирали до отбеливания в горячей воде с использованием моющих средств, и после этого делали дубление («*сулув*»). Для дубления шкуру держали в кислотном растворе, а на следующий день обильно полоскали и сушили. Размягчали шкуру с помощью кожемялки («*кхема*») [21]. Станок «*кхема*» состоял из бревна с зубчатой поверхностью и палки. Один укладывал и временами поворачивал кожу, другой – палкой надавливал. Постепенно кожа мялась. Чтобы кожа была мягче, её смазывали свежим курдючным жиром.

Мастер кожевенного дела Харсиева Мадина Апсаловна поделилась опытом своей работы по обработке кожи. «Овчину, снятую с животного, в свёрнутом состоянии оставляли на 3-5 дней, в зависимости от погоды, для того чтобы потом легко снять шерсть. Шкуру клали в кислое молоко и туда же добавляли отруби. Оставляли на закваску на 3-4 дня. Затем доставали её, стирали и растягивали на ровной поверхности для просыхания. Незадолго до высыхания хорошо мяли руками и каталкой до смягчения. Снова раскладывали на просушку и, не давая высохнуть, опять опускали в рассол (кислое молоко, растолченные квасцы, соль). Снова доставали, растягивали и сушили. Не допускали пересыхания. Затем кожу перетирали для смягчения руками, а затем и специальным устройством. Из обработанной кожи шили

мешки, в которых хранили муку. В них никогда не заводилась моль» [22].

«Если нужно было удалить шерсть, то из отрубей и кислого молока готовили состав. Отпускали туда шкуры и ждали чуть больше недели, при этом время от времени переворачивали шкуры в бочке и все время наблюдали, когда начнёт отходить шерсть. И очищали» [21], – вспоминает другая рукодельница.

«Шерсть и кожу очищали, погружая на несколько дней в известковый раствор. Затем вытаскивали крючками и промывали в воде. Далее нужно было удалить мездру¹ с внутренней поверхности кожи. Затем расстилали на доске и скоблили гладилкой, солили и держали больше недели в таком виде».

Об обработке кожи ингушский этнограф Султан Мерешков говорит следующее: «Процесс обработки кожи был трудоемким. Вначале кожу посыпали солью, через несколько часов растягивали на распорках (геми), затем мазали волосяную часть специальным раствором, состоящим из простокваши и отрубей (сулув) и держали два дня. Кислота способствовала очистке кожи от волосяного покрова. Для обработки овчины и козьей кожи специальным скребком (гам) убирала мездру, дубили, тщательно разминали вручную и применяли для изготовления шуб, теплой обуви, шапок и т.д. Готовую верхнюю одежду сверху обшивали темной материей, сукном. Для получения тонкой кожи козью шкуру дубили для удаления волосяного покрова и обрабатывали тщательно с помощью скребков различных конфигураций. Эта тонкая кожа шла для изготовления ремешков к кожаным ноговицам, женской, мужской и детской обуви (маьчеш, пашмакхаш, клархаш)» [17].

«На шкуру намазывали специальный раствор, состоящий из кукурузной муки (жувра) и кислого молока (ята шура). После брожения состав намазывали на шкуру толщиной в 1-2 см. Затем сворачивали так, чтобы кашица не касалась шерсти. И в таком положении плотно хранили 3-4 дня. Температура не должна быть выше 20%. Затем отмывали кашицу под проточной водой. Такой обработке подвергались шкурки ягнят, из которых готовили головной мужской убор (элтара кий). Затем изнутри обрабатывали кожу белой глиной, для того чтобы снять все остатки жира» [23].

¹ Мездрой называют подкожный жировой животный слой. Его снимают тупым ножом от хвоста к голове.

Процесс дубления кожи делает шкуру пластичной, гибкой, придаёт ей качества, которые делают кожу прочной.

Кожу крупного рогатого скота, диких животных обычно обрабатывали мужчины. Обращает на себя внимание тот факт, что кожемялки нередко находились в местах, где любили собираться местные мужчины.

Таким образом, из кожи ингушские мастера делали мужские ремни (*млехкараш*), к ним подвешивались кожаные кисеты с кресалом и трuтом, делали сбрую (*нувра глурс*), кнуты (*шод*), мешки (*лаьжг*), верёвки (*оасаи; пхинаи*), обувь (*маьчеш*); из козьей шкуры делали сумки для еды (*качилг*), сумки (*млормиг*), переметные сумки для лошади (*талсаи*), седельные подушки из лучшей кожи (*нувр-глайба*), узду (*дирст*), ремни для седла (*нувра бохк*), путы (*баргал*), подпругу (*бохк*), подтяжку для сбруи (*бахтар*) и др. Из шкур животных делали тонкие нити (*авса тай*) [24]. Из шкур и кожи животных шили мужские шапки (*элтара кий*), тулуп (*кетар*), легкие башмаки без задников (*маьхьсеи*), ноговицы (*незаиш*), мужскую и женскую кожаную обувь (*наьхара маьчеш*), чуваки с ноговицами из мягкой кожи (*незаиш*), обувь на ремнях в форме босоножек (*кларбаи*), тапочки (*клархаш*), кожаные тапочки без задников (*пошмакхаш*), сапоги из валяной шерсти (*охкаиш*), мягкую обувь из сыромятной кожи для охоты (*хулчеш*), которые прошивались по бокам конопляными верёвками (*мовхараиш*) и др.

Кожу использовали в горах для покрытия навесов, полужемлянок (*тол*) так, чтобы вода, стекаемая с горы, уходила по крыше, сделанной из кожи [24].

Со временем кожевенное дело угасло как развитое ремесло. Машинное производство способствовало увеличению изделий из кожи. Обработка кожи тоже стала производиться в технически усовершенствованных условиях.

Сегодня обработка кожи и шкур животных и изготовление из них изделий представляет область декоративно-прикладного искусства народа. В этом плане особый интерес имеют изделия из кожи, сделанные народным художником РФ Мурадом Полонкoeвым. Это костюм средневекового воина в военном снаряжении и со шлемом, созданный мастером документально четко, луки – турецкий, монгольский и лук пешего аланского воина. Он использует в работе кожу разных животных, рог тура или буйвола, лошадиные кости,

перья грифов и многое другое [10]. Мастером по работе с кожей, изготовлению мужской сценической обуви был Алихан Имагожев [6]. Мастером кожевенного дела по изготовлению мужской обуви является Костоев Ибрагим, житель с. Экажево. Вкраплениями из кожи разных цветов геометрическими орнаментами он украшает обувь [25]. Уникальную технологию по обработке рыбьей кожи разработал Ахмед Шадиев. На разработку уникальной технологии он потратил 7 лет. Достигли совершенства в изготовлении картин и различных изделий из кожи Любовь Хаштырова, Лида Оздоева и Хава Гантемирова.

Уникальные изделия из кожи (сумки, кошельки, портмоне) создаёт Багаудин Измайлов [8]. Мастер по коже Хасан Оздоев использует в своей работе кожи разных животных, включая экзотические, например, кожу страуса, крокодила, ската и др.

Источником вдохновения для мастеров по коже являются история и культура народа. Материалы по истории развития кожевенного ремесла у народов Кавказа, ингушей, в частности, дают возможность начинающим мастерам по коже совершенствовать мастерство обработки кожи и изготовления из неё различных изделий.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Албогачиева М.С., Махмудова З.У. Одежда ингушей: история и современность // Кавказ: перекресток культур. – СПб.: МАЭ РАН, 2015. – С. 192-218.
2. Ахмадов Ш.Б. Чечня и Ингушетия в XVIII-начале XIX века. – Элиста: Джангар, 2002. – 528 с.
3. Ахмадов Ш.Б. Экономические связи чеченцев и ингушей с Россией и народами Северного Кавказа в XVIII веке // Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVI-начале XX вв. – Грозный, 1981. – 192 с.
4. Бларамберг И. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. – М.: Изд. Надыршин, 2010. – 400 с.
5. Броневский С.М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. – М.: Тип. С. Селивановского, 1823. – 462 с.
6. Дзарахова З.М. Жизнь, труд, искусство Алихана Имагожева // Ингушетия. – 22.12.2020.
7. Доманский Я.В. Древняя художественная бронза Кавказа. – М.: Искусство, 1984. – 238 с.
8. Измайлов А. Кожевенное дело мастера Багаудина Измайлова // Сайт Музея ИЗО РИ
9. Марковин В.И., Мунчаев Р.М. Северный Кавказ. Очерки древней и средневековой истории и культуры. – М.; Тула: Гриф и Ко., 2003. – 340 с.
10. Калантарова О. Война и музы Мурада Полонкоева // Это Кавказ. – 03.08.2017.
11. Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. – 532 с.
12. Крупнов Е.И. Средневековая Ингушетия. – М.: Наука, 1971. – 300 с.
13. Кодзоев Т. Модернизированный ингушско-русский словарь. – Назрань: Пилигрим, 2010. – 1408 с.
14. Мамаев Р.Х., Нарожный В.Е., Нарожный Е.И. Изделия из кости и рога из Келийского могильника XIII-XIV вв. (высокогорная Ингушетия) // Древние и средневековые культуры Кавказа: открытия, гипотезы, исследования. – Майкоп, 2022. – 304 с.
15. Маргграф О.В. Очерки кустарных промыслов Северного Кавказа. – М.: С.В. Лепешкин, 1882. – 288 с.
16. Марковин В.И. Культура племен Северного Кавказа с эпоху бронзы. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. – 150 с.
17. ПМА-2018. Мерешков Султан Алаудинович, г. Назрань, 1955 г.р.
18. ПМА-2018. Мерешков Султан Алаудинович, г. Назрань, 1955 г.р.
19. Мунчаев Р.М. Кавказ на заре бронзового века. – М.: Наука, 1975. – 416 с.
20. Нагорная полоса Терской области // Терские ведомости. – 1909. – № 280.
21. ПМА-2018. Барахоева Любовь Ибрагимовна, г. Владикавказ (1929-2020)
22. ПМА-2012. Харсиева Мадина Апсаловна, с. Чермен (1930 -2013).
23. ПМА-1990. Барахоева Эсет Шугуровна, пос. Карца (1908-1991).

24. ПМА-2008. Зязиков Камболат Зяудинович, с. Барсуки; 1947 г.р.
  25. ПМА-2020. Костоев Ибрагим Исмаилович, с. Экажево, 1934 г.р.
  26. ПМА-2020. Хайров Байали Абукарович, с.п. Нестеровская, 1956 г.р.
  27. Припевка при изготовлении «хулчи» // Антология ингушского фольклора. Т.1. – Нальчик, 2003. – 344 с.
  28. Султыгова М.М. Актуальные вопросы отраслевой терминологии ингушского языка (на материале животноводческой лексики). – Магас: Сердало, 2007. – 144 с.
  29. Семенов Л.П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1929-1932 гг. – Владикавказ, 1932. – 160 с.
  30. Семенов Л.П. Склеп с фресками в ингушском селении Эгикал // Известия ЧИНИИЯЛ. Т. II. Вып. 1. – Грозный: Чеч-Инг. кн. изд-во, 1960. – С.46-54
  31. Семенов Л.П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925-1932 гг. – Назрань: Пилигрим, 2010. – 162 с.
  32. Студенецкая Е.Н. Одежда народов Северного Кавказа. – М.: Наука, 1989. – 288 с.
  33. Труды комиссии по исследованию кустарной промышленности в России. Вып.11. – СПб, 1883. – 455 с.
  34. Хасбулатова З.И. Народные промыслы чеченцев в XIX – начале XX в. (По этнографическим материалам) // Лавровские чтения. – СПб, 2002. – 78с.
  35. Чахкиев Д.Ю. Древности горной Ингушетии. Т.2. – Нальчик, 2009. – 95 с.
  36. Чахкиев Д.Ю. Древности горной Ингушетии. Т.1. – Назрань, 2003. – 143 с.
-
-

МУЗЫКАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ИНГУШСКОГО НАРОДА

Дзаурова Т. А.-Х., Гогиев Я. И.

Аннотация. В данной статье рассматривается песенно-музыкальная культура ингушского народа XVI – XX вв. В статье дается краткий анализ работы исследователей в изучении музыкальной культуры ингушей. Некоторые материалы публикуются впервые: фотографии музыкантов и музыкальных инструментов начала XX века, зарисовки из археологических отчетов, подробности традиционных техник изготовления ингушских музыкальных инструментов, а также ряд этнографических деталей из жизни ингушского народа. Материал статьи построен на итогах полевой работы за 2021-2023 гг. в Ингушетии, работы в архивах Москвы, Ростова-на-Дону, Санкт-Петербурга, Ингушетии, подборе специальной литературы и периодики.

Ключевые слова: ингушский национальный музыкальный инструмент, скрипка, музыканты, жрец, мелодия, нартский эпос, фольклор, дахчан пандар, ноты, склеповый материал.

MUSICAL CULTURE OF THE INGUSH PEOPLE

Dzaurova T. A.-Kh., Gogiev Ya .I.

Annotation. This article discusses the song and musical culture of the Ingush people of the 16th - 20th centuries. The article provides a brief analysis of the work of researchers in the study of the musical culture of the Ingush. Some materials are published for the first time: photographs of musicians and musical instruments of the early twentieth century, sketches from archaeological reports, details of traditional techniques for making Ingush musical instruments, as well as a number of ethnographic details from the life of the Ingush people. The material of the article is based on the results of field work for 2021-2023. in Ingushetia, works in the archives of Moscow, Rostov-on-Don, St. Petersburg, Ingushetia, selection of special literature and periodicals.

Keywords: ingush national musical instrument, violin, musicians, priest, melody, Nart epic, folklore, dakhchan pandar, notes, crypt material.

Ингушский фольклор и музыкальное творчество своей самобытностью давно привлекают внимание исследователей. Некоторые сюжеты фольклора были опубликованы в XIX веке в воспоминаниях или этнографических материалах исследователей, путешественников, побывавших среди ингушей. Работа профессиональных этнографов на Кавказе пришлось на время активного вытеснения музыкальной культуры ингушей религией Ислам, в связи с чем многие религиозные и календарные праздники, на которых практиковались религиозные и увеселительные песнопения и игра на музыкальных инструментах, перестали существовать. И еще ряд факторов, о которых мы скажем ниже, не позволили исследователям изучить в полной мере архаичные ингушские музыкальные инструменты.

Если текстовые вариации песен исследователи еще успели частично записать (Ч.Э. Ахриев, Б.К. Далгат, Ф.И. Горепекин, М. И. Джабагиев),

то с фиксацией мелодий дело обстояло совсем плохо, так как этим должны были заниматься ученые, владеющие нотной грамотой. В начале XX века появилась возможность записывать звуки на пластинки специальной аппаратурой – фонографами. Существуют несколько записей, которые хранятся во Франции и одна лезгинка 1909 года из архивов РГАФ, которую привез в Республику архивист Б. Газиков, остальные записи до революционного периода пока не выявлены.

В 1929 г. Ингушское литературное сообщество опубликовало 5 народных ингушских мелодий в нотах, записанных Е.А. Колесниковым [15, с. 30].

В 1932 году состоялась научная экспедиция сотрудников Северо-Кавказского Краевого Горского Научно-исследовательского института, одной из задач которой являлся сбор музыкального материала, члены экспедиции посетили ингушские селения Эрзи, Шоан, Салги, Эгикал, насе-

ленные пункты Пригородного района, г. Орджоникидзе и др. [3].

Фиксацией и исследованием ингушского музыкального материала занялся один из членов экспедиции, композитор Адриан Павлович Митрофанов (рис. 1).

Рис. 1. А.П. Митрофанов. 1930-е гг.
РОМК_ОФ_915-27

В своей отчетной работе А.П. Митрофанов сетует, что их не сопровождали профессиональные переводчики, в связи с чем им приходилось довольно тяжело с переводами. В результате экспедиции были обмерены и сфотографированы ингушские музыкальные инструменты, изучены их звукоряды, сфотографирован ряд музыкальных инструментов и музыкантов-исполнителей, фонографически записано 26 ингушских мелодий. Все эти песни были расшифрованы и сохранились в нотах. Экспедицией записаны ингушские нартские сказания «Кулой-канта нидз» и другие. Материал этот, несмотря на проделанную по всему Северному Кавказу объемную работу, не был опубликован.

В 2006 в архивах г. Ростова-на-Дону году эти материалы обнаружил и опубликовал Б. Газиков

[2, с.491-501]. Касаемо ингушских музыкальных инструментов, это единственный, наиболее полный иллюстративный и описательный материал первой половины XX в.

Изучение и сбор ингушских мелодий продолжался до начала 40-х гг. В области изучения народной музыки много сделал Георгий Христофорович Мерпунов. Собирая ингушские мелодии, Г.Х. Мерпунов создал много художественных обработок этих мелодий. Его труды также не были опубликованы. По инициативе Г.Х. Мерпунова был создан оркестр народных инструментов в 1936 г. Именно он руководил реконструкцией традиционного щипкового музыкального инструмента «дахчан-пандар» для адаптации этого инструмента в оркестре. Созданная для реконструкции музыкального инструмента комиссия изменила музыкальный строй ингушских инструментов, что в дальнейшем повлияло на развитие музыкального творчества ингушей.

С 1938 г. сбором ингушского музыкального материала занимался Н. С. Речменский. В предисловиях к своим изданиям он также жалуется на ряд трудностей в сборе материала: отсутствие фонографов, сложности с переводом и импровизацией музыкантов-исполнителей и др. Усложняло работу также то, что женщины отказывались петь в присутствии мужчин, чтобы послушать колыбельную, им пришлось скрываться в кустах. В результате в 1939 г. вышел сборник Н. Речменского «Чечено-ингушские народные мелодии» [16].

Сбором мелодий и созданием нового музыкального материала занимался также композитор А. М. Халевский. В 40-е гг. работа прервалась сначала из-за ВОВ, а потом из-за депортации. Авторы труда «История музыки народов СССР» в своей работе высказывают сожаление, что изучение и развитие музыкальной культуры ингушского народа замерло на полтора десятка лет [8, с. 298].

После восстановления ЧИАССР в 1957 году работа по сбору и записи музыкального фольклора возобновилась. В 1962 году вышел фольклорный сборник, в который вошли несколько десятков песен и мелодий ингушей [16]. Для работы над этим сборником были созданы специальные чеченская и ингушская комиссии. Позже под руководством А.М. Халевского вышел сборник восьмидесяти народных ингушских и чеченских мелодий. Со старинным ингушским музы-

Рис. 2. Эсмурза Куриев. Назрань. 100-летний старец. Газета «Грозненский рабочий» 23 ноября 1938 г. №270 (5051).

кальным материалом работал Б.И. Шнапер, создавший несколько интересных сочинений [15, с. 39]. Большую исследовательскую работу по сбору материалов об ингушских музыкальных инструментах провела к.и.н. Ф.И. Цолоева в своей диссертации «Вайнахские музыкальные инструменты. Этнокультурный аспект» [20].

Ингушские музыкальные инструменты, в числе музыкальных инструментов других народов СССР, были представлены на Первой всесоюзной выставке музыкальных инструментов Всесоюзного дома народного творчества им. Н.К. Крупской (Москва, декабрь 1937 г.) [1, с. 152].

Несмотря на довольно масштабную работу, которую проводили исследователи в 1920 х. – начале 1930 гг. по сбору и фиксации фольклора, музыкального материала народов СССР, одновременно проводилась «унификация» разнообразнейших традиционных музыкальных инструментов народов страны на базе изменения строя, а именно «сведения ладо-интонационного многообразия к равномерной темперации западноевропейского образца» [17, с. 201]. Целью реконструкции народных музы-

Рис. 3. На фотографии слева направо Асхаб Оздоев, Эльмарз Качиев, Апсал Цицкиев. С. Ангушт (ныне Тарское). Сер. XX в. Из частного архива.

кальных инструментов было стремление сделать их пригодными для объединения в оркестры, а также для организации массового фабричного производства [17, с.201]. В результате таких реконструкций происходило усиление звука и снятие немзыкальных призвуков, которые составляют основу самобытности музыкальных народных инструментов. Подобного рода реконструкциям подверглись и ингушские музыкальные инструменты. В начале XX века начинается ликвидация множества мелких артелей, мастерских по изготовлению музыкальных инструментов, а в 30-е гг. начинают закладывать нормы на пятилетки по выпуску музыкальных инструментов широкого потребления. По результатам этой работы была проведена первая Всесоюзная выставка музыкальных инструментов, где среди 8 сотен инструментов главные места заняли реконструированные инструменты: узбекские, ингушские, бурятские, марийские, осетинские, чувашские и др. Реконструкции, «унификации», прежде всего, подлежала гармонь, у которой было очень много разновидностей, а также 3-струнная балалайка «дахчан пандар». Вот что об этом пишет в 1938 г. журнал «Народное творчество»: «Для того чтобы дискредитировать идею реконструкции национальных инструментов, за усовершенствованные инструменты выдавались такие, которые по своему звучанию и качеству значительно уступали народным. Так было с реконструкцией чечено-ингушского струнного инструмента дечик-пандур. Новые образцы этого инструмента по заданию местных музыкантов были изготовлены в Москве. Сделаны они были с большими отступлениями от народных образцов: вместо продолговатого корпуса был сделан овальный, играть можно было только плектром, а не щипком пальцев, как принято в народе. Этот инструмент был принят к массовому производству на мебельно-музыкальной фабрике в г. Грозном, где были допущены новые отступления и упрощения в инструменте, ухудшившие его качество. В результате почти все изготовленные инструменты остались на фабрике. Трудящиеся Чечено-Ингушетии отказались покупать этот инструмент, так как не считают его «своим», «народным», они по-прежнему пользуются самодельными инструментами, изготавливаемыми в аулах». Народные исполнители-мастера также предпочитали мастерские («кустарные») инструменты [17, с. 203] (рис 4).

Рис. 4. Реконструированный щипковый музыкальный инструмент. Размер: 750×140×180 мм. 1930-е гг. ЧИАССР. Из коллекции ФГБУК «Российский национальный музей музыки».

В Ингушетии в это время в народе продолжали пользоваться успехом инструменты, изготовленные кустарным методом, так, к примеру, в коллекции фотографий А.П. Митрофанова мы видим разнообразные музыкальные инструменты, которыми пользовались ингушские исполнители народных мелодий в 30-е гг. XX века. Среди них есть уникальные усовершенствованные инструменты с двумя грифами, инструменты, изготовленные из подручных материалов, например, металлического таза, инструменты с удлиненным грифом и т.д. [3, с. 107-109] (рис. 5, 6, 7, 8). Из письменных свидетельств о музыкальных инструментах ингушей любопытны заметки военного историка Кавказа А.П. Зиссермана о щипковом и смычковом музыкальных инструментах: «...под звуки балалайки и другого инструмента по волосным струнам коего играют как на виолончели...» [7, с. 173].

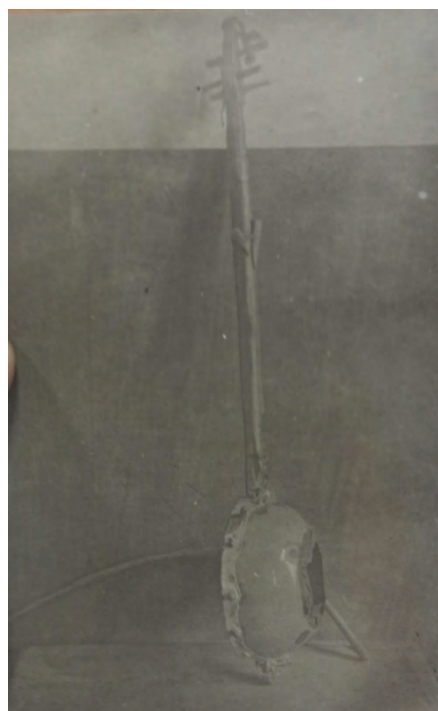
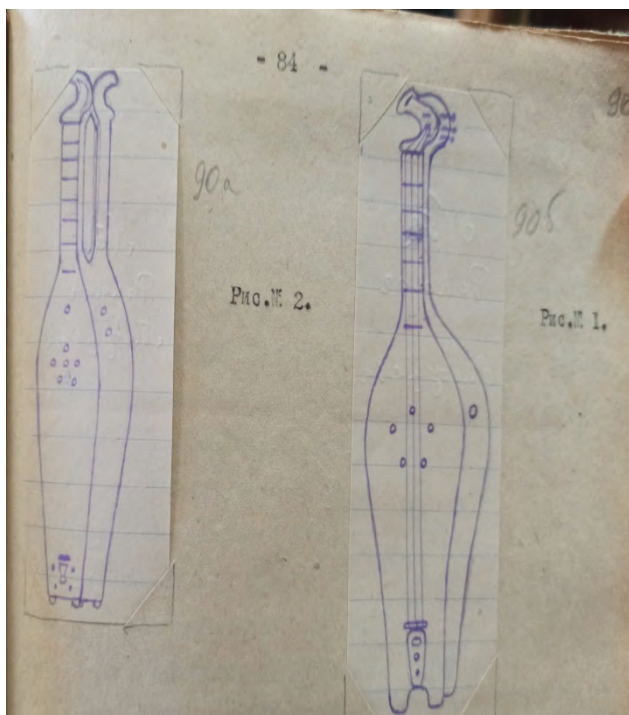
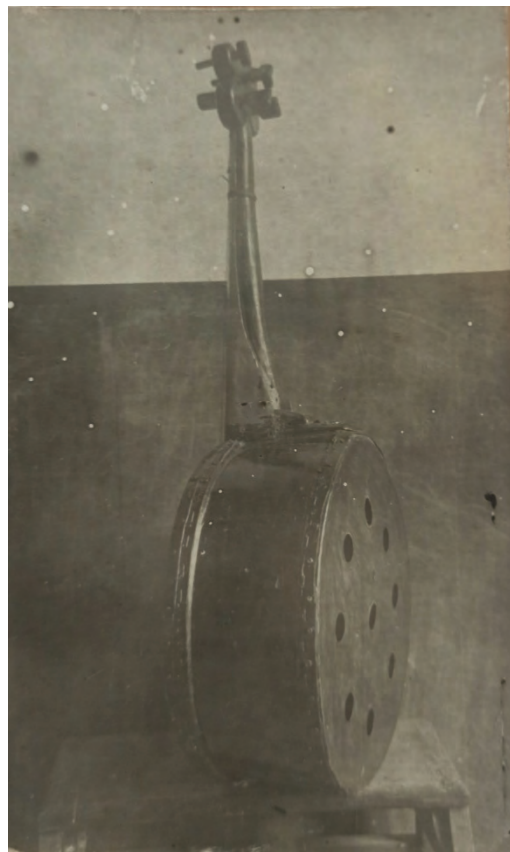
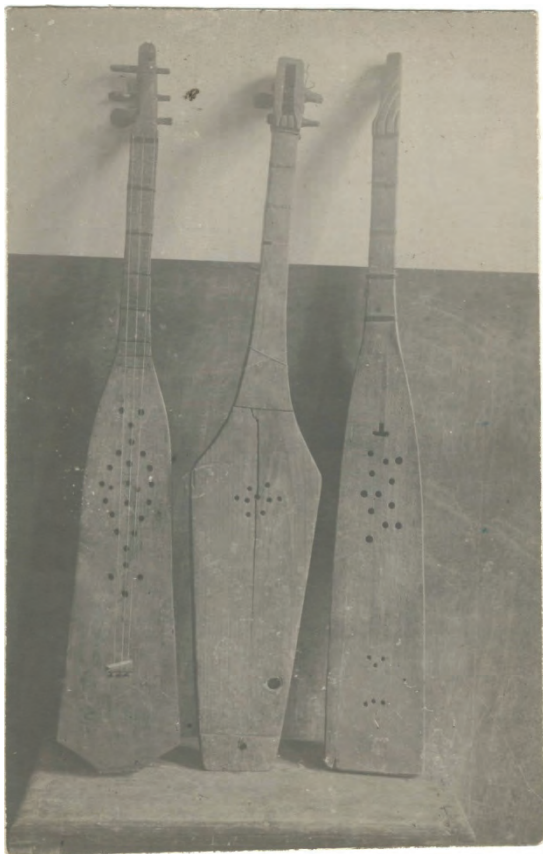

Рис. 5, 6, 7, 8. Ингушские музыкальные щипковые инструменты. Из материалов А.П. Митрофанова. ГАРО. РОМК_ОФ_915-13

Кроме описанных и сфотографированных инструментов начала XX века, существуют многочисленные находки из склепов горной Ингушетии, где они, благодаря сухому климату и хорошей вентиляции в склепах, очень хорошо сохранились. Так, Л.П. Семенов в начале XX

века, во время научных экспедиций в горную Ингушетию, зафиксировал музыкальные инструменты «дахчан пандар» в погребении ингушских воинов в башнеобразном склепе с. Эгикал [18, с. 46-54] (рис. 9).

Рис. 9. Музыкальные инструменты (вместе с другим предметами) из склепов горной Ингушетии, выявленные Л.П. Семеновым. Фотография Д.Ю. Чахкиева.

О трехструнных балалайках, «мало отличающихся от подобных ингушских музыкальных инструментов недавнего прошлого» пишет в своей монографии «Средневековая Ингушетия» известный советский историк, археолог Е. И. Крупнов [9, с. 96]. По данным археологических, этнографических и фольклорных материалов, археолог Д.Ю. Чахкиев пришел к выводу, что в позднем средневековье на территории Ингушетии существовала отлаженная технология производства качественных музыкальных инструментов. Наиболее качественные музыкальные инструменты изготавливали мастера из селений Эгикал, Карт, Биср [4, с. 36]. В результате археологических раскопок такие инструменты были обнаружены в склепах высокогорных ингушских селений Фалхан и Эрзи. Д.Ю. Чахкиев датирует эти находки XVI-XVIII вв. [4, с. 35]. Все указанные инструменты являются щипковыми и в основном трехструнные, описанные исследователями скрипки, как правило, также

трехструнные. Однако археолог, профессор М.Б. Мужухоев в ходе археологических раскопок в конце 60-х – начале 70-х гг. обнаружил в горной Ингушетии еще 4 музыкальных инструмента, 3 из которых щипковые («дахчан-пандар») и 1 скрипка («лад хьекха пандар»). Скрипка, согласно зарисовкам, имеет 4 струны [10, с. 87] (Рис. 10, 11).

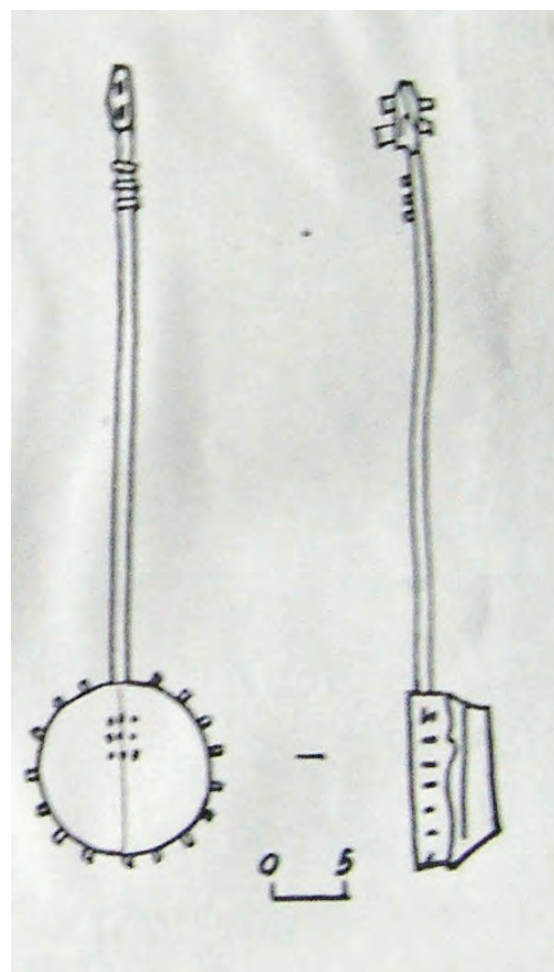
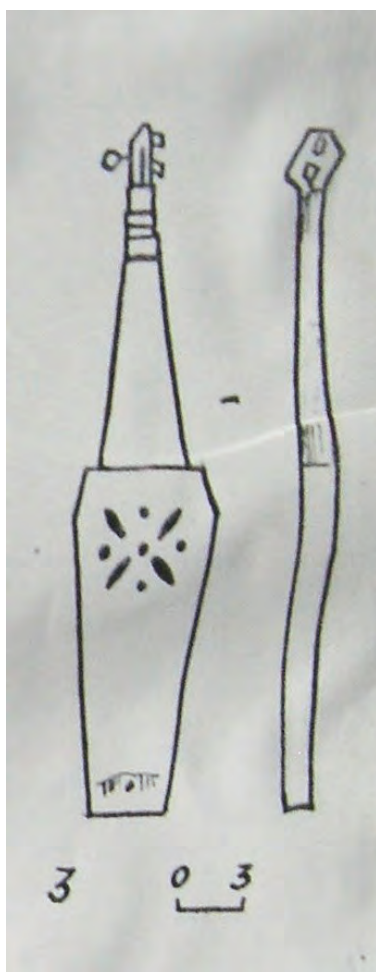

Рис. 10, 11. Зарисовки музыкальных инструментов «дахчан пандар» и «лад хьекха пандар» из археологических отчетов М.Б. Мужухоева. Институт археологии РАН.

В 2005 г. сотрудниками Джейрахско-Ассиновского заповедника в склепах горной Ингушетии был обнаружен еще один трехструнный щипковый инструмент «дахчан пандар».

В 2022 г. в высокогорном селении Цори в ходе мероприятия по перезахоронению останков из обрушившегося склепа, Я.И. Гогиевым среди руин был обнаружен еще один образец щипкового музыкального инструмента [6] (рис. 12).

Рис. 12. Щипковые музыкальные инструменты из склепов горной Ингушетии. Верхний – из с. Цори (хранится в ИГМК им. Т. Мальсагова). Нижний хранится в частном этнографическом музее А. Мальсагова.

Как видно из этих материалов, исполнителями на инструменте «дахчан пандар» были преимущественно мужчины. Археолог Д.Ю. Чахкиев на основе археологического материала и фольклорно-этнографических сюжетов пришел к выводу, что все эти инструменты принадлежали воинам, умело слагавшим и исполнявшим героические песни. «Илланча» – так звали воина-сказителя, который обладал высокими нравственными качествами, хорошо знал фольклор, традиции своего народа, военное дело, обладал завидной выдержкой и пользовался большим уважением в народе. Он сочинял и исполнял песни перед началом сражения, вдохновляя воинов на подвиги, а после боя слагал песни, прославляющие героев, отличившихся в сражении. Убийство илланча считалось тяжким преступлением, хоронили его с почестями [4, с. 35].

В XX веке было еще очень много исполнителей ингушских мелодий и песен на традиционных ингушских музыкальных инструментах, а также тех, кто умел их изготавливать. Но сведений о них не сохранилось.

На краевой горской Олимпиаде национального искусства в Ростове-на-Дону в декабре 1931

года свои музыкальные способности представили народные исполнители братья Тесбот и Магомед Аушевы – жители с. ГаллГай-Юрт Пригородного района [3, с. 107] (Рис. 13).

Аушев Магомед Тепсуркиевич и Аушев Тесбот Тепсуркиевич

Рис. 13. Ингушский музыкант М. Аушев.
Из материалов А.П. Митрофанова.
РОМК_ОФ_915-17

О братьях Аушевых нам известно из архивных материалов Государственного архива Ростовской области (ГАРО). Этот материал в 2006 г. выявил и впервые опубликовал исследователь Б. Д. Газиков [3, с. 80]. Историю братьев Аушевых записал композитор А.П. Митрофанов.

Братья Магомед и Тесбот Аушевы родились в с. Коли горной Ингушетии в 1875 и 1876 гг. С раннего детства они научились играть на музыкальных инструментах: щипковых и смычковых. Магомед Аушев научился играть на «чондырке» в 10 лет («чондарг» – традиционный смычковый инструмент).

В 1916 году их старший брат Техтмар вместе со своим товарищем был убит казаками недалеко от с. Шолхи (совр. с. Октябрьское), а трупы их

остались валяться недалеко от лагеря казачьего войска. Возмущенные горцы решили напасть на лагерь. Собравшись недалеко от известного предгорного села Барт-босе (хутор Бартбос), мужчины из всех обществ горной Ингушетии, начали планировать наступление, чтобы отомстить за убитых. Опасаясь за жизнь горцев, Магомед Аушев отговорил их сразу нападать, и предложил поехать и самому забрать тела убитых. В сопровождении родственников на четырех подводах, несмотря на многочисленные провокации со стороны казаков, он добрался до того места, где лежали тела горцев, погрузил их на подводы и двинулся обратно. Недалеко от лагеря им устроили засаду, путь им преградило около сотни казаков. Долго вел переговоры с ними Магомед, так как у казаков были современные винтовки, а у Магомеда и его родственников только кинжалы. Все же после долгих разговоров с начальником отряда Магомеду удалось разрядить обстановку. Так, без сражения Магомед вывез тела покойных из вражеского лагеря. Но, проведав о том, что горцы организовались в отряды, спустя время, к ним прислали посредника с требованиями вступить в армию Деникина, на что получили ответ, что формируют регулярный горский полк против Деникина. Так, оба брата, Магомед и Тесбот, приняли активное участие в Гражданской войне на стороне Красной Армии.

В 1926 г., после освобождения населенных пунктов Пригородного района, братья переехали в сс. Галгай-Юрт (Галгай-юрт – Камбилеевское) и Новый Джейрах (Джейрхой-Юрт – Ир), основанные ингушами. Села эти находились рядом. Здесь оба брата мирно зажили. Стали работниками колхоза «Галгай». Играли на музыкальных инструментах старинные ингушские песни, сопровождая напевы музыкой. Магомед и Тесбот Аушевы еще помнили и практиковали долгие песни – сказания, в которых исполнение на музыкальных инструментах шло лишь тихим фоном. В эти песнях-рассказах повествовались истории минувших дней, легенды, мифы и нартские сказания, звучала в них и быль, рассказы из жизни. А.П. Митрофановым записаны некоторые из этих песен: «Дзази илли» – песня о красавице, за руку которой боролись лучшие молодцы, «Умарали илли» – песня о бедняке, который наказал кичливого богача, угнав у него табун лошадей, известное в народе сказание об ингушском богатыре Колой канте – герое ингушского нартского эпоса «Kuoloi khanta niz» и др.

Магомед Аушев не только умел изготавливать традиционные музыкальные инструменты, но и начал серьезную работу по их усовершенствованию. А.П. Митрофанов подробно описал его музыкальные инструменты. Одним из двух весьма необычных музыкальных инструментов работы Магомеда Аушева являлся двухсторонний щипковый инструмент (дахчан пандар). Это были два инструмента, соединенные общим корпусом, которые имеют две головки, соединенные в одну, и две шейки. Каждая сторона имела по 7 ладов и 3 металлические струны. Отличались стороны только отверстиями: 1 сторона имела 7 отверстий наверху и 5 внизу, вторая сторона имела 9 отверстий наверху и 3 внизу на верхней деке. Инструмент имел сильный и чистый звук, но был весьма неудобен в использовании, так как его сложная конструкция мешала свободному воспроизведению музыки. Кроме двухстороннего дахчан пандара, Магомед Аушев изобрел и двухсторонний чондарг – смычковый музыкальный инструмент. С двух сторон деки были обтянуты кожей, и на каждой деке располагалось по два резонансных отверстия. На одной стороне Магомед натянул 4 струны из конского волоса, а на другой – 4 металлические струны. Лады на инструменте отсутствовали, но колов было 6, 2 из которых, судя по всему, предназначались для дополнительных струн в целях усиления звука (удвоение струны). Длина грифа этого инструмента составляла 34 см, диаметр корпуса – 35 см. Смычок Магомед сохранил традиционный – дугу с натянутым конским волосом в 56 см. Инструмент был орнаментирован. Оба брата представили свои инструменты на краевой горской Олимпиаде национального искусства в 1931 г. в г. Ростов-на-Дону. Магомед представил свои усовершенствованные инструменты, а Тесбот – инструмент собственного изготовления – трехструнный смычковый инструмент с шириной кузова 19 см, длиной кузова – 46 см., длиной грифа – 28 см. Инструмент был декорирован медными пластинами [3, с. 109-110].

В 2022-2023 гг. по описанию, чертежам и фотографиям ингушских музыкальных инструментов А.П. Митрофанова АНО «Ингушское историко-географическое общество «Дзурдзуки» воссоздали несколько ингушских музыкальных инструментов и возобновили обучение игре на этих музыкальных инструментах после долгого перерыва [11].

Хаутиев Берд Эльмарзович (1857-1944 гг.)

Рис. 14. Ингушский музыкант Б.Э. Хаутиев из с. Шоан. 1930-е гг. Из материалов А.П. Митрофанова. РОМК_ОФ_915

Берд Хаутиев Эльмарзович (рис. 14) родился в 1857 г. в с. Шоан Горной Ингушетии. Его отцом был известный последний ингушский жрец («цIув») Эльмарз-Хаджи Хаутиев. Кроме Берда, у Эльмарз-Хаджи были еще сыновья Джати и Марз, а также дочери, одну из которых звали Гиги. Изначально Хаутиевы жили в местечке под названием Маькхали¹. Согласно преданиям, они пришли в с. Шоан из Баркина. Впервые информация о Берде Хаутиеве была опубликована ингушским архивариусом Б.Д. Газиковым, который опубликовал материал А.П. Митрофанова – советского композитора, сфотографировавшего Берда в с. Шоан вместе с его музыкальным инструментом.

Берд Хаутиев изготавливал смычковые музыкальные инструменты и играл на них, о его жизни известно немного. Внучатый племянник Берда Саюп Кодзоев часто слышал от матери истории, связанные с Бердом. В Маькхали находилась площадь, где собирались сельчане, проводили время за беседами, решали общие вопро-

сы. Это солнечная поляна. На ней старики рассказывали молодым предания старины, сказки и играли на музыкальных инструментах. Когда в селе появлялась новая невестка, она приносила в большой чаше квас (масхам) старцам на эту поляну. Старики, испив напиток, протирали усы и выражали свое довольство фразой «наьт я-I».² Здесь же на своем музыкальном инструменте часто исполнял народные мелодии, сопровождая их звучным голосом, и Берд Хаутиев. Для лучшего звучания скрипки Берд использовал затвердевшую сосновую смолу, натирая ею смычок. Для изготовления традиционного музыкального инструмента чондарг (чIондарг) Берд заранее заготавливал козью кожу и деревянные детали, струны из сухожилия (пхаьнаш) или из конских волос (мерзаш)³ [12].

Берд долго отказывался от обязательной для мусульманина пятикратной молитвы, хотя его отец дважды побывал в хадже, совершил путь в Мекку пешком. Сын последнего жреца, хоть и не отправлял сам моления и не сопровождал праздники, как его отец, но все же продолжал соблюдать некоторые обряды, связанные со старинным, доисламским укладом жизни. У Берда был трехгранный посох, около 150 см. высотой, с удобной ручкой. Согласно старой жреческой традиции, которая досталась Берду от отца Эльмарза Хаутиева, он ежегодно делал насечки (таьрагI) на гранях этого посоха.⁴ Любое событие и происшествие в своем селе он обозначал насечками: рождение ребенка, урожай, засуха, болезни – все он фиксировал на своем посохе по только одному ему понятной схеме. На одной грани он обозначал то, что происходило в прошлом году, на второй – то, что случилось в текущий год, а на третью грань посоха он наносил свои предсказания на следующий год. Для прогнозов на следующий год Берд использовал информацию предыдущих двух лет. Эти посохи по мере заполнения их граней насечками хранились в углу святилища, по ним он мог прочесть и вспомнить, когда происходило то или иное событие в

² Этимология слова не ясна. Возможно, данное слово производилось как «наьт я-Iкх», на подобие выражения «маьржа яI – кх».

³ Сухожилия использовали в качестве струн на щипковом музыкальном инструменте – дахчан пандар, особенно ценились сухожилия козла. Использование конских (чо) волос в качестве струн при изготовлении смычкового музыкального инструмента и дало название этому музыкальному инструменту.

⁴ ТаьрагI – насечки, символические знаки, обозначения на трехгранном посохе, чуртах, могильных камнях (даты, календарь).

¹ Маькхал – уроч. на с.-з. с. Шоан. Культурное место. Здесь сохранились развалины святилища Маькхал.

жизни их села, и не только по своим насечкам, но и по посохам, которые, как летописи, вел его отец. Исследователи начала XX в. неоднократно находили подобные посохи в святилищах горной Ингушетии. Этот посох являлся календарем и летописью общества или поселения, к которому относилось святилище (элгац, цуув, селинг). Из рассказов матери Саюп Кодзоев помнит, что «в местечке Истмале¹ были расположены полуподземные склепы. Из этих склепов Берд ежегодно доставал посуду, тщательно ее мыл, и клал в посуду еду из последнего урожая, при этом Берд «разговаривал» с умершими. Весной из муки осеннего урожая различных культур (овса, пшеницы, кукурузы, ячменя) он готовил ритуальные треугольные хлебцы – «божольги» и клал их по 4 углам святилища. Исходя из того, что предпочитали птицы или грызуны в этот год, какой хлеб они больше съедят, он делал выводы, что именно необходимо посадить в текущем году, что лучше уродится. Берду было уже за 40 лет, но он еще не молился, что очень сильно беспокоило его богобоязненную жену Бейгаз (БейгIаз). С этой своей проблемой Бейгаз однажды пошла к мулле из с. Гули (Хьюли) и пожаловалась на Биди (так она ласково называла своего супруга). Мулла ей посоветовал 40 ночей и 40 дней давать ему пищу, приготовленную, сделав омовение. Бейгаз сделала все, как ей повелел мулла, но чуда не произошло. Она пошла во второй раз к мулле, он снова ей посоветовал давать пищу, приготовленную после омовения. И так три раза. В третий раз Берд, вернувшись домой, недовольно велел жене принести таз и кумган для омовения, он сказал, что ему пришло видение, в котором у него потребовали делать намаз. Так он начал делать намаз, а жена, вне себя от счастья бегала по всему селу и хвасталась, что муж начал молиться, в доказательство она всем показывала тазик для омовения с водой.

Берд умел читать информацию о ближайшем будущем по бараньей или козьей лопатке.² Незадолго до высылки они зарезали козу, поскребли по лопатке ногтем и начали с женой плакать, передавая друг другу эту лопатку и перепроверяя, не привиделось ли им. Берд сказал, что народ ждут тяжкие испытания, и с женой они в скором времени разлучатся навсегда. Свой скот семья Берда всегда загоняла на зиму высоко в

горы, по ущелью Шоан-чоуж (Шоан-Чюж) на г. Шоан, откуда берет начало река Армхи и там, в скальных выступах, приспособленных в помещении, они держали его всю зиму.³ Днем скот пасли во впадинах, вечером запирали в этом помещении (гЮта), там же доили коров, готовили молочные продукты. В одну из зимних ночей, когда он ночевал высоко в горах, он увидел сон, что односельчан солдаты выгнали из своих жилищ и куда-то гонят, проснувшись на рассвете и почувствовав неладное, Берд помчался как мог к селу. У Берда была старая, незаживающая рана, он хромал. Когда он дошел до того места, откуда открывался обзор на ущелье и его село, он увидел, что сон стал явью. Добравшись до домочадцев, он успел им рассказать свой сон. Солдаты не взяли его с остальными из-за хромоты, убедив остаться и уверив, что за ним скоро приедут. Позже говорили, что солдаты скинули его с обрыва в месте под названием «Бийтмал чуиккхача».⁴ Такие печальные новости принесли те, кто двигался вторым этапом из более дальних сел. Датой смерти Берда Хаутиева можно считать 23 февраля 1944 г. На тот момент ему было 87 лет [12].

Точиев Султан Чадиевич (1919-1993)

Рис. 15. Точиев Султан Чадиевич.
Из личного архива М.С. Точиева.

¹ Информант имеет ввиду микропоним с.п. Шоан «Ялсамале-гув».

² Гадание по лопатке было очень распространено. Некоторые ингуши продолжали его практиковать еще в Казахстане. Для этого лопатку варили так долго, чтобы мясо с нее можно было снять, не используя никаких приспособлений, руками. Нельзя было использовать нож, вилку, ногти.

³ Такие помещения для зимовки крупнорогатого скота назывались «гЮта», для зимовки мелко рогатого скота – «джел».

⁴ Микропоним с.п. Шоан.

Точиев Султан Чадиевич (рис. 15) родился в 1919 г. с. Мецхал Джейрахского района. Отец Султана Точиев Чади Чочоевич, мать Сонет в детстве виртуозно играла на гармонии, Султан с детства был приучен к музыке.

В годы гражданской войны отец Султана Чади принял участие в боях за освобождение от белоказаков г. Владикавказ и сел в Пригородном районе. В бою он был смертельно ранен и умер по дороге домой. В то время у него уже были дети (1 сын и три дочери) и жена, которая должна была вот-вот родить. Увидев труп своего мужа, беременная жена потеряла сознание и в тот же час преждевременно родила. Мальчик родился очень слабым, но остался жить. Через год советская власть, как многодетной вдове революционера, выделила Сонет дом и участок в с. Ангушт (совр. с. Тарское). Семья Султана переехала в Пригородный район. В 1944 г. горе, как и в каждый ингушский дом, пришло и в их семью. Сонет с детьми пришлось ехать в далекий Казахстан. Там они поселились в населенном пункте, который назывался станцией Жаксы. Здесь она вскоре и скончалась. Султан с молодости проявлял смекалку в любом деле, освоил ремесло плотника, жестянщика, кузнеца – все у него в руках ладилось. Благодаря его трудолюбию и умению, он никогда в ссылке не оставался без работы – семья их не голодала. В Казахстане он себе тоже изготовил скрипку (чондарг) и часто на нем играл. К ним приходили гости, со всей округи люди собирались, чтобы послушать родную музыку. Там же он женился три раза, две первые жены Султана (Котиева и Гаракоева) умерли еще в ссылке. От всех трех жен у него были дети. Когда пришло время возвращаться из ссылки (1958 г.), семья Султана столкнулась с другой проблемой – их дом был занят и их не пускали на свое прежнее место проживания. После долгих прений и того упрямства, которые проявили ингуши в попытках вернуться в свои села и дома, им предоставили пустые поля недалеко от родного села, где они вынуждены были заново строить жилье. Когда Султан построил дом, там же рядом с домом он открыл цех по производству деревянной мебели, окон, дверей и мн.др. Работа в мастерской всегда кипела, плотник-жестянщик, кузнец и музыкант Султан Точиев не знал ни минуты покоя. В любой перерыв, по воспоминаниям его сына, он садился со своей скрипкой на удобное место и начинал играть, а стук молот-

ка, звон металла заменялся протяжной красивой мелодией, заставляя всех в округе бросать свои дела и слушать музыку. «Я никогда не слышал, чтобы кто-либо еще так красиво играл, – признается его сын, – у него был большой талант!».

Создавал Султан в своей мастерской и музыкальные инструменты. Инструмент любой сложности он запросто мог повторить. Чаще всего он делал чондарг (чондарг) и играл на нем вечерами. Дети любили слушать, как играет отец. По воспоминаниям его сына, Султан исполнял очень старые мелодии, которые он позже никогда и нигде не слышал. В 80-е гг. к Султану дважды приезжала научная экспедиция из г. Ленинград. Они записывали его песни и игру на музыкальных инструментах, фотографировали и даже вручили диплом. В 1992 г. в результате этнической чистки ингушей в Пригородном районе, уже в который раз Султан лишился крова и родного очага. Они сбежали от войны в горы по ближайшей горной тропе. В горах они прожили четыре месяца у родственников, а потом переехали в с. Долаково, где почти сразу и скончался Султан в тоске по своему дому, по своей скрипке...[13].

Хадзиев Али Арапханович 1882-1982 гг.

Рис. 16. Хадзиев Али Арапханович.
Из личного архива З.А. Хадзиевой.

Хадзиев Али Арапханович (рис. 16) родился в 1982 г. в с. Кошк горной Ингушетии. Он был музыкальных дел мастером. Делал щипковые и смычковые инструменты и прекрасно на них играл. Много разных инструментов делал Али Хадзиев, но самый излюбленный его инструмент был достаточно оригинальный. Али замачивал шкуру козы (и иногда теленка), тщательно обрабатывал ее до очень тонкого состояния и натягивал на деревянный корпус без дна (часто это был корпус от сита). Натянутую деку по бокам фиксировал маленькими гвоздиками. На гриф натягивал струны.¹ Под струны вставлял «кобылку». А в деке проделывал два отверстия. Смычок Али делал традиционный – лукообразный с конским волосом или волосом мулла. Волос на смычке не регулировался, а при игре натягивался пальцами. Особенность его инструмента заключалась в том, что корпус инструмента был открыт, не имел дна. Для игры на инструменте Али проделывал специальные процедуры, например, «подсушивал» инструмент над печкой до определенного состояния, готовность которого он определял постукиванием. Готовность он мог проверять несколько раз, пока не убедится, что на нем можно играть. Взяв инструмент в руки, натерев канифолью смычок, Али Хадзиев начинал извлекать мелодии, которые сопровождали его звучный голос и разного жанра песни на родном языке. Ин-

¹ По воспоминаниям его дочери Хадзиевой Зейнап Алиевны, струны были металлические, до депортации струны были волосяны.

струмент он держал вертикально и играл сидя, опирая ножку инструмента о колено. Во время игры постукивал по инструменту, дополнительно создавая аккомпанемент. С инструментами также были связаны некоторые поверья, в связи с которыми после игры Али Хадзиев подвешивал скрипку высоко, так как считалось, что прикосновение кошки или женщины может испортить звук инструмента. Эта деталь красноречиво свидетельствует о том, что женщины на таких инструментах не играли [14].

Таким образом, изготовление традиционных щипковых музыкальных инструментов и игра на них практиковались вплоть до 80-х гг. XX века, и только в последние 30 лет некоторые виды музыкальных инструментов полностью исчезли. Несмотря на это, материалов об этом виде традиционного искусства очень мало. Фиксацией информации о народных музыкантах и мастерах по изготовлению музыкальных инструментов мало кто занимался, и, к сожалению, большой пласт культуры, как следствие, безвозвратно утерян.

В ходе работы с материалами архивов гг. Москва, Санкт-Петербург, Владикавказ, Ростов-на-Дону, Нальчик и мн.др., а также с частными архивами исследователями выявляются новые имена ингушских народных музыкантов. В данное время Обществом «Дзурдзуки» проводится работа по возрождению и популяризации архаичной музыки; воссозданию ингушских музыкальных инструментов по данным археологических, этнографических и музейных материалов [5; 6].

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Беляев В. Музыкальные инструменты народов СССР // Советская музыка. – 1937. – № 10-11.
2. Газиков Б.Д. Сборник сведений об ингушах. – Ростов-н/Д.: Южный издательский дом, 2022. – 570 с.
3. Газиков Б.Д. А.П. Митрофанов о песенно-музыкальном творчестве ингушей // Архивный вестник. ГАС РИ. III.– Назрань: Пилигрим, 2022. – 30 с.
4. Джабраилова И.Ш., Чахкиев Д.Ю. Музыкальные инструменты в воинских захоронениях XVI-XVIII вв. горной Ингушетии // Археология на новостройках Северного Кавказа (1986-1990 гг.) Тезисы докладов региональной научно-практической конференции. – Грозный, 1991. – С. 34-36.
5. Дзаурова Т.А.-Х. Сотрудники общества «Дзурдзуки» провели поисковую работу в архивах Ростова-на-Дону. URL: <https://dzurdzuki.com/2022/11/23/sotrudniki-obshhestva-dzurdzuki-proveli-poiskovuyu-rabotu-v-arhivah-rostova-na-donu/> (дата обращения: 26.03.2023).
6. Дзаурова Т.А.-Х. В с. Цори горной Ингушетии обрушился средневековый склеп. URL: <https://dzurdzuki.com/2022/11/15/v-s-czori-gornoj-ingushetii-obrushilsya-srednevekovyj-sklep/> (дата обращения: 27.03.2023).
7. Зиссерман А.П. Двадцать пять лет на Кавказе. – СПб: тип. А.С. Суворина, 1879. – 427 с.
8. История музыки народов СССР. Т. III.– М.: Советский композитор, 1972. – 544 с.

9. Крупнов Е.И. Средневековая Ингушетия. – М.: Наука, 1971.– 210 с.
  10. Мужухоев М.Б. Средневековая материальная культура Горной Ингушетии. – Грозный: Книга, 1989. – 223 с.
  11. Осетров И. «Илли»: как в Ингушетии возрождают свою музыку // Это Кавказ. URL: <https://etokavkaz.ru/kultura/illi-kak-v-ingushetii-reshili-vozzrodit-svoyu-muzyku> (дата обращения: 26.03.2023).
  12. ПМА – Кодзоев Саюп Исропилович 1956 г.р., с. Ангушт (Тарское).
  13. ПМА – Точиев Мурад Султанович 1963 г.р., с. Ангушт (Тарское).
  14. ПМА – Хаджиева Зенап Алиевна, 1951 г.р., г. Карабулак.
  15. Речменский Н. С. Музыкальная культура Чечено-Ингушской АССР. – М.: Музыка, 1965.– 94 с.
  16. Речменский Н. С. Чечено-Ингушские народные мелодии. – М.: Музгиз, 1939. – 24 с.
  17. Румянцев С.Ю. Сталинская «реконструкция» народных музыкальных инструментов: миф и реальность // Миф. Восток. XX век. – СПб, 2006. – С. 153-161.
  18. Семенов Л.П. Склеп с фресками в ингушском селении Эгикал. Известия Чечено-ингушского научно-исследовательского института. – Т. II. Вып. 1. – Грозный: Чеч-Инг. кн. изд-во, 1960.–160 с.
  19. Сулейманов А.С. Топонимия Чечено-Ингушетии. II часть. – Грозный: Чеч-Инг. кн. изд-во, 1978. – 288 с.
  20. Цолоева Ф.И. Вайнахские музыкальные инструменты. Этнокультурный аспект: дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1990. – 157 с.
-

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

БЕЛАМИ САТИРЕИ ГАГИЕВ ГИРИХАНА БЕРАШТА ХЕТАЯЪЧА СТИХАШКА

Албакова М. М.

Аннотаци. Статъя тIа тахкад Гагиев Гирихана ший поэтически кхоллама белами, сатиреи, сарказми мишта юкъекхувл. Берашта хетаяъ стихаш язъеш, багахбувцама мотивех ийца пайда белгалбаьккхаб. Статъяй чулоацам латт берашта хетаяъча байташта баьча тохкамах. Иштта, поэта кхолламах дола кхыдола а хаттараш даьшхад, цо кхеллача зIамигача турпала амат гойташ.

Кертгера дешаш: Гагиев Гирихан, берий поэзи, сатира, белам, сарказм, гIалгIай багахбувцам, зIамига турпалхо, лирически турпалхо, дийндар.

ЮМОР И САТИРА В ДЕТСКОЙ ТЕМАТИКЕ ГИРИХАНА ГАГИЕВА

Албакова М. М.

Аннотация. В статье исследуются особенности юмора, сатиры и сарказма в детской поэзии Гирихана Гагиева. Прослеживаются способы создания поэтом детских поэтических произведений с использованием фольклорных мотивов. Рассматриваются характерные черты и особенности созданного им маленького героя.

Ключевые слова: Гирихан Гагиев, детская поэзия, сатира, юмор, сарказм, ингушский фольклор, маленький герой, лирический герой, олицетворение.

HUMOR AND SATIRE IN CHILDREN'S THEMES GIRIKHANA GAGIEVA

Albakova M. M.

Annotation. The article examines the features of humor, satire and sarcasm in the children's poetry of Girikhan Gagiev. The ways of creation by the poet of children's poetic works with the use of folklore motifs are traced. The characteristic features and features of the little hero created by him are considered.

Key words: Girikhan Gagiev, children's poetry, satire, humor, sarcasm, Ingush folklore, little hero, lyrical hero, personification.

Дешачун дег чура уйлаш хьоаеш, уж алсам-йоахаш, тайп-тайпара метта кечалаш лелаеш дегIабоалабу начIал йолча поэта ший кхоллам. Цу тайпара сийрда цIи йола деша говзанчаш ба гIалгIай поэташта юкъе а, царех цаI ва Гагиев Гирихан.

Даьхен беркат, мехкахой сийле, къоначар безам, берий син-оамалаш – из деррига а хоа-стаде вIаштехьдоал Гагиев Гирихана ший говзамеча мугIарашца. Массадолча дикача а хозача а хIаманца ба поэта цIена безам. Цун «... поэзи латт тайп-тайпарча темаех. Царех хIараяр хьай-ца тохкам бича, гуш да уж стих кхоллара говзал лакха йолча поэта кхелла хилар. ЙIаьхий а, екаш а, хоза а йола цун поэзи ешарий а ладувгIарий а дегашка йижай безам хестабеш хиларца» [1, оагI. 247].

Къаьстга вахарцара, нахацара, дуненцара кагегIбарий (берий) безам бувцар, цар уйлаш гойтар атта декхар лархIац Илманхоша. Вайна ховчча тайпара, «...берашта лаьрхIа йоазонаш де геттара хала да... Йоазонхочунгара даьннача гIалата, мел зIамига из дале а, гешт дац бераша...» [7, оагI. 172].

Иштта, берашта хетаяъ цу автора поэзи хьаййцача, гуш да из багахбувцамах пайда а ещаш кхелла хилар. Цу гIулакхо хьехамеи белаеи дола уж мугIараш говзагIа а дIаьхийгIа а хулийт. Къонача дешархочунна пайда луш, из нийсача новкъа воаккхаш, цун хIара «...йоазоно ше-ший хьехам бу. Автора берашта Юмадер да хьаькъал луш дола вай вахарцара хIамаш довзар, тахкар. Бераш ше дувчачох тешаде хов поэта...» [7, оагI. 179-180].

Хъаэцаргъя вай «Хаттараш» яха стихотворени. Из латт йиь-йиь стихах болча кхаь строфахи, пхе стихах болча цхьан строфахи.

Хьалхара ши строфа лирически турпалаи Богапхьиди юкьера къамаьл да. Из диалог автора язъяьй беламахи сатирахи пайда эцаш, белама ерзаяьй сарказма новкъосталца Богапхьид:

– Богапхьид,
Ва Богапхьид,
Маьре хьанга
Горгъяр хьо?

– Сона эшац мекъа мар,
Эшац даим текха мар,
Горгъяр ткьамаш долчунга,
Эггар сихагI волчунга!

ДIахо ХьаргIаца къамаьл деш ва лирически турпал, цунга а хаттар ду «хьанга маьре Горгъяр хьо?», аьнна:

– Алал, ХьаргIа,
Алал Iа:
Хьанга маьре
Горгъяр хьо?

– Къар-къар!
Со ергъяц
Цхьанне а къар:
Эггар хозагIволчунга,
Лоа санна кIайволчунга! [2, оагI. 189].

Укхаза, къайлагIа доаладаьча маIанца бувца-раш нах хилар шеко йоацаш да, поэта гойташдар наха юкье нийслуш дола хIама да. Берий меттаца из гучадоаккхаш, пайда эц антитетаза хьисапах: «мекъа, текха – эггара сихагIа»; «хьаргIа – лоа санна кIай». Иштта, мотт хозбеш, омонимаш а лелаю: «Къар-къар – Со ергъяц / Цхьанне а къар».

Лакхе йоалайяча «Хаттараш» яхача стихотворенех таралесташ я шиь-шиь стих йолча йиь строфах латта «Хьазилг» яхар а. Укхаза диалог я лирически турпалаи Хьазилгаи юкье:

– Хьазилг, хьазилг,
Iа фу ду?
– Хьона хаций?
Аз фуь ду!
– Мишта ду Iа,
Хьаалал!
– Хьона ховргдац,
ДIавалал! [2, оагI. 62].

Беламах пайда эцаш язъяь ер стихотворени зIамагIдолча берашта хетаяь хилар гуш да чулоацамга хьежача. Укх тайпара кхелла произведенеш къонача ноахала пайдане хилар бакъдеш да Илманхочо яздаьр: «Литератураи искустваи беламои, цунца дувзадenna мел долчои беш бола пайда дешашца бувца хала да» (Таржам – Албакова М.М.) [8, оагI. 85].

ХIара къаман сакхетаме болаш ба беламаи бокъонца хиннаб яхаш бувцаш болей турпалаш. Уж ба наха сакъердами хьехами телаш, масала, царех ва гIалгIай Цаген а. Из турпал иштта кхы дуккхача къамий а ва, бакъда, кхы цIи йолаш – Ходжа-Насреддин.

Цхьаццайола оамалаш а леладу гIулакхаш а Цагеначарех тара да Гагиев Гирихана «ДIаьха Мекхаш» яхача стихотворене гIарча турпала. Из ва ДIаьха Мекхаш яха къонах. Цхьаццайола цун оамалаш халкъа багахбувцам гIарча Жуккаргачарех а, хьалха хиннача пилхьачарех а таралест.

Жуккаргеи пилхьои леладечун хьисап, вайна ховчча тайпара, хиннад театра элементаш шийца йолаш. «ДIаяхача замак халкъо вахарца-леларца леладаьраш тохкаш, къаьгга гучадоал театра элементаш цига яьржа хинналга. XX-гIа бIаьшу долалуш, цу элементех лард а хулаш, хьакхолла-лу гIалгIай литература жанраш, иштта театр а» (Таржам – Албакова М.М.) [3, оагI. 7].

Ший дIаьхача мекхашца дукха дика хIамаш кхоачашду турпалхочо – «мекхий аьлас»: «шин камаза» хотгийлара хьальяккха ца мега трактор а аратокхаю; гIув чу вежа кIаьнк а хьалвоаккх; «тхов тIа делхаш дагIа» цискилг а Iудоаккх; «къоаночоа, къа ца хеташ, йийтта йийтта, шедоа кепиг хьа а даьккха» яьгIача увркашта а доагIа тIаазар ду; гIайгIане долча берашта юххера а бурчолг хул къонахчун мекхех... Цу тайпара, леладеча гIулакхашка а оамалга а хьежача, «тенна къонах – ДIаьха мекхаш», «мекхий аьла», аьнна произведене тIа белгалваь турпал къонача книжка дешачоа хьехаме а, сакъердам боаккхаш а, цо дIадехарашта диза жоп луш а ва.

Цкъа дайзачунна дицIургдац говзама кхелла цун амат: из ва эшшачоа гIо де араваьнна «тенна къонах – ДIаьха мекхаш», «мекхий аьла», «веза хьаьша». ХIаьта, ала деза, гIалгIаша хьаьша гIулакх массаза а лоархIама леладаьлга. «...Цунна лаьрхIа къаьстта цIа а, тIадуллар-кIалдуллар а, даар-малар а лоаттадаьд. Хьаьша, нагахьа из ца вовзаш саг вале а, шоай фусаме нийсвалара бахьан кхаь денни кхаь бусси хоатташ хиннадац.

Из Иадат дика хьокх вай йоазонхоша...» (Таржам – Албакова М.М.) [6, оагI. 452].

«ДӀаьха мекхаш» яхача стихотворене тӀа дув- цар халкъа фӀаьлга е кӀоанолга хьисапе дерзадеш чакхдоаккх автора:

Трактор йода, новкъа яьнна,
Никъ ба баьржа гаьна-гаьна...
«Пуф-пуф-пуф!» –
«Чах-чах-чах!»...
Лехкар ва мекхий падчахь...
ХӀара юрта из Иовосс –
Ю массарна дегагӀоз...
Илли оалаш, никъ беш ва –
Шун юрта а кхоачаргва! [2, оагI. 175].

Гучча тайпара, дийндара хьисап леладара мотт говза ба поэта. Берашта ше кхелла аматаш къаьбгга духьала отгадеш, царна уж дезалургдолаш кхелла да. Дийна йолаш санна, къамаьл деш я трактор а, камазаш а ДӀаьхача мекхашца.

Белам а, сатира а сарказм а вӀаший хотгаден- на леладу поэта ший турпалхочо – мекхий аьлас – хоарцонцеи халонцеи лоаттабу къовсам гойташ.

Из ва берий вахарцара хьашташ кхоачашдеш, царна сакъердам боахаш. Вайна ховчча тайпара, «...дика кхолламхо къаман амат гойта ховш, наьха хьашташ довзийташ хила веза» (Таржам – Албакова М.М.) [4, оагI. 13]. Цу тайпара, Гагиев Гирихана «ДӀаьха Мекхаш» яхача стихотворене гойт из язъаь автор дика кхолламхо хилар.

Лакхе аьннача тайпара, берий темах яздеш, поэта халкъа багахбувцама жӀовхьарех а пайда эц, цудухьа ба цигара мотт шаьреи цӀенеи. Халкъа «...багахбувцама мотт шийна юкъе говзалаш – гиперболаш, эпитеташ, дистараш, метафораш дукха лелаш хул» [5, оагI. 242], царех боагӀача тайпара пайда эца харах, Гагиев Гирихана тола- маш даьхад.

Белами, сатиреи, сарказми лелаярца Гагиев Гирихана поэтически кхоллам берий сашорта- доаккхаш, цар син-оамалаш йӀаьхийеш, уйлаш цӀеньеш ба. ГӀалгӀай литературе а, кхыдолча къамий литературашка санна, иштта, цу жанрах яздаь говзаме йоазонаш тоьаш ца хиларах, Гагиев Гирихана цу наькъа тӀа баьккха мул боккха а тӀехьале йолаш а ба.

ЛИТЕРАТУРЕИ ИСТОЧНИКАШИ

1. Албакова М.М. Любовная лирика Гирихана Гагиева // Материалы Международной научно-практической конференции «30 лет Республике Ингушетия: исторические вехи и перспективы развития». – Магас, 2022. – С. 247-250.
2. Гагиев Г.А. Поэзи. Том 1. – Нальчик: Эль-Фа, 2004. – 527 с.
3. Евлоева А.М. Ингушская драматургия: национальные истоки, эволюция, жанровая специфика: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Нальчик, 2006. – 18 с.
4. Евлоева А.М. «Образ народного защитника в очерке «Верой и правдой» и в драме «Террор» Саида Чахкиева» // Региональная научно-практическая конференция. – Назрань, 2002. – С. 11-13.
5. Матиев М.А. Ингушский фольклор: образовательный аспект // Материалы Международной научной конференции, посвященной 25-летию образования Республики Ингушетия. Образование, наука и культура Кавказа: традиции и современность. – Магас, 2017. – С. 240-242.
6. Сагова М.Ю. Роль фольклорного наследия в эволюции художественной мысли в поэме «Кхо чурт» («Три надгробных камня») Салмана Озиева // Мир науки, культуры, образования Горно-Алтайск. – 2022. – №1 (98) – С. 451-453.
7. Танкиева Л.Х. Гагиев Аюба Гирихан / Современная ингушская литература. – В 4 т. Т. 3. – Нальчик, 2012. – С. 126-194.
8. Хализев В.Е. Теория литературы. – М.: Высш.шк., 2005. – 405 с.

КАНШАУБИЙ МИЗИЕВ – ПУБЛИЦИСТ, ПЕРЕВОДЧИК, ДИПЛОМАТ, ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ

Биттирова Т. Ш.

Аннотация. В статье рассматриваются различные аспекты творчества выдающегося литератора и общественного деятеля К.А. Мизиева, в том числе переводческий и популяризаторский. Определяется его вклад в развитие российско-турецких отношений, сотрудничества в области кинематографии. Отдельно анализируется переводческая деятельность К. А. Мизиева, в частности, переводы произведений русской классики на турецкий язык. Также рассматривается роль К. А. Мизиева в ознакомлении турецких читателей с карачаево-балкарской поэзией.

Ключевые слова: Каншаубий Мизиев, турецко-российское сотрудничество, русская литература, балкарская поэзия, переводы.

KANSHAUBIY MIZIEV – PUBLICIST, TRANSLATOR, DIPLOMAT, PUBLIC FIGURE

Bittirova T. S.

Annotation. The article examines various aspects of the work of the outstanding writer and public figure K.A. Miziev, including translation and popularization. His contribution to the development of Russian-Turkish relations and cooperation in the field of cinematography is determined. His translation activities are analyzed separately, in particular, translations of works of Russian classics into Turkish. The role of K. A. Miziev in familiarizing Turkish readers with Karachay-Balkar poetry is also considered.

Keywords: Kansaubiy Miziev, Turkish-Russian cooperation, Russian literature, Balkar poetry, translations.

Имя Каншаубия Адраевича Мизиева давно и прочно заняло место среди тех, кто укреплял дружественные отношения между Россией и Турцией на новом уровне, начиная с 80-х годов XX столетия. Он участвовал в работе российско-турецкого сотрудничества на государственном уровне – это работа межправительственных комиссий по экономике, заседания российско-турецкого делового совета, участие в работе межгосударственных фондов, а также руководство в различных проектах российско-турецких культурных и экономических связей.

Он родился, как и все из его поколения балкарцев, в ссылке, в казахском городе Туркестан, на родине выдающегося тюркского поэта-гуманиста Ахмеда Ясеви. Сюда, 8 марта 1944 года, вместе с балкарским народом с семьёй был выслан отец Каншаубия, офицер Советской Армии, награждённый орденами и медалями, сражавшийся на фронте с гитлеровцами до тяжёлого ранения, в результате которого потерял ногу. В 1957 году вместе с семьёй переехал в Кабардино-Балкарию, в село Яникой, где и окончил среднюю школу. Работал на руднике «Молибден» Тырнаузского вольфрамо-молибденового комбината, учился в Институте стран Азии и Африки при МГУ им. Ломоносова, а затем – в аспирантуре

Института языкознания АН СССР. После аспирантуры Каншаубий работал на Олимпиаде-80, в различных учреждениях Москвы, пока, наконец, не осел в Стамбуле на одной из турецких строительных фирм. Работая координатором фирмы по странам СНГ, объехал всю Россию.

С начала 80-х годов К. Мизиев работал переводчиком в различных правительственных структурах, поэтому имел возможность познакомиться с известными деятелями культуры Турции, в частности, кинематографистами. В 70-80-е годы прошлого столетия турецкая кинематография выходит на мировой уровень, снимая в год до 300 фильмов в год. Каншаубий Мизиев одним из первых участвует в ее продвижении на советский

рынок. В этом процессе он реализовал и свой талант литератора. К.А. Мизиев – автор перевода на русский язык турецкого телесериала «Королёк – птичка певчая», показанного по центральному телевидению в 1988 году. С его участием состоялись съёмки первых советско-турецких кинофильмов «Любовь моя, печаль моя» по Назыму Хикмету и «Манкурт» по Чингизу Айтматову. Он является консультантом документального фильма Турецкого Радио и Телевидения (ТРТ) «Время, просыпающееся в Азии». Участвовал в съёмках первого советско-турецкого фильма «Любовь моя, печаль моя» в качестве организатора, координатора, переводчика сценария. У турецкого сериала «Любовь моя, печаль моя» был ошеломительный успех, надо признать, что он был в равной мере обязан как съёмочной группе, так и переводчику фильма Каншаубий Мизиеву.

Тогда же К. Мизиев выступил как ведущий первого канала советского телевидения, представив на нем турецкое телевидение. По словам самого К. Мизиева, в 1988 году он «был ведущим большого цикла программ на ОРТ, посвящённых Турции, включающих в себя документальные фильмы, серию интервью с представителями турецких деловых кругов, зарисовки из экономической и культурной жизни Турции и многое другое. И кто знает, возможно, именно это и положило начало массовому наплыву российских «челноков» и туристов в Турцию. Ведь до этого Турция – член НАТО – для нас была закрытой страной, информация об этой стране, которая сейчас является туристической «Меккой» для российских граждан, была крайне скудной» [1].

Газета «Республика Башкортостан» писала в 2006 году: «В два с половиной раза (с 50 почти до 125 миллионов долларов) увеличился за последний год товарооборот между Башкортостаном и Турцией, чему, несомненно, содействовало открытие в апреле прошлого года официального представительства республики в Стамбуле. Возглавил его Каншаубий Мизиев [1]. А через три года эта цифра составила 514 млн. долларов, т.е. товарооборот увеличился в 10 раз.

Бесценен вклад К. Мизиева и в популяризацию шедевров русской литературы в Турции и во всем тюркском мире. Каншаубий Адраевич Мизиев сам или в содружестве с турецкими литераторами перевел и издал на турецком языке более 20 книг – произведений русских и советских писателей и поэтов. Среди них книги А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Ф.М., Достоевского, С. Есенина, Б. Пастернака, А. Блока, А. Ахматовой, Кязима Мечиева, Кайсына Кулиева, Мустая Ка-

рима и др. Вместе с балкарским поэтом М. Беппаевым он перевел на русский язык и издал в Нальчике книгу стихов турецкого автора Ахмета Неждета «Клин журавлиный над Стамбулом».

Благодаря К. Мизиеву, в тюркском мире стали широко известны лучшие образцы балкарской поэзии XX века. Он перевел на турецкий язык, составил и издал в 2001 году «Антологию балкарской поэзии» в стамбульском издательстве «Брой» [2]. Второе ее издание, дополненное новыми именами и книгами, вышло в 2017 году, в нем представлены биографии, фотографии и стихи 47 балкарских поэтов [4]. Каншаубий Мизиев неоднократно обращался к творчеству классика карачево-балкарской поэзии К. Мечиева, и в 2019 году он издал его в переводе на турецкий язык [6]. В 2004 году вместе с турецким поэтом Ахметом Неждетом составил и издал антологию «Русская поэзия Серебряного века» [3]. В 2008 году написал на турецком языке книгу «История дуэли» [5], вызвавшую большой резонанс. В этой книге на примере судеб известных творческих личностей царской России, автор дает развернутую историю русской дуэли; ее идейные основы, атрибутика и концепты также нашли отражение в книге. «В эпоху, когда не существовали законы, защищающие достоинство личности, дуэль была единственным путём защиты как своей чести, так и своей семьи и близких. Этот метод достиг своего пика в 14-18 веках...», – так определяет автор условия формирования этого неоднозначного явления европейской жизни феодального периода.

Писатель и публицист Мухаррем Сарыкая писал в статье «Политическая дуэль», опубликованной ведущей турецкой газетой «Сабах»: «Дуэль – это протест против оскорбления личности; это – попытка доказать, что честь для личности стоит выше человеческой жизни, то есть, что существует честь и достоинство человека и ни один тиран не может распоряжаться ими. Так определяет Каншаубий Мизиев понятие дуэли в своей книге «История дуэли» [7].

Кроме этого, К. Мизиев – автор около 200 публикаций с переводами русской и советской поэзии, а также публицистических и литературно-критических статей и очерков.

В творческой деятельности Каншаубий Мизиева особое место занимает поэзия гения русской поэзии А.С. Пушкина. Вместе с турецким поэтом Ахметом Неждетом К. Мизиев три года переводил на турецкий язык поэму А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Бессмертная поэма заговорила на турецком впервые после 172 лет создания и сразу нашла путь к сердцам читате-

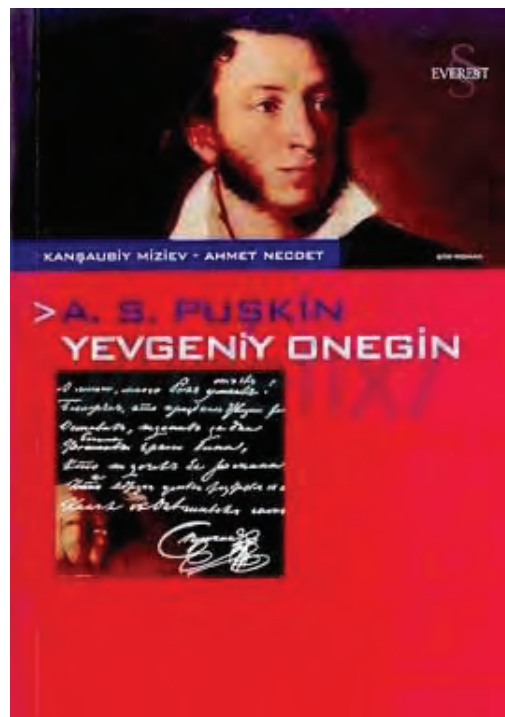
лей страны. Эта работа получила премию как лучшая книга переводов 2003 года в Турции. Переводчики передали не только содержание поэмы, но и максимально выдержали пушкинский стиль и «онегинскую строфу». Доказательством тому, что перевод имел успех, является факт его переиздания еще тремя издательствами («Эверест»-2003, «Артшоп»-2010, «Айрынты»-2016).

Литературная деятельность К. Мизиева, как автора эссе о выдающихся личностях российской и турецкой культуры, с которыми ему довелось встречаться и сотрудничать, заслуживает особого внимания. О своих встречах он рассказывает со страниц литературных изданий, таких как «Литературная Россия», «Литературная Кабардино-Балкария», «Минги Тау» (на балкарском языке), в башкирских литературно-художественных изданиях. И за каждым эссе, окрашенные добрым юмором, интересными деталями – реальные личности и события. Они составляют коллективный портрет эпохи, дополняя друг друга и объединенные личностью автора, его мировоззрением и мировосприятием. Автором талантливо созданы живые образы известных государственных личностей, таких как Н. Подгорный, М. Рахимов, поэтов Даниила Гранина, Мустая Карима, Кайсына Кулиева, известных турецких писателей... Благодаря этим мини-рассказам, читатель становится свидетелем событий мирового значения в их живой передаче и необычном авторском изложении.

За многолетнюю плодотворную творческую и активную общественно-политическую деятельность К.А. Мизиев награжден: Орденом Дружбы Народов Республики Башкортостан (2010); медалями: «В память 850-летия МОСКВЫ» (1997), «100 лет образования Республики Башкортостан» (2019); почетной грамотой Президента Республики Башкортостан (2006); почетной грамотой Правительства Кабардино-Балкарской Республики (2016); медалями: «В память 190-летия» М.Ю. Лермонтова (2004), «В память 150-летия» К.Мечиева (2010), «В память 100-летия» К. Кулиева (2017), Почетной грамотой Международной организации «ТЮРКСОЙ» (2010).

Каншаубий Адраевич Мизиев является почетным академиком Международной тюркской академии (2002), действительным членом-академиком Общественной Академии наук, культуры, образования и бизнеса Кавказа (2010).

К.А. Мизиев – член Союза писателей России (1998), член Союза журналистов России (2017), член Союза журналистов Башкортостана (2017).

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Зонова Т. Хорошо, когда страны так тесно сотрудничают // Республика Башкортостан. – 2006. – 18.08.06.
2. Мизиев К. А. Антология балкарской поэзии. – Стамбул: Брой, 2001. – 160 с. (Kanşaubiy Miziev. ‘Balkar Şiiri Antolojisi’, Broj Yayınları, İstanbul, 2001).
3. Мизиев Каншаубий, Ахмет Неджет. Русская поэзия Серебряного века. – Стамбул: Папирус, 2004. – 263 с. (Rus Şiirinin Gümüş Çağı, Papirus Yayınları, İstanbul, 2004, 263s.).
4. Мизиев Каншаубий. Антология балкарской поэзии. 2-е изд. – Анкара: БЕНГЮ, 2017. – 204 с. (Kanşaubiy Miziev. ‘Balkar Şiiri Antolojisi’, Bengü Yayınları, 2017, 204 s.).
5. Мизиев Каншаубий. История дуэлей. – Стамбул, 2008. – 255 с. (Kanşaubiy Miziev. Düello Tarihi. İstanbul. YGS Yayınları, 2008, 255 s.)
6. Мечиев Кязим. Имя нам – человек. Kâzim Meçiev. İnsandır Bizim Adımız. Ankara, BENGÜ Yayıncılık ve Kâzim Meçiev Vakfı, 2019, (на турецком яз.), Türkçesi: Kanşaubiy Miziev.
7. Мухаррем Сарыкая. Политическая дуэль // Сабах. – Стамбул, 2009. – 17 февраля (MUHARREM SARIKAYA Siyasi düello).

АРХАИЧНАЯ ЛЕКСИКА ИНГУШСКОГО ЯЗЫКА

Гандаур-Эги М. Х., Хайров Б. А.

Аннотация. Представленный в работе лексический материал включает в себя тематически разнообразную группу слов и словосочетаний ингушского языка, вышедших из повседневного употребления либо живущих в пассивном лексическом запасе языка старшего поколения. Архаичная лексика, записанная в ходе бесед с информантами, жителями различных населенных пунктов Ингушетии, показывает наличие большого и тематически разнообразного круга слов, не вошедших в словарный состав современных ингушских словарей. Процесс архаизации достаточно сложный, поскольку большинство архаичных слов постепенно исчезают и со временем становятся непонятными для носителей языка. Представленный в статье лексический материал расширяет научные представления об устаревших словесных единицах, изучение которых способствует более углубленному пониманию культуры, традиций и быта ингушского народа.

ARCHAIC VOCABULARY OF THE INGUSH LANGUAGE

Gandaur-Egi M. H., Khayrov B. A.

Abstract. The lexical material presented in the work includes a thematically diverse group of words and phrases of the Ingush language that have fallen out of everyday use or live in the passive lexical stock of the language of the older generation. Archaic vocabulary recorded during conversations with informants, residents of various settlements of Ingushetia, shows the presence of a large and thematically diverse range of words that are not included in the vocabulary of modern Ingush dictionaries. The process of archaization is quite complicated, since most archaic words gradually disappear and eventually become incomprehensible to native speakers. The lexical material presented in the article expands scientific ideas about outdated verbal units, the study of which contributes to a more in-depth understanding of the culture, traditions and way of life of the Ingush people.

1. *Анзув Гург* (букв. «дыра (отверстие) для наблюдения за горизонтом (небом)») – воздушное пространство над горной тесниной или горной вершиной, по состоянию (облачно, ясно и т. п.) которого местные жители прогнозируют погоду [8].
2. *Арме* – внешнее направление, синоним наречия «арахьа» [10].
3. *Арчакх* – цельнодеревянный седельный каркас, который обычно изготавливался из клееной древесины [12].
4. *Аьст(а) // эст(а)* – прочный, крепкий [10].
5. *Бартал дула* – молитва (дуа), произносимая в состоянии крайней степени отчаяния, в позе возлежания ниц на земле с вытянутыми в мольбе руками [9].
6. *Вал // вел* – название пологого горного хребта [5].
7. *Вир* – порожек на грифеле струнного музыкального инструмента.
8. *Вослой // веслий хьу* – глухой, дремучий лес [11].
9. *Глоазлой маькх* – лепешка из пшеничной муки, лаваш (*глоазлой*, этноним – лакцы) [12].
10. *Дзламар* (мн. ч. *дзламараи*) – типы речных русел; сеть балок с водотоком, которая относительно близко и равномерно прилегает к основному руслу реки [6].
11. *Динаркъа* – опытный наездник, которому доверялся конь на скачках.
12. *Диттче* – колчан для стрел [4].
13. *Доахьар* – серебро высокой пробы [12].
14. *Дыхестор // дыхетор* – старейшина, которому поручалось посвящение умершему коню, который одержал победу на поминальных скачках [13].
15. *Зларг* – круглый боевой щит с плетеной рамой [3].
16. *Зларговз* – кольчужник, мастер по изготовлению щитов, кольчуг [3].
17. *Злуморг* – небольшой выступ, бугорок на каком-либо предмете, например, выступ на керамической черепице для ее закрепления на кровле [7].

18. *Запхъа каша* – вариант названия наземного склепа [16].
19. *Зен гIала* – наблюдательная башня, которая сооружалась в труднодоступном месте [8].
20. *КIиран бIи* – творильная яма, выложенная из камней на известковом связующем растворе, предназначенная для хранения и выдержки гашеной извести [8].
21. *КIур гIала* (букв. «дым башня») – сигнальная сторожевая башня, с плоской кровли которой подавался дымовой сигнал [8].
22. *Ког-соалоз* – деревянные салазки, состоящие из двух отдельных полозьев с дужками, которые изготовлены из гибкого прута [12].
23. *Куржал* – деревянная черпалка-дуршлаг с длинной ручкой [12].
24. *Кхозар (-аи, мн.ч.)* [17, с. 9] – гурт (нем. gurt «пояс, подпруга»), профилированное ребро крестового свода в виде пояса (тяги) из тесаных клинчатых камней или кирпичей, слегка выступающее на поверхности свода (по М. Ю. Ананьину) [1].
25. *Къовда* – кузнец, мастер по железу [3].
26. *Лай кIур* – снежная пыль, которая образуется вслед быстро скачущей лошади [12].
27. *ЛувгIар* – а) опара, квашня; б) большая плоская деревянная тарелка с невысокими бортами, предназначенная для замеса теста [11].
28. *МIайле* – самая верхняя часть боевой башни, в конструкцию которой входят последний этаж и кровля [8].
29. *Магаск* – малорослый кустарник с гладкой корой кирпичного цвета, из которого изготавливали кнутовище для парадного всаднического кнута [12].
30. *Мезий тIоа* – корень травы, который использовался для уничтожения кожных паразитов у скотины [15].
31. *Павшк* – легкая деревянная лопата для просеивания зерна на току [2].
32. *Пирхавшк* – слабый удар молнии во время грозы [5].
33. *Топпара гIавли* – керамическая курительная трубка [12].
34. *Фоатлур* – сторона в договоре безвозмездного найма (фоат); наймодаель, владелец (собственник) стада (вещи) [12].
35. *Форда котам* – курица с обильным оперением на ногах [12].
36. *Фуоттар* – сторона в договоре найма (фоат); наниматель, выгодоприобретатель [12].
37. *Фус* – быстро, скоро [14].
38. *Хара* – деревянная бочка цилиндрической формы, изготовленная из дуплистого липового дерева и предназначенная для засолки и хранения различной снеди в хозяйстве [12].
39. *Хес* – засада, бдение [12].
40. *Хес гIала* – тип сторожевой башни [8].
41. *Хесха* – скрытая стража, «секрет» [2].
42. *ЦIер-шод* (букв. «огненный узел») – центр, из которого исходят проблески грозовых молний [5].
43. *ЦIог-шод* – тряпичный кнутик, который применялся для подхлестывания волчка (кубаря) («маркьилг») при его вращении в традиционной ингушской игре в волчок на льду («маркьилгах ловзар») [12].
44. *Чул* – глубокий овраг, ущелье с отвесными склонами с временным или постоянным водотоком.
45. *Шийтта ов дода нувр* – парадное кавказское конское седло с седельной подушкой из кожи, крылья которой были вдоль прострочены 12-ю стежками с использованием белых ниток. Сама подушка набивалась оленьим (турьим, косульим) волосом [12].
46. *Юкъе кад багIа шун оаркхув* – национальное большое круглое деревянное блюдо с низкими бортами и с вделанной посередине чашкой. Посредством чуть выступающих бортиков, которые тянулись от доньшка чашки к кромке блюда, поверхность его была разделена на пять равных по площади ячеек, в каждую из которых раскладывалась порция еды только для одной персоны. Блюдо ставилось на круглый кавказский столик (шу) [12].
47. *Юаржал* – прицел огнестрельного оружия [2].

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Ананьин М. Ю. Основы архитектуры и строительных конструкций: Термины и определения. Учебное пособие. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. – 132 с.
2. ПМА – Джугустов Хасо Саадулович, 1932 г. р., уроженец с. Бешт, проживал в с.п. Алкун.
3. ПМА – Джугутханов Мовли Дресович, 1932 г. р., уроженец с. Галашпхе, проживал в г. Назрань.

4. ПМА – Долов Абдурахман Иналкоевич, 1925 г. р., уроженец с. Пуй, проживал в с. п. Мужичи.
  5. ПМА – Илиев Аббас Лорсович, 1896 г. р., уроженец с. п. Гули, проживал там же.
  6. ПМА – Костоев Дауд Пхарчоевич, 1924-2017 гг., уроженец с. Кест, проживал в г. Сунжа.
  7. ПМА – Котиев Магомед Абдулович, 1930 г. р., уроженец с. п. Мужичи, проживал там же.
  8. ПМА – Мурзабеков Берснак Бексултанович, 1916 г. р., уроженец с. Бархане, проживал в г. Назрань.
  9. ПМА – Мурзабеков Макшарип Усманович, 1932 г. р., уроженец с. Бейне, проживал в п. Карца.
  10. ПМА – Сайнароев Бами Бунхоевич, 1920 г. р., Нийкоте, проживал в с. п. Галашки.
  11. ПМА – Сайнароев Султан Хасанович, 1925 г. р., уроженец с. Берашке, проживал в с. п. Галашки.
  12. ПМА – Точиев Багаудин Сосламбекович, 1924 г. р., уроженец с. Галашки, проживает там же.
  13. ПМА – Хаутиев Идрис Бексултанович, 1922 г. р., уроженец с. Шуан, проживал в с. п. Новый Редант.
  14. ПМА – Шадиева-Гадаборшева Фатима, 1964 г. р., проживает в г. Назрань
  15. ПМА – Эсмурзиев Хусен Абукарович, 1915 г. р., уроженец с. Койрах, проживал в с. п. Ольгетти.
  16. ПМА – Ярыжев Израил Хунсагович, 1929 г. р., уроженец с. Морч, проживал в с. п. Лежги.
  17. Щеблыкин И. П. Искусство ингушей в памятниках материальной культуры. – Владикавказ: Государственная типография Автономной Области Ингушии, 1928. – 30 с.
-

ЭТНОМЕНТАЛЬНОСТЬ В ПРОЗЕ АЛИ ХАШАГУЛЬГОВА

Горчханова Т. Х.

Аннотация. Статья посвящена проблеме национальной ментальности в прозе ингушского поэта Али Татриевича Хашагульгова. Отмечается, что основе образов любого вида искусства лежит ментальность, проявляющаяся на глубинном уровне и народа в целом, и отдельных его представителей: на уровне сознания и на уровне бессознательного. Писатель является выразителем этнонациональной ментальности, он творит Картину Мира, отражающую мировидение своего народа. Али Хашагульгов явился одним из ярких художников слова, отразивших национальную ментальность и национальные ценности в ингушской литературе.

Ключевые слова: Али Хашагульгов, этноментальность, ингушская литература, национальная идентичность, духовная культура, национальная картина мира.

ETHNOMENTALITY IN THE PROSE OF ALI KHASHAGULGOV

Gorchkhanova T. H.

Annotation. The article is devoted to the problem of national mentality in the prose of the Ingush poet Ali Tatrievich Khashagulgov. It is noted that the basis of the images of any kind of art is the mentality, which manifests itself at the deep level of both the people as a whole and its individual representatives: at the level of consciousness and at the level of the unconscious. The writer is the spokesman of the ethno-national mentality, he creates a picture of the world that reflects the worldview of his people. Ali Khashagulgov was one of the brightest artists of the word, reflecting the national mentality and national values in Ingush literature.

Keywords: Ali Khashagulgov, ethnomentality, Ingush literature, national identity, spiritual culture, national picture of the world.

Национальная ментальность, национальная идентичность – тема весьма актуальная сегодня в литературоведении. Интересны в этом отношении труды Г. Гачева, К. Султанова, З. Кучуковой и др.

Национальная идентичность определенного этноса выявляется через его духовную культуру, его особое, только ему присущее мировосприятие, а особенность мировосприятия складывается из множества составляющих. Духовная культура – обычаи, традиции, фольклор, танец, архитектура – у каждого этноса, народа своя особая. Можно возразить, что архитектура – это не часть духовной, а часть материальной культуры. Ингушское средневековое зодчество, правомерно считать также и частью духовной культуры, потому что древняя архитектура вызывает интерес не только как исторические памятники, это своего рода каменная летопись народа, способ выражения его мировоззренческих идеалов, ментальности. В своей работе «Национальные образы мира. Евразия – космос кочевника, земледельца и горца» Г. Гачев пишет: «Устройство жилища, с одной сто-

роны, есть отпечаток, отражение космоса вокруг; дом строится как схема того, что человек видит вокруг, так что по дому можно изучать воззрение народа на мир, как он его понимает. А с другой стороны, дом не готовым берется, а строится и это есть выражение нутра человека, невидимого устройства его души, проекция сокровенного микрокосмоса» [2, с. 12]. О неразрывной связи архитектуры и духовной культуры горцев пишет С. Д. Сулименко: «Для горцев Северного Кавказа дом был и остается не столько утилитарным пространством, сколько культурно-символическим пространством культурных норм и традиционных ценностей» [3, с. 9].

Архитектура является своеобразным посредником между материальной культурой и духовной, выразителем идей, языка, ритуалов, знаний, мифов, норм, традиций. Мысль эту подтверждают слова С. Д. Сулименко о том, что «башни горцев – это как бы архитектурный вариант нартского эпоса, своеобразный эпос в камне» [3, с. 49]. В нартском эпосе изложены главные принципы народной этики, свод нравственных законов –

Эздел, являющийся основой духовной культуры; его основные положения отражены в произведениях устного народного творчества. Фольклор ингушей – часть сокровищницы мировой культуры, на которой выросла впоследствии ингушская литература.

В непростых условиях глобализации, европеизации ответственность за сохранение национальной идентичности, этноментальности во многом взяла на себя художественная литература, а именно писатели. Но только истинный художник слова может выразить в своем творчестве национальную ментальность, мировоззрение народа, национальную картину мира.

Безусловно, для ингушской литературы таким художником слова явился Али Хашагульгов, которого мы больше знаем как поэта, но известно, что он сделал значительный вклад и в прозе. Хашагульгов – поэт широко известен. Уделяя большое внимание его поэтическому творчеству, исследователи обходят стороной Хашагульгова-прозаика. Оригинальная и неординарная проза писателя остается малоизученной. Рассказы А. Хашагульгова «Ахча» («Деньги») (1970), «Болх» («Работа») (1970), «Езачунга яздаь кахат» («Письмо к любимой») (1971), «Дешар сенна деза» («Зачем учиться») (1973), «Янзар хьо» («Ты не пришла») (1973) и др. глубоко психологические, философского содержания произведения о современной писателю действительности.¹

Хашагульгов в своих рассказах обращает внимание на проблемы социально-экономического характера, которые по сей день остаются актуальными: безработица, низкий уровень жизни, низкая оплата труда. Проблемы социально-экономического характера в свою очередь порождают проблемы другого характера.

В небольших рассказах «Ахча» («Деньги»), «Болх» (Работа) Хашагульгов показал очень правдиво ингушский мир. Здесь нет сюжета как такового. Диалоги или размышления героев автор использует как основные способы раскрытия их образов, психологии, внутреннего мира. В рассказе «Ахча» («Деньги») отсутствует действие как такое, минимум героев. Их двое: водитель и случайная попутчица. Но есть еще один «немой» герой, который сопровождает их в пути на заднем сиденье автомобиля, и о котором по-

путчица узнает только в конце. О героях мы узнаем через их диалог и мысли. Героиня на вид совсем молодая девушка все время думает о своем муже, который уехал на заработки вскоре после свадьбы, чтобы расплатиться с долгами. Она скучает, переживает: почему давно нет от него писем? Трагический финал рассказа ошеломляет и героиню и читателя: все это время на заднем сиденье автомобиля находилось тело ее мужа, которого герой-земляк везет на родину, чтобы передать родственникам.

В рассказе отражена одна из самых острых проблем, которая обрела в то время национальный масштаб: массовая нетрудоустроенность населения и низкая оплата труда вынуждали мужскую часть населения выезжать в дальние регионы в поисках заработка на сезонные работы. Эта же тема, как основная причина неустроенности жизни, звучит в рассказе «Болх» («Работа»).

Главный герой рассказа «Болх» («Работа») – молодой человек, имеющий высшее сельскохозяйственное образование, не может устроиться по специальности на работу. Произведение полностью строится на диалоге. Подробности жизни героя, его проблемы мы узнаем из диалога героя с матерью и из письма любимой девушки. Герой не может жениться по причине бедности. Девушку сватает другой человек, и, возможно, ее выдадут за него замуж, о чем она пишет в письме своему парню.

Помещая персонажей своих рассказов в определенную ситуацию (проблема социально-экономического ряда: безработица, нехватка денег), писатель раскрывает характер героев в соответствии с менталитетом, показывая причины и мотивы поведения героя. В менталитете ингуша – одного из древнейших жителей Кавказа – живы веками сложившиеся непререкаемые ценности, среди которых дом и семья занимают особое место. Автор показывает, как реалии советской жизни приводят к столкновению с менталитетом. И это противоречие не оставляет выбора: герой вынужден поступать «как люди», которые крадут у государства, потому что «в этой стране на одну зарплату не проживешь, не женишься, не построишь дом» [5, с. 45]. Герой этих рассказов – интеллигент, честный человек, который хочет работать по своей специальности, жить на честно заработанные деньги. Али Хашагульгов изображает ингушский мир (с неизменной на этноментальном уровне устремленностью ввысь, вверх) в

¹ Впервые прозаические произведения Хашагульгова были опубликованы в альманахе «Лоаман Гуйре» («Утро гор») лишь в 1989 году, и до сих пор эта публикация остается единственным изданием его прозы.

противоречии с существующими реалиями. Эта устремленность вверх «естественным образом» предопределяет основную онтологическую константу кавказской ментальности, воплощенную в категории «вертикаль». Из всех пространственных координат для горцев она оказывается наиболее важной, смысл которой проецируется и на область быта, морали, культуры, духа» [1, с. 103]. В психологии народа, мыслящего в категории «вертикали», не признававшего внутри своего социума социального неравенства, обыкновение быть со всеми на равных складывалось веками, но в условиях мещанско-потребительской эпохи оно выродилось в уродливую форму. Это стремление быть «как люди», стремление во что бы то ни стало улучшить свое материальное благополучие и тем самым дотянуться до планки благо-

состояния, установленной в обществе, приводит героев Хашагульгова к трагедии.

Рассказы А. Хашагульгова выделяются в ингушской прозе 70-х – начала 80-х годов своей тематикой, способом изображения реальной действительности и способом создания образов. В статье «Национальный поэт» Х. Ш. Точиева дает короткую, но точную и емкую характеристику прозы Али Татриевича Хашагульгова: «Особенно стоит проза Хашагульгова. На первый взгляд, это рассказ-зарисовка, незамысловатая сценка, но внутренняя насыщенность образа, его психологическая емкость разворачивают перед нами целые человеческие драмы, характеры, за которыми чувствуется большая жизненная сила» [4, с. 3].

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Башиева С.К., Геляева А.И., Кучукова З.А. Смыслы и образы времени и пространства в системе этнической идентичности // *Философские науки*. – 2011. – С. 87-107.
  2. Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Евразия – космос кочевника, земледельца и горца. М.: Ин-т Ди-Дик, 1999. 368 с.
  3. Сулименко С. Д. Башни Северного Кавказа. (символизация пространства домостроительном творчестве горцев). Владикавказ: Проект-Пресс, 1997. – 150 с.
  4. Точиева Х. Ш. Национальный поэт // *Сердало*. – 1999. – № 46. – С. 3.
  5. Хашагульгов А. Болх // *Лоаман Гуйре*. – 1989. – № 4. – С. 45.
-

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ТЕРМИНОВ, ВОСХОДЯЩИХ К ГРЕКО-ЛАТИНСКОЙ ТРАДИЦИИ В СОВРЕМЕННОМ НАУЧНОМ СТИЛЕ

Дудургова Э. М., Алиева П. М., Оздоева Э. Г.

Аннотация. В статье рассмотрены греко-латинские заимствования в современном русском языке. Материал исследования выделен методом сплошной выборки из современной лингвистической литературы. Отмечается, что опосредованных заимствований больше, чем прямых. На основе анализа языкового материала сделаны выводы о том, что заимствованные слова приспособляются к системе русского языка, адаптируясь фонетически и грамматически, семантика части заимствованной лексики сузилась, семантика некоторых слов сохранилась, функционируют также термины, объем значения которых намного шире, чем у этимонов. Дискурсивная активность терминов, восходящих к греко-латинской традиции, высока.

Ключевые слова: лингвистическая терминология, заимствования, греко-латинские термины, этимон, термин, лингвистика, семантика.

FEATURES OF THE FUNCTIONING OF TERMS DATING BACK TO THE GREEK-LATIN TRADITION IN THE MODERN SCIENTIFIC STYLE

Dudurgova E. M., Aliyeva P.M., Ozdoeva E. G.

Abstract. The article considers Greek-Latin borrowings in modern Russian. The study material is isolated by the method of continuous sampling from modern linguistic literature. It is noted that there are more indirect borrowings than direct ones. Based on the analysis of language material, conclusions were made that borrowed words adapt to the Russian language system, adapting phonetically and grammatically, the semantics of part of the borrowed vocabulary have narrowed, the semantics of some words have been preserved, and terms also function, the scope of the meaning of which is much wider than that of etymons. Discursive activity of terms dating back to the Greek-Latin tradition is high.

Keywords: linguistic terminology, borrowings, Greek-Latin terms, etymon, term, linguistics, semantics.

В век информационного общества происходит качественное обновление терминологии научного стиля. Одним из путей данного процесса является заимствование из других языков. «В связи с обновлением терминологии включились глубинные процессы по актуализации терминов греко-латинского происхождения» [2, с. 12]. В данной статье авторами предпринята попытка выявления особенностей функционирования лингвистических терминов греко-латинского происхождения, функционирующих в современном русском языке.

«Большая часть терминологии всех наук, в том числе и лингвистики, книжного происхождения и греко-латинского образования» [1, с. 6].

Греко-латинские слова, заимствованные русским языком, можно разделить на две группы: прямые заимствования и опосредованные. В количественном отношении опосредованных заимствований больше. В качестве примера опосредо-

ванного заимствования можно привести термин *лингвистика* [< фр. *linguistique* < лат. *lingua* язык], проникший в русский язык из французского языка. В современном научном стиле данная терминологическая единица функционирует со значением «языковедение, языкознание, наука о языке».

В эту же группу входят термины:

Интерлингвистика, образованный с помощью служебного терминологического элемента *inter-* между и функционирующий со значением «область языкознания, исследующая проблемы, связанные с созданием и функционированием международных искусственных языков»;

Интерлингва – международный вспомогательный язык;

Интеграция [< лат. *integration* восстановление, восполнение] языка – процесс, при котором языковые коллективы начинают пользоваться одним языком, происходит объединение языков и диалектов.

В условиях объединения различных областей знания высокую дискурсивную активность проявляют термины, указанные выше. Например: «*Интересно, что в настоящий момент лингвистика не располагает данными относительно четкого или хотя бы приблизительного разграничения оценки и модальности*» [8, с. 69]. Традиционная лингвистика определила основной фактор перцептивности НП – грамматический, дающий своеобразное стилистическое последствие в виде эффекта «наблюдаемости» предметов и явлений» [5, с. 115]. «*Одно из ведущих тенденций современной отечественной лексикографии – стремление к интегральному (комплексному) описанию лексических единиц, полному представлению в словаре современного русского языка их особенностей*» [3, с. 21].

Корпус терминов, называющих типы письма, тоже пополнился терминами, восходящими к греко-латинской традиции. Терминолексемы данной группы образованы на базе древнегреческого терминологического элемента – *графия*, который занимает постпозицию по отношению другому смысловому терминологическому элементу, обозначающему тип письма. Например, термин *пиктография* произошел от латинского слова *pictus* нарисованный + терминологический элемент, *γράφω* означает «рисуночное письмо; отображение общего содержания сообщения в виде условного знака (пиктограммы) или последовательности таких условных знаков; известна с неолита, часто использовалась индейцами и северными народами». Терминолексемы данной группы являются терминами-композициями, т. е. состоят из двух смысловых терминологических элементов: *идеография* - *δέα* и *γράφω*, *пазиграфия* - *πάς* «всякий» + *γράφω*, *криптография* - *κρυπτός* «тайный, скрытый» и т.д.

Данные термины, функционируя в современном научном стиле, сохраняют семантическую преемственность со своими этимонами.

В современном русском языке активизировались термины, характеризующие родство языков, языковую интеграцию: *генезис*, *этимон*, *тип* и их производные: *генетическая классификация*, *этимологический*, *этимология*, *праязык*, *генетический*, *архетип*, *прототип*, термины с элементом *пра-*: *праформа*, *праязык*; *калька*, *эквивалент*, *транслитерация*, *билингвизм*, *полиглот* и др.

Термин *этимон* [< греч. *ἐτιμον* истина; основное значение слова] – сходное слово, осно-

ва или морфема (чаще всего корень), от которых произошли существующие в современном языке слова.

Производны от термина *этимон* – *этимология*: 1) происхождение слова; 2) раздел лингвистики, изучающий происхождение слов.

Генетическая [< греч. *γένεσις* относящийся к рождению, происхождению] *классификация* – классификация языков, основанная на понятии языкового родства.

Этимон термина *калька*, по мнению Н.М. Шанского, явился латинский глагол *calco* «топчу, мну» (от *calx* «пята») [11]. Как видим, данный термин не унаследовал семантику своего латинского этимона.

Транслитерация [< лат. *trans* - через и *littera* - буква] – передача букв одной письменности посредством букв другой письменности. Транслитерация необходима при написании заимствованных и калькированных слов, при передаче собственных имен: фамилий, названий городов, рек и т.п.

В условиях информационного общества, когда существует глобальная информационная система, и каждый человек может пользоваться нужной ему информацией, и все большее количество людей владеют иностранными языками, актуализировались термины: *билингвизм* [< лат. *bi* дважды + *lingua* язык] – взаимодействие двух или трех языков в одном и том же языковом коллективе, языковом социуме; *полиглот* [< греч. *πολυγλώττος* много + *γλώττος* язык] – человек, владеющий многими языками; *эквивалент* [< лат. *aequus* равный + *valens* (*valentis*) имеющий силу, значение, цену] – единица речи, совпадающая по функции с другой, способная выполнять ту же функцию, что другая единица речи.

Данные термины частотны в современной лингвистике, поскольку они отражают изменения, происходящие в новом научном стиле. Приведем несколько примеров их употребления в лингвистической литературе: «... *терминологические единицы, описывающие происхождение языка и указывающие на язык как на общественное явление: праязык, языковая норма, литературная норма, язык личности, язык племени, язык народности, письменный язык, двуязычие, билингвизм, национальный вариант единого язык ...*» [9, с.56]; «*Нам могут возразить, что глаголы этого типа могут в определенном контексте обозначать ограниченность действия, являясь эквивалентами*

русских совершенных глаголов ограничительного подвида» [10, с. 19]; «Неопределенность и многократность выступают как способ представления процессного значения, как его внутренняя форма, его «этимон» [6, 36]; «... наименования типов языковых единиц и наук, их изучающих: семасиология, семантика, ономасиология, **этимология**, значение слова, образное представление, предметная отнесенность, оттенки значения, единичные понятия...» [9, с. 56].

Таким образом, в процессе заимствования слов русским языком наблюдается целый ряд особенностей: адаптируясь в русском языке, слова греко-латинского происхождения подвергаются фонетическому и грамматическому освоению, переживая семантические изменения. Семанти-

ка некоторых терминов сузилась, большой пласт терминов функционирует в современном русском языке с более широкой семантикой, чем их этимоны, часть терминологии сохранила полностью свою семантику.

В научном стиле современного информационного общества высока дискурсивная активность этих терминов, что обусловлено наметившейся в последнее время тенденцией создания международной терминологии, единых наименований понятий и явлений современной науки. В этих условиях термины греко-латинского происхождения продолжают оставаться незаменимым средством лаконичности и точности передачи информации в научных текстах.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Алиева П.М. Лингвистическая терминология // *Lingua-universum*. – 2006. – № 2. – С. 6.
2. Алиева П.М. Состояние лингвистической терминологии в современном русском языке (2001 – 2011 гг.): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Ставрополь, 2011. – 20 с.
3. Дзугаева Е.Т. Особенности презентации лексики в современной русской лексикографии // *Lingua-universum*. – 2006. – № 2. – С. 21-40.
4. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. – Назрань: Пилигрим, 2010. – 486 с.
5. Иванова Е. Ю. О перцептивности номинативных предложений // *Вопросы языкознания*. – 2004. – № 1. – С. 107-117.
6. Левитская А. А. Аспектуальность в осетинском языке: генетические предпосылки, ареальные связи, типологическое сходство // *Вопросы языкознания*. – 2004. – № 1. – С. 29-40.
7. Маньков А. Е. Происхождение категории рода в индоевропейских языках // *Вопросы языкознания*. – 2004. – № 5. – С. 79-92.
8. Мурясов Р. З., Самигуллина А. С., Федорова А. Л. Опыт анализа оценочного высказывания // *Вопросы языкознания*. – 2004. – № 5. – С. 68-78.
9. Парижева М.А. Определение значений лингвистических терминов // *Lingua-universum*. – 2006. – № 2. – С. 56-58.
10. Рахманкулова И.Э. К вопросу о теории аспектуальности // *Вопросы языкознания*. – 2004. – № 1. – С. 3-28.
11. Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий Этимологический словарь русского языка. Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Просвещение, 1971. – 542 с.

ГАЗДНАЪКЪАН ЭСЕТА «ХАМ БЕ ИРАЗА» ЯХАЧА БАЙТАХ ЛАЪЦА

Муталиева З. М., Ялхароева М. А.

Аннотаци. Газднакъан Эсета дукха я философски чулоацам бола байташ. Царех цаI я «Хам бе ираза» яха байт. Из кепатехай 2022 шера «Наха фу аргда?» ци йолча сборника тIа. Автора яхачох, ираз долаш хилар, хIаране кара да.

Кертгера дешаш: Газднакъан Эсет, философски уйлаш, анафора, эпифора, антитеза, поэтически гIирс.

О СТИХОТВОРЕНИИ ЭСЕТ ГАЗДИЕВОЙ «ЦЕНИ СЧАСТЬЕ»

Муталиева З. М., Ялхароева М. А.

Аннотация. У Газдиевой Эсет немало стихов философского содержания. Стихотворение «Цени счастье», которое мы решили проанализировать, из этого ряда. Оно опубликовано в 2022 году в сборнике «Цени счастье». Автор утверждает, что у каждого человека свое понимание счастья, радоваться жизни и быть счастливым зависит от него самого.

Ключевые слова: Газдиева Эсет, философские мысли, анафора, эпифора, антитеза, поэтические средства.

ABOUT ESET GAZDIEVA'S POEM «APPRECIATE HAPPINESS»

Mutaliev Z. M., Yalharoeva M. A.

Annotation. Gazdieva Eset has many poems of philosophical content. The poem “Appreciate happiness”, which we decided to analyze, is from this series. It was published in 2022 in the collection “Appreciate happiness”. The author claims that each person has his own understanding of happiness, enjoying life and being happy depends on himself.

Keywords: Gazdieva Eset, philosophical thoughts, anaphora, epiphora, antithesis, poetic means.

Ираз фуд аьнна нахага хаьтгача, цар тайп-тайпара жоп лургда. Цъханне са ираз со бусалба хилар да аргда, ды хьалха а оттабаь, шоллагIчо – ший да-нана могош хилар, кхоалагIчо кхыдола масалаш доладергда. ХIана аьлча хIара сага шеший да иразан сурт.

Газднакъан Эсета дика карагIдаьннад ираз фуд гойта «Хам бе ираза» яхача байта тIа. КIоарга философски уйлаш – дунен мах, сага ираз, ший боларах ца йохаш йода ха, шийна Далла денна-чох хоастамбар иштта дIахо а – атта кхеталург-долча дешашца белгалгъяхай автора.

Сийрдача малхо ший йIайхача зIанарашца саг сомаваьккхача, ший тайпара дог гIоздаьле хул саг. ХIаьта еррига сигале маьлха цIело мархIаеллача, BIарг тIера ца боаккхалуш хоза хул Iалам. Цу массадолча хIамай сурт духьальотт, ер биь мугIа Iубийшача:

Корага кхаьчаяле кьаьга Iуйре,
Маьлха сердалца хам бе ираза.
Малх чубузаш кьаьга еча сайре,
Цунга хьежаш хам бе ираза [1, оагI. 5].

Автора, йоазонхочун говзал гучайоаккхаш, пайда ийцаб вIашидухьаларча дешаех (**Iуйре, сайре**), юхааларах (**кьаьга**), шоллагIеи диълагIеи мугIараш чIоагIдара маIан долаш эпифораца чакхдувл (**хам бе ираза**).

Могош хуле, деррига а хургда яхад вай даьша [2, оагI. 260]. Цу кичан маIан тохкаш санна да ер мугIараш:

ДегIа, сина могош – ура вале,
Маьрша волаш хам бе ираза [1, оагI. 5].

УнахцIена волча сага ховргдац могошвоацачунгара хьал, кьаьстта хьал ца гIотташ, меттах гIабаш техача сага хьал. Ер мугIараш Iудийшача

дагадехар гIалгIай литература йоазонхочун
Iалбакнаькъан Джабраьила дешаш:

Бехк ма билла, нана, бехк ма билла.
Беша зиза кхувш мо хьал а кхийна,
Гудар мо висав со тахан алла,
Гонахь доацаш хилар мара дийна
[4, оагI. 37].

Да-нана могош-маьрша долаш, дийна хилча
да-кх ше ма дарра ираз. Цар шоай берашта тела
йIовхал кIеззига-мукьагIа юхаяла хьажа беа де-
зал. Уж укх дуненцара дIакъасталехьа, хам бе
яхаш тIахьехам бу автора:

Да-нана укх дунен чу дахаш дале,
Цох хоастам беш, хам бе ираза
[1, оагI. 5].

ХьалхагIа вай даьша ловца боаккхача хана,
оолаш хиннад-кх, тIехьа отта вошеи, велча елха
йишеи ма эшалда, аьле. ХIаьта дика новкъост
воша санна лоархIаш а хиннав. Уж сага вахаре
лоархIаме хIамаш долга гучадоаккх автора:

ОагIув лаца йиша, воша дале,
Цох воккхий веш хам бе ираза.
Тешам болаш новкъост уллув вале,
Дага воалаш хам бе ираза [1, оагI. 5].

Йиша а воша а доацаш, е тешаме новкъост во-
ацаш, нах ца безаш, цхьаь дуаш дола вахар – ва-
хар дац. Цхьоал – сага тIакхоача эггара вогIадола
хIама да. Нахаца Имерза долаш, барттайна до-
лаш, гонахьарча хозленах хам беш вай дахаргдо-
лаш яздаь да ер дешаш а:

Везар-вовзар хьайна гарга вале,
Хье цхьаь воацаш хам бе ираза.
Дунен хозле бIаргашта хоалуш вале
Дегаца, сица, хам бе ираза [1, оагI. 5].

ГIалгIачунга сенах доаккхал ду Iа хьаттача,
оал-кх: «Бусалба волаш, гIалгIа ше хиларах». Из
керттера долга белгалдоаккх автора укх мугIараш
тIа:

Бусалба волаш Дала кхелла вале,
Цох хоастам беш, хам бе ираза.
Лаьтта ваха кхел хьа хиннаяле,
Доккха хеташ, хам бе ираза [1, оагI. 5].

ХIара саг ираз долаш ва. Дала саг кхелла-
вац ираз доацаш. Цхьаволчунна цун хам бе хов,
цхьавар из ца зувш дилла кадаш хул. «Хозал ца
ехаш, ираз деха», – яхад вай даьша. Ираз селла
вай вахаре лоархIаме децаре, автора ший байта
тIа кхойтгаза белгалдаь хургдацар из. Цул совгIа,
тIехьа тIабоагIа строфа цу дешаца болалу.

Ираз долча хана, хам ца хайнар,
Цунах ваьлча, дукха велхаргва.
Ираз долча хана цун хам хайнар
Цох ваьлча а, гIоза хьежаргва [1, оагI. 5].

Лексически анафорах, эпифорах, антитезах
пайда эцаш, яздаьд ер мугIараш автора.

Шийна тIехьа дика доацаш дагIац во. ХIаьта
бала ца Iайшачоа ираз фуд хайнадац. Цун хам
беш даха декхарийла да вай. Цудухьа йоах авто-
ра:

Ираз массаза хургда ший хам ховча,
Кхоачам беча, ховча бе ший мах.
Шийна Дала денначун хоастам болча,
ГIоза хьерчаш хьестаргда дегах
[1, оагI. 6].

Еррига байт ворхI бIоагIах латт. ХIара бIоагIа
– биь мугIарах. Хьалхарча пхе бIоагIан шоллагIеи
диьлагIеи мугIараш эпифораца чакхдоал. Автора
из исбахьален говзал тохар маIан хилийта юкье
йихьай. Рифма перекрестни я. Шин оттама хорей
яхача боарамах латт.

Ер байт йийшача, укх уйла тIа воал: хьо ира-
зага кхача гIерте, Iа цун хам бой, ираз хьога а
кхача гIертаргда. Даим диканга сатувсаш, вайна
Дала денначох хоастам беш, хам беш даха деза
вай. Вай дегIацара са кьоастача хана мара ма кьа-
сталда вайцара ираз!

ЛИТЕРАТУРЕИ ИСТОЧНИКАШИ

1. ГIазднаькъан Эсет. Наха фу аргда? – М.: Деловой экспресс, 2022. – 72 с.
2. Дахкильгов И.А. Антология ингушского фольклора. Т.10. – Нальчик, 2012. – 373 с.
3. Хализев В.Е. Теория литературы: Учебник для вузов. – М.: Высш. школа, 1999. – 400 с.
4. Iалбакнаькъан Джабраьил. Лоамашкара мух: Байташ. – Грозный, Нохч-гIалгIай книжни из-
дательство, 1985. – 64 с.

ФОЛЬКЛОРНЫЕ МОТИВЫ В ПОЭЗИИ М.-С. ПЛИЕВА

Сагова М. Ю.

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию особенностей фольклорных мотивов в поэзии М.-С. Плиева. Рассматривается тождественность героев устного народного творчества с образами лирических героев автора. В статье анализируются художественные произведения различных поэтических жанров, в том числе стихотворения и роман в стихах.

Ключевые слова: М.-С. Плиев, риторический вопрос, аллитерация, инверсия, лирический герой, метафора, эпитет, фольклор.

FOLKLORE MOTIFS IN THE POETRY OF M.-S. PLIEV

Sagova M. Yu.

Annotation. This article is devoted to the study of the features of folklore motifs in the poetry of M.-S. Pliev. The identity of the heroes of oral folk art with the images of the lyrical heroes of the author is considered. The article analyzes works of art of various poetic genres, including poems and a novel in verse.

Key words: M.-S. Pliev, rhetorical question, alliteration, inversion, lyrical hero, metaphor, epithet, folklore.

Огромный след в памяти ингушского народа оставили 40-60 гг. XX века. Как мы знаем, 23 февраля 1944г. ингуши были сосланы в Сибирь и Северный Казахстан. А для писательской организации, которая в тот период только обрела собственную письменность и получила возможность публиковаться на родном языке, это стало равносильно гибели. Тем не менее, спустя 13 лет, благодаря усердию многих мастеров слова, язык и литература приобрели новую силу и возможности – тяжелая страница истории послужила фундаментом для создания произведений на основе фольклорных жанров.

Одним из первых, кто обратился к теме депортации, был Магомед-Саид Плиев, который в день ссылки учился только в 7 классе. Таким образом, юношеские и молодые годы будущего писателя прошли в дебрях Сибири.

В романе «Балан ди» («День скорби»), как и во многих других произведениях, автор с глубокой болью пишет об утратах и гибели своих соотечественников. Языком певучим и сочным он воспел героизм и мужество предков, и точно, без преувеличения, отразил события, которые происходили в тот период по дороге в Сибирь и на чужбине (13 лет). Также автором «рассматривается тема возвращения ингушей из ссылки на Родину» [4, с. 44].

В романе присутствуют фольклорные образы, которые «...являются чрезвычайно интерес-

ными и сложными...» [6, с. 172], образы абреков, мудрых старцев, хрупких девушек и т.д. Но на протяжении всего романа читателя держат в напряжении внутренние переживания лирического героя, который кипит от злости, не имея возможности повлиять на текущие события:

**Ер-м, Даъла, вахар дацар,
Чир леха низ беце...
Уйлаш ю аз, чура вувлаш
Сай дорхалло вестош
ТIател моцал, сина къувлаш,
Вожаве со лесташ.
Сай даъх-наънах хъувз со къаъста,
Велх уж дагабехе.
Дог леш, массе ногIар даъста,
Пхъанех овраш техе...**

Господи, эта не жизнь,
Если нет силы добиться правосудия.
Всё думаю, не нахожу себе места,
От злости внутри закипая,
Подбирается голод, терзая душу,
Меня сломать пытаюсь.
В разлуке с родителями мне тесно,
Вспоминая их, я плачу.
Сердце рыдает, открыв мои раны,
Вены свернув все в узел.

(Здесь и далее подстрочный перевод Саговой М.Ю.)

Боль от переживаемого лирическим героем ужаса настолько велика, что читатель тоже её чувствует, к сожалению, перевод текста не даёт раскрыть полную гамму чувств, которые писатель изобразил в романе. Особенности строения предложений, своеобразные речевые обороты, которые не подлежат доскопальному переводу, делают язык романа «Балан ди» («День скорби») уникальным. Для усиления впечатлений и создания более ярких образов писатель обращается к устному народному творчеству.

Депортированный народ чувствовал себя преданным, обманутым, идеология советской власти начала вызывать сомнения. В такой сложной ситуации усилилась связь с традициями, адатами, фольклором. Девушки по вечерам тихо играли на гармошке старинные лирические песни. На похоронах молодые люди зачитывали ритуальные песни (назамаш), старые женщины возвращались к причитаниям и плачам.

Это все нашло отражение в романе «День скорби» М.-С. Плиева. Через элементы фольклора автор смог воссоздать черные картины депортации и последующих тяжелых годах ссылки.

«Наставляя себя, автор через свою философскую лирику наставляет весь народ, обнаруживает задачи, которые стоят перед современником» (Перевод – Сагова М.Ю.) [3, с. 546].

М.-С. Плиев эпиграфом к роману в стихах «День скорби» взял слова:

**Даьй- мехках хьогаш,
Делхадеш г1ийла синош,
Моцал 1олегаш,
Гулдеш дезалий кьинош
Ма дезалда шун
Наьха лаьтга даха!
Ма дезалда шун
Наьха лаьтга аха!** [7, с. 3].

Скучая по землям отцов,
Заставляя плакать бедные души,
Теряя сознание от голода,
Собирая грехи своих детей,
Пусть не придется вам
На чужой земле жить!
Пусть не придется вам
Чужую землю пахать!

В этих строках посредством фольклорных приемов, таких как гипербола, метафоры, повторы автор показывает, что композиция романа по-

строена вокруг самого тяжелого дня скорби всего народа. Роман стал энциклопедией определенного периода жизни ингушей. А фольклорное начало в романе «отмечается в типизации характеров, образов горцев» [7, с. 452].

Написанный легким поэтическим языком, где каждая из 13 тысяч строк отражает тяжелую действительность, роман является не только классикой художественной литературы, но и служит источником исследования для историков, политологов и литераторов.

М.-С. Плиев умел тонко подмечать детали, воссоздавать в произведениях быт и уклад жизни своего времени. Он был поэтом, драматургом, писателем. Но, в первую очередь, автор всегда оставался человеком. Верный своим высоким принципам, он всегда призывал в своих произведениях к правде, чистоте, верности. Примером служит стихотворение «Хадаргда вахар» («Оборвется жизнь»).

Тема стихотворения – тема жизни и смерти и бытия. Идея – показать читателю внутренний мир лирического героя, его идеалы, стремление к правильной жизни. Стихотворение лирическое, философского содержания. Как таковой сюжет отсутствует, однако, мы сможем вообразить лирического героя наедине с природой. Поэт призывает к тому, чтобы прожить жизнь честно. Жизненный путь у него ассоциируется со вспаханным полем: «**кхензар-кх ший кха д1ааха**» («не успел только поле свое вспахать») – такое сравнение взято из устного народного творчества. Почти все жанры ингушского фольклора содержат в себе элементы описания жизни и быта горцев, опирающиеся на приверженности к родной земле, корням. Так автор пишет:

**Са зиза г1оргда
Цхьа ц1аьхха маьлхара
Овла-м бусаргба баха...** [8, с. 65].

И поблекнет внезапно
Мой цветок
Корень останется жить...

Посредством образного выражения, метафоры автор передает свою главную мысль, что он «пустил» достаточно крепкие корни, и потомки будут жить по его «кодексу».

Стихотворение изобилует стилистическими формами, литературными тропами, свойственными фольклору, например:

сравнение – «Седкъа бовш санна / хадарг-да вахар» («Как сгорает звезда / оборвется и жизнь»);

эпитеты – «...Безама мерза мутташ..» («Любви сладкие соки»); «беркате кха» («благодатное поле»);

олицетворение – «Овла-м бусаргба баха..» («Корень останется жить...»).

Также в стихотворении используются стилистические фигуры: инверсия, обращение, поэтическая фонетика-аллитерация (часто повторяются звуки «х», «хь», «т», «р»). Поэт «...находит в природе красоту и привносит ее в свою поэзию, чтобы радовать нас, своих читателей» [1, с. 428], используя народные пословицы и благопожелания. Таким образом, с помощью изобразительных средств автор добился желаемого результата и довел свою работу до совершенства.

Хотя творчество М.-С. Плиева пронизано драматизмом, иногда даже трагизмом и обреченностью, его перу не были чужды и произведения сатирического содержания.

Одним из таких произведений можно считать стихотворение «Ба цхъаькхаш» («Есть еще», или «Есть другие»):

**Ба цхъаькхаш
Кийнаш мел техкараш
Къонахий баларе,
Корталеш техкараш
Истий а баларе,
Ма атта хургдар
Дунен чу ваха.
Корталеш доагIачар
Кийнаш а техкаю,
Кийнаш йоагIачар
Корталеш техкаду.
Е из а, е вож а
Ца доагIаш ба цхъаькхаш,
Цар дукхагI а йоаю
Хала етта маькхаш [8, с. 98].**

Если бы все кто носит папахи,
Были бы мужчинами,
Если бы все кто носит платки,
Были бы женщинами,
Как было бы легко
Жить на земле.
Но носят папахи те,
Кто должны быть в платках,
А те, кто должны быть в платках,

Носят папахи.

А есть и те, кто не заслужили

Носить ни то, ни другое.

И они больше всего съедают (или тратят)

С трудом выпеченные хлеба.

Стихотворение относится к гражданско-философской лирике, а «...как известно, философская лирика не зря считается самой сложной из поэтических жанров» [5, с. 445]. Тема – человеческое предназначение, лицемерие, подлость. Автор высмеивает человеческие пороки, хлесткий сарказм подчеркивает «несуразность» ношения головных уборов, которые на Кавказе всегда чтились и служили примером определения ранга человека. Тут автор снова обращается к истокам фольклора. В устном народном творчестве платок служил символом чистоты женщин, символом мира, а папаха – символом мудрости и мужественности.

Лирическому герою неприятно, что «недостойные» люди носят головные уборы неподобающим образом, но больше всего он акцентирует внимание на тех, кто не заслуженно пользуется народным добром:

**...Цар дукхагI а йоаю
Хала етта маькхаш.**

...И они больше всего съедают (тратят)
С трудом выпеченные хлеба.

Невозможно не обратить внимание на то, что стихотворение перекликается со стихотворением В. Маяковского «Есть люди как люди». Но у М.-С. Плиева образы более мягкие, его сатира более «щадящая», отсутствует жесткая цензурная лексика. Плиев больше призывает народ вести правильный образ жизни, чтить наследие предков. Сходство с фольклорными жанрами можно обнаружить в своеобразном построении и рифмовке стихотворения, концовки повторяются как в лиро-эпических жанрах или мало-эпических жанрах. Обращение, риторический вопрос также подчеркивают эту тождественность.

Художественно-изобразительных средств в стихотворении немного, например, метафора «хала етта маькхаш» («с трудом выпеченные хлеба»). Автор больше использует фонетические средства, чтобы сделать акцент в нужном месте – это аллитерации, инверсии и т.д.

Поэзия М.-С. Плиева, «...пронизанная символической обобщенностью художественных

образов, передает ощущение встречи с древним величественным и простодушным фольклором, с его непреходящими духовными ценностями и отношением к родной земле» [2, с. 287]. Его творчество многогранно и обширно, но даже если бы все оно состояло из одного романа «День скор-

би», автора можно было назвать истинным народным писателем. Исследуя роман «Балан ди» («День скорби») и другие его произведения, мы обнаружили глубокий смысл, высокое литературное мастерство и остроту мыслей непревзойденного мастера слова.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Албакова М.М. Тема Родины и природы в лирике Гирихана Гагиева // Мир науки, культуры, образования – Горно-Алтайск, 2023. – № 1. – С. 426-428.
  2. Ахмедова Р.А., Евлоева А.М. История сталинской депортации и тема малой родины в ингушской поэзии // Материалы 4-й Международной научно-практической конференции «Союз Советских Социалистических Республик как историко-культурный феномен: национально-государственное строительство», посвященной 100-летию образования СССР. – М., 2022. – С. 283-289.
  3. Дахкильгов И.А. Боль и гордость моя – родная Ингушетия. – Нальчик: Эль-Фа, 2007. – 576 с.
  4. Евлоева А.М., Картоева З.М. Тема возвращения ингушей из ссылки на Родину в творчестве М.-С. Плиева // Вестник ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева. – Магас, 2022. – №1. – С. 44-47.
  5. Костоев А.У. Ореховое дерево. – М.: Медиа-ПРЕСС, 2007. – 512 с.
  6. Матиев М.А. Курюко как трикстер и культурный герой // Материалы Международной научно-практической конференции «Джемалдин Яндиев: классик и современник». – Магас, 2016. – С. 171-178.
  7. Плиев М.-С. А. День скорби: Роман-хроника. – Грозный: Книга, 1991. – 304 с.
  8. Плиев М.-С. А. Паргам. Стихотворенеша поэмаши. – Грозный: Нохч-ГалгIай книжни издательство, 1979. – 245 с.
-

К ВОПРОСУ ИСТОРИИ КАВКАЗСКО-СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВЫХ АНАЛОГИЙ (на примере русско-ингушских лексических параллелей)

Сагов Р. З., Евлоева Л. М., Кулбужева Т. А.

Аннотация. В настоящей статье предпринята попытка рассмотреть исторические контакты северокавказских и восточнославянских языков. Отмечается, что свидетельством подобных связей могут служить схожие лексемы в ингушском и русском языках. Авторами проводится аналогия ингушских слов с русскими, украинскими, белорусскими, в частности, сопоставление личных имен, названий местностей и рек. Делается вывод о том, что термины, касающиеся различных сфер и имеющие общее значение, не могут быть случайными. Предполагается, что это наследие этнокультурных связей народов Кавказа и Восточной Европы, которые географически соприкасались.

Ключевые слова: термины, лексемы, ингушский язык, русский язык, восточнославянские языки, Северный Кавказ, Восточная Европа.

ON THE HISTORY OF CAUCASIAN-SLAVIC LINGUISTIC ANALOGIES (on the example of russian-ingush lexical parallels)

Sagov R. Z., Evloeva L. M., Kulbuzheva T. A.

Annotation. This article attempts to consider the historical contacts of the North Caucasian and East Slavic languages. It is noted that similar lexemes in the Ingush and Russian languages can serve as evidence of such connections. The authors draw an analogy of Ingush words with Russian, Ukrainian, Belarusian, in particular, a comparison of personal names, names of localities and rivers. It is concluded that the terms relating to various spheres and having a common meaning cannot be random. It is assumed that this is the legacy of the ethnocultural ties of the peoples of the Caucasus and Eastern Europe, which geographically touched.

Keywords: terms, lexemes, Ingush language, Russian language, East Slavic languages, North Caucasus, Eastern Europe.

Письменные памятники многих народов Северного Кавказа не сохранились, поэтому исследование тем, посвященных языковым контактам народов, относящихся к разным языковым семьям, вызывает определенные трудности. Тем не менее есть данные, позволяющие говорить о возможных языковых связях народов Северного Кавказа, в том числе и ингушей, с восточнославянскими народами.

Сравнение лексем современных языков – ингушского и русского – позволяет сделать любопытные наблюдения, касающиеся не только общетеоретических проблем, но и представляющие интерес с точки зрения культурно-исторических контактов. В сравниваемых языках наблюдаются определённые параллели, не только лексические, но и в области грамматики. Как представляется, эти сходства – не результат последних десятилетий и даже столетий, а более отдаленного времени.

Вместе с тем возникает вопрос, насколько правомерно проводить сравнительный анализ

языков, относящихся как типологически, так и грамматически к разным этнокультурным и языковым семьям: ингушский язык относится, как известно, к нахской группе кавказской языковой семьи, русский и украинский – к славянской группе индоевропейской семьи.

На протяжении всей истории человечества разные народы в той или иной степени взаимодействовали друг с другом, оказывая влияние на культуру, быт, язык друг друга. Особенно сильно подобные заимствования наблюдаются в пограничных районах проживания людей разных национальностей, носителей разных языков, к которым можно отнести северокавказские и славянские народы. Как правило, вследствие достаточно длительных и интенсивных контактов как родственных, так и неродственных народов, могут возникнуть различные языковые феномены, такие, как возникновение общих структурных свойств. Это может происходить в процессе равномерного взаимодействия двух языков

между собой, взаимодействия «пришлого» языка с местным или влияния одного из них на другой, т.е. в результате контакта «пришлого» языка с субстратным. Лингвисты в подобном случае говорят о конвергенции языков, где происходят заимствования, взаимопроникновения определенных лексем, морфем, фонем и т.д. Поэтому считается, что в основном влияние языков друг на друга проявляется заимствованиями не только лексических, но и словообразовательных единиц и т.п. Иногда заимствования настолько «укореняются» в языке, в том числе подвергаясь языковой деформации, что со временем заимствованные слова воспринимаются как «родные».

Влияние языка растёт по мере того, как увеличивается роль его носителей в политической и экономической сферах. Это характерно для многих языков: английского, арабского, китайского, немецкого и др., в том числе и русского. Эти языки «пережили периоды широкого распространения, и в результате этого укрепилось их влияние в целом. Кроме того, они оказали большое влияние (от многочисленных заимствований до полного вытеснения) на языки тех территорий, куда они проникали. Имело место и обратное влияние (в основном, лексические заимствования для описания предметов импорта, экзотических обычаев, географические наименования и т. д.)» [12].

Вместе с тем здесь может показаться, что существующие языковые параллели, например, в ингушском и русском, это проникновения из русского языка в ингушский. Но процесс языковых контактов, о которых идет речь, скорее происходил в очень далекие времена. Поэтому нельзя их рассматривать как результат влияния русского языка, как преобладающего в последние века. Как отмечают некоторые ученые, ингушский язык – один из древнейших субстратных языков особой кавказской языковой семьи [4, с. 202]. Следовательно, ингушский язык, как один из древнейших, возможно, в прошлом играл более значительную роль, чем сегодня.

Взаимопроникновение лексем, морфем, фонем и т.д., встречающихся в кавказских и индоевропейских языках, скорее произошло в очень давние времена. Можно предположить, что происходили эти заимствования преимущественно из кавказских языков в индоевропейские языки, в том числе и славянские. К такому выводу приводят утверждения исследователей, считающих, что «в ряде древних индоевропейских языков вы-

деляется субстрат неизвестного происхождения, позволяющий предположить о наличии в Европе в дописьменную эпоху доиндоевропейских языков» [12]. Поэтому считаем возможным обратить внимание на некоторые имеющиеся аналогии в ингушском и русском языках, как на одну из реальных этноязыковых составляющих культурно-исторических связей. В ингушском языке, как и в любом другом, хранится информация об этнической истории, об этнокультурных и языковых контактах ингушей с народами различных регионов [6, с. 28].

Чаще всего элементы субстратного языка (или отдельные элементы старого языка) сохраняются в определенном пласте лексики, чаще в топонимике и гидронимике. Так, в некоторых областях России, Украины, Беларуси есть топонимы, которые перекликаются с названиями мест в Ингушетии, например, топонимы с окончаниями на «ийст // ист // исте» и «ишт» как форма образования лексемы. Сюда относятся названия местностей: «Брест» (Бересты) в Беларуси, «Алхасте», «Ангушт», «ГПалмисте», «Мергисте» (Мергист), «Духьаргишт», «Наькъасте», «Къасте» и др. в Ингушетии. Встречаются топонимы с аналогичными суффиксами в других местах Кавказа: «Маиста» в Сванетии, «Гумиста» в Абхазии, «Малхиста» и «Маиста» на западе современной Чеченской республики, «Мацеста» и «Хоста» на юго-западе современного Краснодарского края. Возможно, в прошлом схожих топонимов или гидронимов было больше, но со временем их стало меньше вследствие того, что, например, как отмечают некоторые авторы «многие топонимы (в зоне расселения восточнославянских этносов – С.Р.) утратили первоначальную фонетику» [1, с. 48].

Известно, что река Урал в древности называлась «Гехи», наименование которой созвучно с гидронимами в Ингушетии: «Армхи», «Гулойхи», «Чулахи», «Оахкархи» и др., а также названия рек Сож и Судж в России с названием реки Шолж в Ингушетии, с адыгским Шадже и др. Интересно, что в Европе сохранились названия рек, а именно «в «северо-западном блоке» на нижнем Рейне (ареал гидронимов на *-ara-*, некельтских и негерманских)» [10, с. 5], которые перекликаются с ингушскими гидронимами, где тоже присутствуют формант *-ara-*, например: Наьсар(хий), Яндар(хий), Фарт [Фартан], Арамхи, Оахкархи, БугIара-аьли и т.д.

Перечень топонимов и гидронимов можно было бы продолжить. Однако внимания заслуживают созвучные термины и названия в кавказских и славянских языках, в том числе и в ингушском, которые перекликаются друг с другом.

Существует целый ряд лексем, позволяющих утверждать о давних этноязыковых связях ингушского языка со славянскими языками Восточной Европы. Это слова-топонимы, бытовые термины, названия цветов и т.п., из наиболее раннего пласта: аз – аз (я), старослав. *orstь* (дерево, рост) – оарц (горный хребет, покрытый лесом); старослав. *verta* (толстая грубая ткань, род ковра) – ферта (войлок, бурка); старослав. *brdo* (гора, холм) – берд (обрыв, берег); старосл. *курь* (дым) – кIур; старослав. *vortь* (шея) – фоарт; старослав. *кужьель* (пряжа, шерсть, волосы) – кIуж (чуб, челка), кIузелг (локон); старослав. *скудьль* (глиняный сосуд) – кIудал (кувшин); старослав. *гачи* (брюки, штаны) – хачи; старослав. *кочь, коць* (княжеская одежда, модное верхнее платье) – коч (платье, рубаха); день – ди и др.

Есть разнохарактерные лексемы, обозначающие цвет, в ингушском языке, с одной стороны, в русском и украинском, с другой: синий – сийна, серый – сира, алый (цвет пламени) – ала (пламя), бордовый – мора и т.д.; названия животных: барсук – борцакх, медведь /бурый медведь (вероятно, отсюда и берлога – жилище медведя) – бора; коза – газа и др.; социальные термины: баба (бабушка) – баба (жера-баба), дед (дедушка) – дада//дади//даь-да, зоркий – зовра (видящий, от слова «зе»-«видеть // замечать»), широкий – шера, могучий (могущественный) – могоаш; лодырь – ладара (слабый, беспомощный); хилый – гIийла и т.д.; термины неодушевленных предметов: чугуи – чоиа; мед – модз; кадка (миска) – кад; салазки – соалоз; голень (колени) – гола, ног(а) – ког, украинск. бандура – пандар (струнный музыкальный инструмент – гармонь), божий хлебец – божолг; бытовые термины: стегать (шить) – тега и др. Как видно эти лексемы очень часто имеют одинаковое звучание и значение.

Аналогичны в ингушском и русском языках и некоторые словообразовательные способы. Словообразование происходит с помощью добавления уменьшительно-ласкательного суффикса «илг» / «елг» в ингушском языке или «ечко» - в русском. Например, образование или изменения слов «бакъа» (жеребец) – «бакъилг» (жеребенок), «йоI» – «йиIилг» (девушка, девочка); «кIури –

кIориг» (цыпленок) в ингушском языке; «дева» – «девочка» и др. в русском языке. Лингвистические сходства в указанных языках имеют место и такие выражения, когда ингуши вопросительно говорят: «Иштта хила йиш йий-те?» – «Такое возможно?» Имеется аналогичное выражение и в русском языке, например, когда говорят: а дело-то наладилось; или: а дело-то молодое; или: на козе-то не поедешь и т.п. Л.П. Семенов писал, что народная словесность ингушей разнообразна и роднит ее как с поэзией народов Кавказа, так и с народами других регионов, в том числе и русского народа [8, с. 10].

Этноязыковые связи кавказских и славянских народов не ограничиваются наличием схожих лексем в языках. Об этнокультурных контактах ингушей и восточных славян, в частности, украинцев, свидетельствуют также и общие образы, мотивы в фольклорах этих народов.

В связи с этим привлекают внимание образы в ингушском и украинском фольклоре, например, однотипный характер образа «Вий» в произведениях Н.В. Гоголя и в ингушском проклятии «вий ГIойла». В обоих случаях под «вий» скрывается смертоносная угроза. Также обращает внимание в произведении «Вий» и то, что защита от «Вий» возможна начертанием магического круга, куда Вий, как вообще злые духи, не может проникнуть, т.е. не может перейти линию круга. То же самое значение имеет круг и в ингушском мифе о Курюко (Куркъа) – ингушском Прометее.

В ингушском мифе о Курюко говорится: «Разгневанный Села железными цепями приковал Курюко к горной скале (согласно некоторым поверьям, к вершине Казбека), и ежедневно по его приказанию прилетает орел, чтобы клевать сердце Курюко. Стеречь прикованного героя Села повелел своей жене Фурки. Она очертила на снежном конусе вершины горы магический круг, через который не осмеливается перешагнуть ни один смертный из страха быть сброшенным ею в пропасть» [7, с. 30].

О сходстве культурных традиций ингушей и славян говорил в свое время и профессор Д.Д. Мальсагов. «Аналогия между ингушским обычаем в середине XIX в. в дни народного горя (опасности) призывать население к бою, отпору врагу, имея в руках огонь, почитавшийся священным, и подобным же обычаем XII в. Юго-Восточной Руси, мне кажется, напрашивается сама собой» [3, с. 155].

Все это свидетельствует о том, что у народов Северного Кавказа с давних пор существовали культурные, торговые, политические и иные связи с разными народами, в том числе и со славянами. Подтверждением этому служат не только термины, о которых мы говорили выше, но наряду с ними и имена. Например, об этнокультурных контактах ингушей с древней Русью свидетельствуют личные мужские имена ингушей из числа старинных, как ингушское имя «Ольг», эпоним старинной ингушской фамилии «Олигов». Это имя в форме «Олег» встречается у русских и вообще у восточных славян. Считается, что это имя наряду с некоторыми другими именами скандинавского происхождения. Такие имена, как, например, Рюрик (Hroekr), Олег (Helgi «святой»), Игорь (Ingvar «молодой»), Глеб (Gudleifr, эквивалент нем. Gottleb), Роговолод (Rag(n)valdr)», по мнению некоторых исследователей, проникли к славянам от викингов [11, с. 11].

Может быть, эти имена действительно заимствованы у скандинавов. Но относительно имени Олег у нас возникают сомнения, и наши сомнения усиливаются в связи с изначальной особенностью произношения этого имени. Г.В. Вернадский говорит, что это имя первоначально производилось, как **Ольг** [2, с. 62]. В древнерусском песенном эпическом произведении – в былинне «Вольга» упоминается имя Волх-Вольга. Исследователи считают, что это имя «восходит к Ольг, Олег, Ольга – именам первых русских князей». «В «Именослове» М. Морошкина приведены как равнозначные варианты: Ольг, Олег, Олех (Морошкин 1867, 142 (2-я паг.), Ольга, Ольга (Там же, 143 (2-я паг.))» [9, с. 16]. Здесь мы видим, что данное имя в русском языке изначальное звучит так же, как и в ингушском «Ольг», а не так, как произносится это имя в настоящее время. Кроме того, термин «ольг» в ингушском языке имеет и другое значение – «круглая лепешка» (тонкий хлеб из пшеничной муки).

У ингушей наряду с собственным мужским именем Ольг существует целый ряд имен с однотипными окончаниями на «ольг» // альг» // «арг», например: *Бийдоьг, Гюльг, Муцольг, Багальг, Вадальг, Дальг, Нальг, Сиргильг, Хьо-*

ашальг, ПхьаргIальг, Сурульг, Эрсельг, Аббарьг, Ювларьг, Iахарьг, СийнабIарьг, Фаьрг и т.д. Соответственно, фамилии, происходящие от этих личных имен: *Эрсельгнаькъан* «Арсельгов», *Iахаргнаькъан* «Ахильгов», *Ольгнаькъан* «Олигов», *Вадальгнаькъан* «Вадельгов», *Муцольгнаькъан* «Муцольгов», *Нальгнаькъан* «Нальгиев», *Фаьргнаькъан* «Фаргиев», *Хьоашальгнаькъан* «Хашагульгов» и др. Кстати, имя *Эрсельг* означает «русский» от ингушского *эрсий* // *оарсий* «русский», только «эрсельг» имеет уменьшительно-ласкательное значение.

В свою очередь встречаются в ингушской ономастике и славянские имена, как *БагIдан* – «Богдан», *Ладимир* – «Владимир» (вероятно, от имени Владимир), *Андро* – «Андрей» и др.

А.С. Куркиев, говоря об ингушской ономастике, пишет, что «разнообразный состав личных (а иногда и фамильных) ингушских имён по языку-источнику обусловлен культурно-историческими контактами, взаимопроникновением ономастических систем многоязычного Кавказа» [5, с. 192]. Здесь следует расширить зону контактов взаимопроникновением ономастических систем, добавив сюда и Восточную Европу.

Разумеется, в каждом случае могут быть свои особенности. Это естественно, тем более там, где речь идет о взаимопроникновении лексем, морфем, фонем и т.п., там, где говорится о языковых контактах. Скорее всего, все языки имеют в своем составе не только родные слова, но и заимствованные. Все современные языки – продукт разнохарактерных исторических этноязыковых процессов.

Подводя итог, можно отметить, что приведенные примеры не просто результат языковых контактов, приграничных культурно-исторических общностей. Возможно, исторические связи между кавказскими и славянскими народами, имеют определенную этнокультурную основу. По крайней мере, здесь наблюдается очевидная закономерность, не только лексических параллелей, но как мы видим, здесь наблюдаются и схожие черты некоторых традиций. Все это не может рассматриваться как простая случайность.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Богданов В.В. Этническая и эволюционная предыстория Руси. Оорсы, ооссы, кимеры, хоры. – М.: Самообразование, 2000. – 96 с.

2. Вернадский Г.В. Начертание русской истории. – М.: Айрис-пресс, 2002. – 358 с.
  3. Дошлуко Дохович Мальсагов: день за днем. Из эпистолярного наследия. – СПб.: МАЭ РАН, 2018. – 208 с.
  4. Крупнов Е.И. Средневековая Ингушетия. – М.: Наука, 1971. – 207 с.
  5. Куркиев А.С. Основные вопросы лексикологии ингушского языка. Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во, 1979. – 300 с.
  6. Оздоева Ф.Г. Язык как основа духовной жизни народа // Материалы республиканской научно-практической конференции. – Назрань, 1997.
  7. Светлов В. Семь сыновей выюги. Ингуш. предание. – СПб.: Н. Морев, 1903. – 31 с.
  8. Семенов Л.П. Ингушская и чеченская народная словесность. – Владикавказ: Ингушский научно-исслед. ин-т краеведения, 1929. – 30 с.
  9. Смолицкий В.Г. Вольга и Микула: две эпохи – два мировоззрения // Традиционная культура. – 2007. – № 1 (17). – С. 14-22.
  10. Трубачев О.Н. Языкознание и этногенез славян. Древние славяне по данным этимологии и ономастики (окончание) // Вопросы языкознания. – М., 1982. – № 5. – С. 3-17.
  11. Унбегаун Б.О. Русские фамилии. – М.: Прогресс, 1989. – 443 С.
  12. Языковые контакты. URL. <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 21.03.2023).
-
-
-

СЛОВАРИ

«ГІАЛГІАЙ МЕТТА ДАШХАРА ДОШЛОРГ» ОТТАДЕШ БАЪЧА БАЛХАЦАРА МАТЕРИАЛАШ

Костоева Ф. М.

Аннотаци. Статъя тІа гойт ГІалГІай Іилман-тохкама института болхлоша (Кийнаькъан З., Къоас-той Ф., Хайренаькъан Р.) «ГІалГІай метта дашхара дошлорг» оттадеш баъча балхацара материалах дола дакъа. Тахкара объект – ГІалГІай метта «М» яхача алапаца йолалуш йола лексемаш. Балха да-галоацам – дошлорг оттадеш, лексикографически белхо дІадехача тайпара дешах бола хоам балар: маІанаш дашхар, дукха маІанаш долча дешаех бола кхетам дІачІоагІбар, грамматически а стилистиче-ски а белгалонаш гойтар, маІанаш кхетадайташ дола масалаш далар. Дешай статьяшка йооалаьй маІан кхетадайташ долча дешашца ювзаенна ГІалГІай метта яьржа лелаеш йола фразеологически единицаш.

Кертгера дешаш: ГІалГІай мотт, дошлорг, дашхар, дожар, таьрахь, фразеологически единицаш.

МАТЕРИАЛЫ ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ ПО СОСТАВЛЕНИЮ «ТОЛКОВОГО СЛОВАРЯ ИНГУШСКОГО ЯЗЫКА»

Костоева Ф.М.

Аннотация. В статье представлена часть работы, проведенной сотрудниками Ингушского научно-исследовательского института» (З.Х. Киевой, Ф.М. Костоевой, Р.Р. Хайровой) по составлению «Толкового словаря ингушского языка». Объект изучения – лексемы ингушского языка на букву «М». Цель исследования – дать информацию об интерпретируемых словах согласно требованиям, предъявляемым к лексикографическим работам такого рода: толкование значений слов, обобщение характеристик многозначных слов, предоставление сведений о сочетаемости слова, комментирование грамматических и семантических признаков, использование иллюстративного материала, поясняющего семантику слов. В словарных статьях даются наиболее употребительные фразеологические единицы ингушского языка, связанные с заглавным словом.

Ключевые слова: ингушский язык, толкование значений, толковый словарь, падеж, число, фразеологические единицы.

MATERIALS FROM THE EXPERIENCE OF COMPILING THE «EXPLANATORY DICTIONARY OF THE INGUSH LANGUAGE»

Kostoeva F.M.

Annotation. The article presents part of the work carried out by the staff of the Ingush Research Institute “ (Z.Kh. Kieva, F.M. Kostoeva, R.R. Khayrova) on the compilation of the “Explanatory Dictionary of the Ingush language”. The object of study is the lexemes of the Ingush language with the letter “M”. The purpose of the study is to provide information about interpreted words according to the requirements for lexicographic works of this kind: interpretation of the meanings of words, generalization of the characteristics of polysemous words, providing information about the compatibility of words, commenting on grammatical and semantic features, the use of illustrative material explaining the semantics of words. The dictionary entries give the most commonly used phraseological units of the Ingush language associated with the capital word.

Keywords: Ingush language, interpretation of meanings, explanatory dictionary, case, number, phraseological units.

М¹, «эм» яха алап. **1.** ПалгГай алфавита ткъестлагIа алап. Доккха м. *МугIара тIа «эм» яха алап дIаязде.* **2.** [М] яхача мукъазача оаза йоазон хъарак. *КIаьда [м'] яха оаз юкъе йола дешаш такилгаца белгалде.*

М², дакъ. МоллагIа хIама е дер белгалла хилар гойт; къаьста цхъан деша теркам тIабохийташ е маIан чоагIдеш лел. *Бийса-м хоза енай. Гулакх-м чоалхане, даьра, да. Дерриганех кхийттаб ала-м гаьна да.* || Цердоакъоша белгалъеш йола хIамаши, хъисапаш, таьрахъаши ца гойташ, царна когаметта лелача цIерметтдешашца тIехъа доаладу. *Из-м вайтаргвацар дас. Со-м хьога кхаь баккха ма енайий (Чакенаькъан С. «Маькха гIоргIилгаи»).*

МА¹, дакъ. **1.** Геттара гIадвахар е раьза хилар гойташ йолча айдара предложенешка оал. *Ма дика да хьо цIакхаьча! Ма безаме оамал я цу сага!* **2.** МоллагIа дегахоам е хинна Iоткъам гойташ лел. *Дукха нах ма хиннабар цига-м, хиннабецарий? Ма гIийла хургдар тIаккха цар вахар! – аьннад шоай хьалхале гучаяккха дагадехача бIаргаиша (ПалгIай багаьб.).*

МА², дацард. МоллагIча дечунна раьза ца хилар белгалду; предложене чухъа сказуеме хьаьбокхаш дола дер ца мегаш хилар гойт; духьалара маIан долча дечунна тIахьехаш оал. *Ма тоха сов чоагIа! Ма дезацар сона цунцара хьоашал. Ма ала сога, кIаьнк, ма ала, – хьоаставелар да (Кхоартой М. «Наьна дог»).*

МА³, хотт. Чоалханеча предложенешка керттери карареи доакъош дувзаш лела гIулакха дош; хьалха аьнначун, дийцачун е хиннача уйлан бахъан гойт. *ДIадига тхо, никъ дика ма бовзий хьона. Хьадуьца, Iомадеш ма ваьгIавий хьо.*

МАГАСК, цIерд. я (я), -аш, д. -о. Къулбаседа Кавказерча лоаман моттигашка хулаш йола кIотаргий тайпа. *М. яккха. Оахарой лоамара магаска оарц ба аз е ЦIеча-лоамара кхера ба аз? (ПалгIай багаьб. «ШайтIа сардамаи»).*

МАГИЕ, цIерд. я (цхь. т. мара), д. -но. ЦIен наIаргара аьтта оагIорахъара кхоалагIа са; фусамачура лерхIамегIа дола дакъа *М. йолчахъа Iоха. М. дIалаьцай.* || Баьрче; хьаьша, воккхагIвар е дезала да воагIаву моттиг. *М. хьаьшаита йита. М. хьа я / Укх вай цIагIа! (Муталиев Хь.-Б. «Са хьаьша»).*

МАЖАРГ, цIерд. ба (да), -аш, д. -о. **1.** МоллагIча цамцайоалача хIамах даьча даарах кара вIашкатоIадеш кийчдаь фуа кеп дола дакъилг. *Хьовла м. Мажаргах йист яла. Кер-*

да яьккхача тезача кIолда цхъа мажарги кIолд яьккхача морза шушеи еллар даь-сесаго Мусайна тIорме чу (Пхьилекъонгий М.-С. «Хала урхе»). **2.** Лаьтташ е лоабатах хий тохаш хьаьаь гарза. *ТIаьда м. Топпара мажаргаца къорг дIакъовла.* **3.** Лоа чоагIа вIашкатоIадеш цунах яь гурмат. *Лай м. бе. Лай мажаргех ловза.*

МАЗА¹, цIерд. ба (да), -и, д. -о. **1.** Гизгах хьаькасташ долча сихха докъалуча тIоадалах хьахула таь хьисапе дола тIалета дIоахал. *М. тес-саб. Мазаи дIадаха.* **2.** *ТIаийца м. ВIаший кхотаденна, юкъе бувзам болаш дар; ший куцах цу дIоахала тара йола моллагIа хIама. М. санна бувзабала. Сийнача пхьаьнаша м. бийза наьна декъа шийла кулгаи а елха чIехк е елакъеж къоаста ца луш озаденна ... бордаи а (Боканаькъан А. «Беке къонгаи»).* **3.** *ТIаийца м. Шин сага юкъе хоттаденна гIулакх е дуккхача дезалаша кхоачарлен тIехъа лоаттабу бувзам. ДоттагIен м. Гаргалон м. Цунцара м. ма хоадабелахь. Из накъавала мег вайна, – аьлар ТIахIур-молла (Пхьилекъонгий М.-С. «Хала урхе»).* ♦ **Гизгий маза** – геттара чоалхане гIулакх. **Гизгий мазаши дIалаьца моза мо** – кIалхаравала хала долаш. **Гаргалон маза юкъебоалла** – вIаший кхоачара бола.

МАЗА², цIерд. ба (да), -аш, д. -а. Биол. ДегIа маьженашка болх байташ, уж хьоайолийташ бола дулхацара хьоаса. *М. бола дулх. Дулха мазаи.*

МАЗАКХ, цIерд. (да), (цхь. т. мара), д. -о. Хена чура тIунал дIаяьнна, сомал йоацаш дола докъаденна лийлха дахча. *М. юстартасса. М. доагаде.*

МАЛА¹, ханд. (мол, меннад, маргда). **1.** МоллагIа коача хIама (хий, шура, и.кх.дI.) къург беш кера чу Iочуэцийта. *Масхам м. Ше моле, хьела хьаста хий м. деза, муж ца м., хьогала валлар тол (Коазой I. «Дувцараи»).* **2.** Корта бохабу малар кера чу Iочудалийта. *Йий м. М. бахъан кораде. М. а, даьра, меннад Iа, кеп хинна а, даьра, ва хьо (Пхьилекъонгий М.-С. «Хала урхе»).* < **Мела**, ханд. дукх. кеп (мел, мийннад, меларгда). *ЙIайха шура м. Бусулба наха къаракъ мелац. Буро тIа из м. цунга ахча а хилацар (Боканаькъан А. «ЦIийенна сайре»).* || масд. **малар**, д. -о. ♦ **Малара хьаьша** – каст-каста къаракъ молаш вола саг. **Маларо дог гIоздаьккха** – менна волаш, лоаццача хана догъураьтта.

МАЛА², цIерметтд. **1.** *Хаттар.* Саг белгалвоаккхаш, цIера дожара хаттара маIане лел. *СалаIа м. вода? Гулакх къоастадергдар м. ва*

ха. Чу мел ваглар йолаи зламигача сагаи юкье геттача къамаьлага ладувглаи бар, акхарех кот мала варгва-те, яхаш (Коазой I. «Хъа даьй кхуврча цу йоаг»). 2. Бларгагуш воаачунга, лечкъа воаллачунга, наарах хлама еттачунга оала хаттар-цлогла. М. ва цига? М. ва воаглар? | Ца вовзачунга е ца вовзачох луш дола хаттар. Хьо м. ва? Из м. ва? 3. Къамаьл хъанах да хоатташ оал. Хъанна хов из м. ва? Иштта хъажса веза Гарсар а цун йиший къонгех цига м. хиннав (Пхылекъонгий М.-С. «Хала урхе»). 4. Чоалхане-карарча предложенешка керттерча предложенех татоха дакъа хотташ доаладу дош. Массанена ха ловр, м. ва довна бехке. Цунна хацар, м. вахийтача нийсагла хургада. 5. Къам. Цавашар, теркалцавар, цалархлар, курал гойташ оал. М. ва из ва? Хъайл, малаи ба доттаглий! Хъажса шо, хъанца леладу глулакх! ♦ Мала ва, хъан ва ца хов саг – дувца фу доацар. Мала ва а хъан ва а ца хоатташ – къеста ца веш, озабезам ца беш.

МАРГІАЛ, цлерд. да (да), -аш, д. -о. Пехъа глаьнаш доаца биткъа саьрг, кгуржам. Массехк м. кийчбе. ♦ МаргІала дегІ – диткъа къона дегІ.

МАРКХАЛ, цлерд. ба (цхь. т. мара), д. -о. 1. XIX-ча бІаьшере кхаччалца гІалаш а вІовнаш а йотташ гІалгІай тІоговзанчаша лелабаь кхоачам; кІирах тайп-тайпара биологически хІамаши (шура е морз, тха е мос, фуаши, и. кх. дІ.) жагІах яьккха гІуми тохаш кийчбаь, беда хъисапе маза бола кечал. М. бе. М. юкье ца бохийтаи детта гІов. 2. Сома топпар хъаьха пенаш шаьрдеш, тІахьоаха кІаьдача гІумарахи ІажагІча топпарахи баь кхоачам; биткъа топпар. М. хьоаха болхло. Маркхалца пен шаьрбе. | Таханарча хана цІенош дотташ кирпишкашта юкье бувзам беш бола кІаьдача гІумарах цемент тохаш бу гІишлон кхоачам. Кирпишкашта юкье м. билла. Чура музІ хъайица ваьлча, араьхарча музІараиша юкьера маркхал хъабаккха волавелар Зейнал (Пхылекъонгий М.-С. «Хала урхе»).

МАРКХАЛ², цлерд. ба (цхь. т. мара), д. -о. Сел хъаухача е даьрьеннача човна цхъацца йола биологически хІамаши (фуь, модз, машадаьтга, шекар и. кх. дІ.) сапел вІашагІьэеш яь дарбана тІаюлла кечал; молх. М. тІабиллар. М. тІабийхка чов тоае.

МАРТА, цлерд. да (цхь. т. мара), д. -о. Гуйран буа кхача; цу хана кийчдаь даар. Чам бола м. М. кийчаданза дар. – Ер-м тховсара юийла вай, кхоана марта доацаиш шо Іергдале, – Махьмадагахъа локх цо ший герга, хоза бларгаи

(Пхылекъонгий М.-С. «Хала урхе»).

МАЬШТИГ, цлерд. да (да), -аш, д. -о. Говр дІа-юха ца хъежийта а аьленех ца къехкийта а аьнна, бІаргаш дакъовлаш тІоарсках е кхыболча кхоачамах даь цхъайолча дирстех доалла дакъа. М. тІацІоагІде. Дирстах маьштигаи дожка.

МЕРЗА, белг. 1. Даарах: метта чаме хета, шекара е меза гарга морзал йоалла. М. Іаж. М. дуг даа. | Къахъал е мистал йоаца. М. сибаз. М. бурак. 2. ТІаийца м. Безаме, тоам беш дола. М. дош. 3. ТІаийца м. Шоайла безаш а вІаший тІера а бола. Мерза доттаглий. Сагота аре кІордаяь е мерзача безаме готтаваь? – аьнна, кІайча можсах кулг хьокхаш, велаькежар кучер (Пхылекъонгий М.-С. «Хала урхе»). 4. ТІаийца м. ДегІа салоІам бу, дегІа эшаш дола. М. уйлаш. Мерзача набарах чубенна наб еш ухкар Пхылекъонгий-Юртара нах (Малсагнаькъан О. «Пхылекъонгий-Юрта тІом бар»). 5. ТІаийца м. Саг Іехаве гІерташ, дега тІара доаца. М. къамаьлаи де. ХІанз а из шийна цІимхаро бІарахъежандаь, дІахо геттара кІаьдача, мерзача оазаца аьлар (Боканаькъан А. «Беке къонгаи»). ♦ КІаьда-мерза дувца ха – шийх тешаве мага.

МИРКХА / МИРКЪА, цлерд. я (я), -аш, д. -о. ВІовна лакхерча глаьта тІа араьхарча йиьэча оагІонашка тІема гІулакха (зем баккхара, тІаваогІаца моастагІчоа тІаьскаши топаши еттара, кхерий чутувсара, и. кх. дІ.) яь йола уйче. ВІовна м. Миркха тІара дов де.

МО, хотт. 1. Дист. Кхыча хІаманца дистар е хІама тардар гойт; санна. Лоа м. кІай коч. Шекар м. мерза. Цунна м. гІулакх де ха. Инкалий кир йоагІаиш мо, тата ду во дІацІоагІьаьча яьшкаша (Пхылекъонгий М.-С. «Хала урхе»). | ДухагІа дистара корчам боалабеш оал; морга (къам.). Оакхарий мо лела. Хъа воІа мо кхерам тІалаттаргба са йоІа а, уж ший даха Іохайча (Боканаькъан А. «Цийенна сайре»). 2. Карадерзора хотт. Чоалхане-карарча предложенешка керттерча предложенех бехкама тІатоха дакъа хотташ оттама хоттаргий цхъа дакъа хиле лел. Нагахъа мо шо раьза дале, вай гІоргда. Нагахъа мо дын дика хьовзабой, зламига саг хьоаставу. 3. ЦІера оттама казуеми вІашагІтохаш оал. Зизаи седкъий м. дар. 4. Хила тарлуш е хеталуш дола хІама гойташ лел; мотташ дар белгалду. Хета тарлора. ЭгІазвахача мо хийттар. ♦ Цогал мо хьеставала – кІаьда бІара а хъежаш, хоза къамаьл де. Борз мо майра – кхерам боаца. Шоззакхозза яхар мо – массехказа.

МОАЖА, белг. 1. Щечей ЈажагІчей бесашта юкьера бос бола, бикъа-ЈажагІа; апельсина беса. *М. зизаш. Моажача гІаьнаша хозьяьяр сомий беш. Ма хоза хулар-кх баьццарча харбазашеи моажача пасташеи догам даь уж кхаш дадача хана (Боканакъан А. «Цийенна сайре»).* 2. Анайисте чубизача маьлха йисача сердалонна тара. *Маьлха м. белгало. Сигале моажача беса ерза. – Дуненна го тувса моажача из малх / Хьа къина биьлха боврг ма биь! (ГІалгІ. багахб.).* ♦ **Моажача малх санна** – дошо беса.

МОАКА, цІерд. да (да), -ш, д. -о. 1. Делкъа хана кийчдаь даар; делкъийга буа кхача. *М. кийчде. М. даа.* 2. Эргадаьккха, тайп-тайпара даараш отгадаь, диза шу. *Чам болаш кийчадаь м. М. оттаду: хьам мо да аькхан дулх (Хьоашалнакъан І. «Даьй гІалаш, даьй юрташ»).* 3. Паийца м. Рукъеи дунен паргІатой йола сага вахара хьал. *Хьийгача моака тІа кхача. Из паччахьа Іаьдал долча хана моака тІа ваьгІавар, кердача Іаьдало м. тІа багІараш Јобоахача хана из висар (Боканакъан А. «Цийенна сайре»).* ♦ **Моака тІа логаттадаь бежан** – дика кхаьба хьайба.

МОАРТАЛ, цІерд. ба (да), -аш, д. -о. 1. ГІалашкара ІаддаргІа хьисапе (ахгергга) вІашкабена тхов. *М. бе. Моарталах хьалкхетташ лакха хила.* 2. Лакхера ахгерга сетта вІашкаена кора е наІара санагІа; цу тайпара кеп йолаш вІашкабена гом. *Хоза баь м. Моартала кІал саца. «Оалой товгІаш елахь сона, кхуврча бухьера тунгал урагІа а йодаш... Моартала корашеи, моартала ниИи» (Коазой І. «ГІалгІай»).* || белг. **моартала**. *М. тхов.*

МОДЗ, цІерд. да (цхь. т. мара), д. мезо. 1. Нокхараша йоаккхаш йола йикъа мерза хІама, морзал; мерза даар. *М. даккха. Нокхарий м. Дарбаш деча къаьнача Саьлгос нокхарий боалози модзи дехкаш ерзаяьяр цун чов (Чажкенакъан К. «Моакхача лоамаш»).* 2. Эрзах, хьажкІах, коартолах, дугах, кІих, иштга кхыча ялатех даьккха крахмал шекарца коачдеш кийчду мерза даар. *ХьажкІех даьккха м. тоха.* || белг. **меза**. *М. чам.* ♦ **Модз доккха моза** – къахьегаш вола саг. **Модз санна мерза** – тайна, безаме, вІаший безаш. **Модз эккха бага** – дега тоам хилба. **Мезала баьлла Іаг** – масса хІаман тоьам болаш ваьха саг.

МОТТ¹, цІерд. ба (да), метташ, д. метто. 1. *Анат.* МоллагІча даара чам къоастабу, иштга саго къамаьла оазаш хозийташ, баге чура лелаш йола маза болча дулха маьже. *М. боагабе. Метта тІа йилла. Меттаца чам баккха.* 2. Паийца

м. Гургалах йоалла дІа-юха етталуш зовне ека аьшкан хІама. Гургала метта гІар соцае. 3. ТІехкар дІачІоагІдеш, кІаьга юкье йоалла йиткъа аьшкилг; йІаьха кеп йола моллагІа хІама. *КІаьга м. Ботинка м. || белг. метта. М. бухьиг боагабе (І-ча малане). М. зов соцаде (2-ча малане).* ♦ **Мотт хьокха** – саг футтарвеш, мотт арабаха. **Мотт кІалгІара ца бала** – йистхила ца могош виса. **Мотт арабаьккха** – геттара кІаьдвенна. **Мотт кІомбала** – йист ца хулаш ца Іелуш хила. **Мотт саца** – йист ца хулашца хьале хила. **Мотт Јочубиача санна** – къамаьла юкье йист ца хулаш.

МОТТ², цІерд. ба (да), метташ, д. метто. 1. Наха шоайла деш дола къамаьл; вІаший кхетадеча дешай гуллам. *ГІалгІай м. бувца. Массехк м. ха. Наьна метта грамматика.* 2. Ший тайпара товш, хоза художественни гІирсаш юкьекхувлаш деча йоазон а къамаьла а кеп; цхьан йоазонхочун кхоллама юкьедоаладаьча дешай а приемий а гуллам. *Къамаьла м. Хозача меттаца яздаь дувцар.* ♦ **БІаьха мотт** – йоахар дувцар. **Ший мотт шийга кхаба** – совдар ца дувца. **Мотт ца лорабер** – совдар дувцар. **Мотт кхаба** – лер ца хазийта. **Мотт бастийта** – несийна йистхила бокъо яла, йистхилията. **Мотт баста** – несо ший лер а къамаьл хазийта. **БІеха мотт** – эздедаца доаца къамаьл. **Метта ира** – доагІача метте дош оалаш. **Бага мотт боаца** – нахаца къамаьл вІашка ца доагІа. **Метто вийнар** – воча къамаьло довна вига саг. **Мотт корабе** – цхьаннеца бартаваха мага. **Мотт тоха** – зоахалол дохаде (наьха во оагІонаш гучаяха гІерта); доацар дувцаш хила. **Метта шаьра** – хьакхашта къамаьл деш вола. **Метта кІалдала** – цІаьхха дицдала, дикка ховшдар хьадага ца дохаш диса.

МОТТ³, цІерд. ба (да), -аш, д. метто. 1. Тайп-тайпара кхоачам (боамби, тха, и. кх. дІ.) чубелла, поарталцара сомагІа дола дакъа; вужаш дегІа кІалъехка яь хІама. *Тхан м. М. кІалбилла.* 2. Вижа ала а наб е а лаьрхІа кийчъаь моттиг (маьнги, тархе, и. кх. дІ.). *М. Јобилла. М. хьалбаккха || белг. метта. М. поартал.* ♦ **Метта вала** – салаІа Јовижа. **Метта виса** – лазар кхийтта, хьалгІатта ца могош хила.

МОТТ⁴, цІерд. ба (да), -аш, д. метто. ТІехкар дІачІоагІдеш, кІаьга юкье йоала йиткъа аьшкилг; йІаьха кеп йола моллагІа хІама. *КІаьга м. Ботинка м.*

МОТТ⁵... Чоалханеча дешай шоллагІа йола лард, «моттиг» яха маІан дола дешдакъа: *божмотт, жемотт.*

ЛИТЕРАТУРЕИ ИСТОЧНИКАШИ

1. Барахоева Н.М., Кодзоев Н.Д., Хайров Б.А. Ингушко-русский ... словарь терминов. – Нальчик, 2016.
  2. ГаллГай-эрсий дошлорг (Ингушко-русский словарь). / Под ред. Л.У. Тариевой. – Нальчик: «Республиканский полиграфкомбинат им. Революция 1905 г.», 2009. – 983 с.
  3. ГаллГай оаламаш, дувцараш, фалгаш, кицаш: На ингуш. яз. / Сост. И.А. Дахкилгов. – Саратов: Детская книга, 1998. – 344 с.
  4. Кодзоев И. Дувцараш (Рассказы). – Грозный: Книга, 1990. – 96 с.
  5. Кодзоев Н. Д. Русско-ингушский словарь. – Ростов-н/Д., 2021. – 656 с.
  6. Куркиев А. С. ГаллГай-эрсий дошлорг (Ингушко-русский словарь). – Магас: Сердало, 2004. – 544 с.
  7. Мальсагов З.К. Ингушская грамматика со сборником ингушских слов. – Владикавказ: Сердало, 1925. – 159 с.
  8. Муталиев Х.-Б. Метро чу. Хержа произведенеш. Том I. – Грозный: Нохч-ГаллГай книжни издательство, 1967.
  9. Оздоев И.А. Русско-ингушский словарь. – М., 1980. – 832 с.
  10. Плиев М.-С. А. Хала урхе. Роман в 2 кн. – Грозный: Книга, 1990. – 592 с.
  11. Боков А. Х. Беке кьонгаш. Избранное. Роман. Т.1. – Грозный, 1991. – 528 с.
  12. Хашагульгов I. Даьй гIалаш, даьй юрташ. – Назрань: Полиграфический комбинат, 1998.
-
-

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

Барахоева Л. Р.

Аннотация. Статья продолжает цикл публикаций ГБУ «Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева» по вопросам социально-экономического развития региона.

Современные политико-экономические условия актуализировали исследование проблем и механизмов социально-экономического развития региона.

Проблема выбора методологического подхода и определения инструментария в условиях современной меняющейся действительности является одним из самых сложных вопросов для любой отрасли науки, оказывающим существенное влияние на процесс исследования и его результативность.

В статье представлен сравнительный анализ теоретико-методологических подходов к анализу и оценке уровня социально-экономического развития региона, выполненный на основе исследования широкого массива отечественных и зарубежных научных работ.

Ключевые слова: методология, методологический подход, социально-экономическое развитие, регион.

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL APPROACHES TO ANALYSIS SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE REGION

Barakhoeva L.R.

Abstract. The article continues the series of publications of the State Budgetary Institution “Ingush Research Institute for the Humanities named after I.I. Ch.E. Akhriev” on the socio-economic development of the region.

Modern political and economic conditions have actualized the study of the problems and mechanisms of the socio-economic development of the region.

The problem of choosing a methodological approach and defining tools in today’s changing reality is one of the most difficult issues for any branch of science and has a significant impact on the research process and its effectiveness.

The article presents a comparative analysis of theoretical and methodological approaches to the analysis and assessment of the level of socio-economic development of the region, based on a study of a wide array of domestic and foreign scientific papers.

Keywords: methodology, methodological approach, socio-economic development, region.

Методология исследования социально-экономического развития региона — это совокупность научных принципов, приемов, правил и методов, которыми следует руководствоваться при анализе и оценке социально-экономического развития региона.

Понятие «методологический подход» можно определить, как: «принципиальную методологическую ориентацию исследования, как точку зрения, с которой рассматривается объект изучения (способ определе-

ния объекта), как понятие или принцип, руководящий общей стратегией исследования» [55, с. 69].

В современной зарубежной и отечественной научной литературе существует многообразие теоретико-методологических подходов к исследованию социально-экономического развития региона, среди которых выделяют: диалектический, системный, процессный, ситуационный, организационный, комплексный, программно-целевой.

Диалектический подход заключается в изучении действительности с точки зрения общих законов развития природы, общества и мышления и всеобщих связей явлений. В рамках данного подхода явления и процессы исследуются с точки зрения законов диалектики и объективно обусловленных диалектических принципов, то есть исследование объекта осуществляется критически и последовательно, учитывая причинно-следственную связь, противоречия и изменения.

Суть системного подхода заключается в исследовании объекта как целостной совокупности составляющих его взаимосвязанных элементов. Основоположниками системного подхода являются Л. фон Берталанфи, А. А. Богданов, Г. Саймон, П. Друкер, А. Чандлер. Существенный вклад в развитие данного подхода внесли Р. Акофф, Р. Берман, С. Бир, Х. Виссема, Д. Клир, Г. Кунц, Й. Кхол, М. Лещинин, М. Месарович, У. Оучи, Н. Стефанов, В. Хойер, Г. А. Шредер, Д. Р. Эванс, К. Эклунд, Л. Эрхард, С. Янг.

Различные аспекты системного подхода в исследовании социально-экономических явлений и процессов в регионе рассматриваются в работах Г.Б. Клейнера [18-20, 40], С. П. Король [25], А. А. Кужелевой [29], Р. Г. Маннапова [30, 31], В. Мау [32], И. В. Скопиной [41], Г. М. Федорова [48], Л. С. Шеховцевой [54], М. А. Яхутловой [56] и мн. др.

Преимуществом системного подхода является максимально полный охват всех сфер жизнедеятельности региона и системообразующих элементов, но этот же момент усложняет его практическую реализацию.

Процессный подход упоминается в работах таких ученых как Н. Хаммер, А. Файоль, Р. Шонбергер, М. Фоллетт, У. Шухарт, Дж. Джуран, Э. Деминг, А. Фейгенбаум, Ли Якокки и мн. др. Различные аспекты процессного подхода рассматривались и в работах многих отечественных ученых, в частности, Е. Ю. Денисова и Н. А. Полянской [14], И. Н. Дышлового [15], Р. В. Кононенко [24], К. С. Кочетковой [27], Г. М. Романовой [36], Н. А. Рязанцевой [38], В. В. Смирнова [42, 43], Г. А. Хмелевой [52] и многих других.

Процессный подход представляет собой «управление территориальным развитием как совокупностью процессов, набор которых определяется структурой и составом элементов региональной системы, выполняемыми функциями, целевыми установками, закрепленными в доку-

ментах стратегического и тактического характера» [21].

Суть процессного подхода применительно к исследованию региона заключается в выделении региональных процессов согласно принятым принципам, определении «сквозных процессов», формировании институтов ответственности и элементов управления, расчленении региональных процессов на элементы и их структурирование, формирование механизмов региональных процессов. Существуют различные подходы к выделению типов и видов процессов, протекающих в региональных социально-экономических системах. В настоящее время механизм возникновения взаимоотношений между процессами недостаточно изучен.

Процессный подход коррелирует с системным подходом. Так, например, Р. А. Тимофеев, отмечая единство и взаимосвязь системного и процессного подходов, считает целесообразным рассматривать процессы в качестве элементов системы, а взаимодействие процессов в качестве связей между элементами [46].

Г. А. Хмелева также считает целесообразным применение процессного подхода, в котором функционирование региональной системы рассматривается как совокупность процессов, в ходе которых между элементами системы происходит результативное взаимодействие, при этом каждый элемент выполняет свои функции: предприятия и организации производят продукцию и оказывают услуги; государственные и муниципальные органы власти осуществляют деятельность по реализации государственной и муниципальной политики на местах и т.д. [50].

Процессный подход позволяет исследовать связи между отдельными элементами системы с помощью показателя результативности процесса. Учитывая, что целью совокупного регионального процесса является непрерывное повышение уровня благосостояния, результативностью следует считать достижение целевых показателей развития региональной социально-экономической системы.

Среди ученых мнения об эффективности данного подхода разделились.

В своей монографии, посвященной инновационному развитию экономики региона, Г. А. Хмелева [51, с. 99-100] отметила обоснованность процессного подхода в управлении ограниченными ресурсами.

Р. А. Тимофеев, анализируя целесообразность применения процессного подхода к исследованию социально-экономического развития, пишет о том, что «результат деятельности одного процесса является исходным ресурсом для другого процесса системы», что позволяет «современно проводить диагностику и мониторинг действующей экономической системы с целью обеспечения выбора оптимального и устойчивого пути развития при условии взаимодействия с внешней средой» [46].

Ситуационный подход в исследовании социально-экономического развития региона позволяет на основе оперативного изучения информации провести анализ, обобщение закономерностей и разработать рекомендации по конкретным ситуациям. Под ситуацией в данном контексте понимается набор обстоятельств, оказывающих влияние на социально-экономическое развитие региона в конкретный момент времени.

Родоначальницей ситуационного подхода была М. Фоллетт, значительный вклад в становление ситуационного подхода внесли Т. Бернс, Д. Сталкер, Дж. Вудворд, П. Лоуренс, Дж. Лорш, Р. Моклер, К. Найт, М. Стар, Д. Миллер и др. Данный подход представлен и в работах отечественных ученых: В. С. Дудченко, Е. П. Костенко [26], Д. А. Поспелова, А. И. Пригожина, В. П. Рылова [37], А. П. Савченко [39], А. В. Титова [47], Г. П. Щедровицкого, В. В. Щербины, Е. В. Болговой [6] и др.

Преимуществами ситуационного подхода являются:

- исследование проводится с помощью комплекса адекватных методологических приемов, сформированного под конкретную проблему;
- учитывается влияние внешних факторов на момент принятия решения.

С позиции организационного подхода регион изучается как система, но при этом учитывается противоречивость целей его элементов и форма управления.

Рассматривая организационный подход применительно к управлению развитием муниципальных образований, Г. И. Бурдакова и В. В. Литовченко отмечают, что «управляющая подсистема не может полностью контролировать управляемую подсистему, в результате она обладает некоторой самостоятельностью в своем поведении, относимой к категории управляемости. Границы управляемости в муниципальном

образовании обусловлены сложностью управляемого объекта, ограниченными знаниями о нем, трудностями исполнения решений, вследствие чего результат в той или иной степени обязательно отклоняется от первоначального содержания принятого решения» [7].

Выделяют три формы управления в организационных системах: целевое воздействие; самоорганизация; организационный порядок. Целевое управляющее воздействие заключается в определении целей и разработки технологии их реализации. По уровню воздействия различают внешнее (орган управления находится за рамками объекта) и внутреннее воздействие (самоуправление); по способам воздействия – прямое и косвенное; по видам воздействия – экономическое, административное, социальное, экологическое и др. По отношению к региону внешнее целевое управляющее воздействие – федеральное, внутреннее целевое управляющее воздействие – региональное.

Самоорганизация включает самоорганизацию на базе экономических регуляторов и самоорганизацию на базе социальных регуляторов. В качестве примера: рост уровня безработицы и снижение качества жизни в регионе вызывает отток населения в более благополучные регионы; социальные регуляторы (мораль, обычаи, идеология, традиции и пр.) воздействуют на массовое поведение через механизм общественного мнения.

Организационный порядок означает, что управление социально-экономическим развитием региона осуществляется в организованном нормативном пространстве. Л. С. Шеховцева [53], С. А. Кочеткова и И. В. Моисеева [28, с. 11] выделяют внутрирегиональный порядок, который основывается на федеральной и региональной нормативно-правовой базе, и внутриорганизационный порядок, который базируется на административном распорядке, регламентах, организационной структуре и т.д.

Комплексный подход к исследованию социально-экономического развития региона подразумевает анализ природных, демографических, политических, социально-экономических, социокультурных, научно-технических факторов, характеризующих внутреннюю и внешнюю среду. Уровень социально-экономического развития региона определяется с помощью комплекса показателей. Комплексный подход к управлению социально-экономическим развитием региона

наблюдается в работах Г. Г. Фетисова и В. П. Орешина [49] и др.

Анализ и оценка социально-экономического развития региона с позиции нормативного подхода подразумевает учет совокупности норм и нормативов деятельности, установленных по всем важнейшим подсистемам управления. При этом выделяют целевые нормативы, обеспечивающие реализацию поставленных целей; функциональные нормативы – качество и своевременность проработки планов, оперативный учет и контроль, распределение функциональных обязанностей и др.; социальные нормативы, обеспечивающие оптимальные условия для социального развития.

Программно-целевой подход заключается в «определении целей, разработка программ для рационального достижения поставленных целей, выделении необходимых ресурсов для осуществления программ и формирования механизмов и структур, осуществляющих управление их выполнением» [3].

«Программно-целевой метод – метод увязки целей плана социально-экономического развития с комплексом экономических, социальных, научно-технических и производственных мероприятий и народнохозяйственными ресурсами, обеспечивающими их выполнение» [Цит. по: 17].

Л. Н. Бабкина и О. В. Скотаренко выделяют следующие задачи (этапы) программно-целевого подхода:

1) изучение существующей ситуации, выявление проблем в социально-экономическом развитии региона и установление стратегических целей;

2) разработка прогнозной модели региональных социально-экономических процессов;

3) формулирование нескольких вариантов решения проблем и выбор наиболее оптимального варианта решения;

4) составление программ реализации стратегической цели, декомпозиция этой цели на стратегические направления деятельности;

5) определение приоритетных целей и подцелей, согласование их с ресурсами, результатами и сроками достижения целей [Там же].

С позиции рефлексивного подхода анализ и оценка социально-экономического развития региона проводится путем изучения объективной информации о внутренней и внешней среде региона. Роль и место рефлексивного подхода

в управлении развитием социально-экономических систем рассматривается в работе Р. Н. Лепы и др., который отмечает, что «использование рефлексивного подхода для исследования и формализации экономических взаимодействий обусловлено тем, что сегодня уже ни один экономист, который пишет об индивидуальном поведении руководителя, не может обойтись без рассмотрения психологических характеристик процесса принятия решений» [35, с. 6].

О. В. Байдалова [4] выделила в зарубежной практике оценки образа жизни и социально-экономического развития структурно-функциональный и культурологический подходы. Культурологический подход подразумевает исследование с позиции таких понятий, как культура, культурная деятельность, культурные образцы, нормы, ценности, интересы и др.

Анализ научной литературы позволил выделить методологический подход, в котором анализ и оценка социально-экономического развития регионов сводится к изучению потенциалов социально-экономического развития. Так, например, О. Н. Коновалова, Т. М. Давыденко и Л. Н. Борисоглебская [23] предлагают методологический подход к комплексной оценке региона на основе определения потенциалов социально-экономического развития: производственно-экономического, инвестиционного, инновационного, человеческого, рыночной инфраструктуры, производственной инфраструктуры, социальной инфраструктуры, природных ресурсов региона, экспортного.

Более сложную структуру социально-экономического потенциала дает И. О. Калининкова [16, с. 30], выделяя в ней следующие потенциалы: природно-ресурсный, социально-экологический, социально-демографический, экономический, трудовой, социальный, этнокультурный, идеологический, научно-технический, производственный, аграрный, рекреационный, информационный, организационный, отмечая, что количество их зависит от степени детализации и особенностей регионального развития.

Еще более сложная четырехуровневая структура представлена в работе В. Г. Беломестнова, А. А. Унгаева и В. А. Рубан [5, с. 35-36]. Они выделяют в структуре потенциала региона структурный (ресурсный), системный и процессный (организационный) потенциалы. Структурный (ресурсный) потенциал состоит из ресурсно-

материального, человеческого, экономического, территориального потенциала. Системный потенциал включает в себя геоэкономический, социальный, институциональный и политический потенциалы. В структуре процессного (организационного) потенциала можно выделить инвестиционный, информационный, инновационный, интеграционный потенциалы. В свою очередь в каждом из перечисленных потенциалов можно выделить составляющие его элементы.

Недостатками данного подхода являются: недостаточный учет количественных и качественных факторов, трудоемкость и сложность сбора данных и оценки составляющих социально-экономического потенциала.

Стратегический подход к исследованию социально-экономического состояния региона и механизмов его развития заключается в следующем: во-первых, проводится анализ внешней и внутренней среды региона, причем большее внимание может быть уделено внешней среде в связи с ее непредсказуемостью и изменчивостью; во-вторых, определяются миссия и цели развития региона, которые соотносятся с его ресурсами и возможностями; в-третьих, осуществляется выбор стратегии развития региона; в-четвертых, реализация стратегии развития региона; в-пятых, осуществляется контроль за исполнением стратегии и оценка ее реализации. Суть стратегического подхода проявляется в рассмотрении региона как организационной системы, обеспечивающей свое качественное изменение и способной предвидеть развитие ситуации и принимать упреждающие действия. Исследованием регионального развития с позиции стратегического подхода занимались Л. И. Абалкин [1], Е. М. Бухвальд [8, 9], А. Г. Гранберг [44], Д. С. Львов [33] и др.

В современной научной литературе рассматриваются и новые подходы к исследованию социально-экономического развития региона: когнитивный, неоинституциональный, синергетический и др.

Суть когнитивного подхода заключается в использовании в исследовании методов, учитывающих когнитивные особенности личности – восприятие, мышление, познание, объяснение, понимание. Как отмечает А. А. Кулинич, «когнитивный подход позволяет описать множество процессов, в виде модели экспертных знаний о законах и закономерностях функционирования объекта» [Цит. по:11].

Различные аспекты данного подхода раскрыты в работах Г. В. Гореловой [12, 13], которая предлагает использовать когнитивный подход и методологию когнитивного моделирования сложных систем не только к анализу и оценке социально-экономического состояния региона, но и для разработки путей эффективного развития региона; Ю. Г. Ткаченко и В. Н. Тюшнякова [45], которые провели анализ социально-экономических диспропорций развития регионов с позиции когнитивного подхода. Разработка когнитивной модели позволяет описать и объяснить сложную систему, спрогнозировать возможные тенденции и развитие ситуаций в ней, следовательно, предложить обоснованные стратегии развития системы.

Неоинституциональный подход базируется на работах А. Грейфа, Дж. Ходжсона, Дж. Серла, Д. Норта, О. Ульямсона, Дж. Стиглера, В. В. Полтеровича, А. А. Аузана, Г. Саймона.

Выделяют институт как отношения и институт как формализованную структуру. В контексте институционального подхода к исследованию регионального развития под институтом понимается совокупность социальных факторов, таких как ценности, поведенческие установки и убеждения, система формальных правил, позволяющих решать жизненно важные проблемы, удовлетворяющих потребности, влияющих на регулярность поведения людей. Социальные институты оказывают влияние на людей, но в то же время люди также оказывают влияние на устройство институциональной структуры и изменение институциональных рамок.

Т. Веблен определял институт как «распространенный образ мысли в том, что касается отдельных отношений между обществом и личностью и отдельных выполняемых ими функций» [Цит. по: 50, с. 4], а причину институциональных изменений видел в несоответствии институтов изменившимся условиям внешней среды.

С позиции неоинституционального подхода экономическое развитие рассматривается как последовательный процесс институциональных изменений, оценку и анализ которого можно провести с помощью показателей качества и эффективности функционирования институциональных структур. По мнению представителей данного подхода, именно запуск институциональных изменений ведет к устойчивому социально-экономическому развитию, стимулированию иннова-

ционной и инвестиционной деятельности, повышению эффективности использования человеческого капитала.

Преимущество неинституционального подхода к социально-экономическому развитию проявляется в «широкой вариативности стратегий экономических преобразований, основывающихся на социокультурных особенностях тех или иных территорий и характеристиках сложившейся институциональной среды» [22]. Отметим, что Г. А. Хмелева в своей работе [50] подчеркнула проблему функционирования в РФ неэффективных институтов, таких как неработающее законодательство, избирательное отношение судебной системы и пр.

При структурном подходе к исследованию социально-экономического развития региона изучаются качественные изменения в структуре секторов экономики и элементы социального развития.

Функциональный подход к исследованию социально-экономического развития региона заключается в изучении регионального развития с точки зрения функциональных свойств и функционального предназначения элементов социально-экономической системы региона.

Исследуя вопросы устойчивости регионального развития, Е. В. Радковская [34] вводит понятие «дисфункция», под которым понимает «показатель нарушений в процессе функционирования системы». В региональной экономике под дисфункцией понимается «существенное нарушение стабильности процесса развития, оказывающее негативное влияние на социально-экономическую систему региона» [34].

Не менее интересным, на наш взгляд, является предложенное ею понятие дисфункциональная территория – «территория, характеризующаяся серьезными отклонениями ключевых параметров социально-экономического развития от показателей, оптимальных (или допустимых) для данного региона» [34]. Дисфункция одной или нескольких подсистем региона (или территорий в рамках региона) может привести к дисфункции всей системы.

Синергетический подход рассматривается как продолжение системного подхода. Термин «синергетика» (от греч. «synergeia» — «совместное или кооперативное действие») ввел Г. Хакен, и дал ему следующее определение: «теория возникновения новых свойств у целого, состоящего

из взаимодействующих объектов» [10]. Исследованием использования синергетического подхода к изучению социально-экономических явлений занимались, в частности, Е. И. Арепьев, Е. С. Попченко [2].

С позиции синергетического подхода регион рассматривается как сложная нелинейная открытая система, функционирование которой подчинено общим для всех типов систем закономерностям. Основными характеристиками самоорганизующихся систем являются: открытость, нелинейность, диссипативность. Процесс самоорганизации связан с понятием «диссипативная структура», которое подразумевает структуру, спонтанно возникающую в открытых неравновесных системах.

В пользу применения синергетического подхода к исследованию и управлению социально-экономическим развитием региона говорит то, что темпы и результаты изменений социально-экономических процессов зачастую непредсказуемы, между компонентами социально-экономической системы региона наблюдаются динамические нелинейные соотношения и итеративный характер взаимодействия, а регион как система с такими характеристиками может иметь потенциал к динамичному развитию в сложных формах, в том числе хаотические режимы и самоорганизацию.

Наиболее используемыми являются ситуационный, рефлексивный методологические подходы, наименее используемыми — диалектический, системный, процессный. Также выделяют специфичные методологические подходы к проведению исследований регионального развития: индикативный, критериальный и др.

В ряде работ российских ученых, касающихся исследований социально-экономического развития региона, предпринимаются попытки сочетания методологических подходов, среди которых можно отметить: системно-ситуационный, системно-институциональный, системно-факторный, пространственно-функциональный подход, структурно-функциональный и др.

Системно-ситуационный подход заключается в исследовании ситуационных различий между регионами, определении значимых переменных и их влияния на социально-экономическое развитие региона, формулировании принципов эффективного управления социально-экономическим развитием региона.

Системно-институциональный подход заключается в исследовании региона как системы институтов, способствующих созданию благоприятных условий для социально-экономического развития и решения приоритетных задач государственной политики.

Структурно-функциональный подход базируется на представлении региона как социально-экономической системы, состоящей из совокупности взаимосвязанных и взаимообусловленных подсистем, каждая из которых выполняет свои функции. Отсюда исследование в рамках данного подхода заключается в установлении, описании и объяснении системно-организованной структурной целостности, изучении механизма взаимодействия структурных элементов, определении их значимых функций. Функции, обеспечивающие повышение уровня социально-экономического развития региона, можно дифференцировать по уровням исполнения и контроля за реа-

лизацией социально-экономической политики, в частности, стратегии социально-экономического развития региона.

Таким образом, изучение фундаментальных научных трудов и исследований российских и зарубежных ученых, посвященных рассмотрению и анализу процессов, проблем, механизмов и закономерностей социально-экономического развития регионов, позволило сделать вывод, что методологическая база анализа социально-экономического развития региона строится на парадигме: регион является многофункциональной системой, включенной в систему вертикальных и горизонтальных взаимодействий, поэтому исследование должно строиться на использовании традиционных и нетрадиционных методов. Также отсюда следует, что только комбинация методологических подходов и методов может обеспечить наиболее адекватный анализ и прогноз социально-экономического развития региона.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Абалкин Л. И., Квинт В. Л. Экономические и социальные проблемы регионального развития / Сб. ст. АН СССР, Институт экономики; Под ред. Л. И. Абалкина, В. Л. Квинта – ИЭ М, 1989. – 149 с.
2. Арепьев Е. И., Попченко Е. С. Методологические и теоретико-познавательные аспекты становления синергетического подхода к изучению социально-экономических явлений // Вестник Челябинского государственного университета. – 2021. – № 2 (448). – С. 12-17.
3. Бабкина Л. Н., Скотаренко О. В. Методологические подходы и принципы формирования стратегии социально-экономического развития регионов // Известия СПбГЭУ. – 2013. – №3 (81). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologicheskie-podhody-i-printsipy-formirovaniya-strategii-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-regionov> (дата обращения: 16.02.2023).
4. Байдалова О. В. Социальные показатели регионального развития: методология и методическое обеспечение исследования // Logos et Praxis. – 2012. – №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-pokazateli-regionalnogo-razvitiya-metodologiya-i-metodicheskoe-obespechenie-issledovaniya> (дата обращения: 08.02.2023).
5. Беломестнов В. Г., Унгаев А. А., Рубан В. А. Потенциал экономического роста регионов: монография. – Улан-Удэ: Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, 2011. – 272 с.
6. Болгова Е. В., Болгов М. В., Курникова С. А. Ситуационный подход к управлению конкурентоспособностью региона // Региональная экономика: теория и практика. – 2021. – Т. 19, № 3(486). – С. 521-538.
7. Бурдакова Г. И., Литовченко В.В. Организационный подход к сущности и управлению развитием муниципальных образований // Фундаментальные исследования. – 2013. – № 11-5. – С. 975-981. URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=33236> (дата обращения: 22.02.2023).
8. Бухвальд Е. М. Выбор стратегии или выбор курса? (По материалам XV общероссийского форума «Стратегическое планирование в регионах и городах России: диалог в поисках согласованности») // ЭТАП. – 2016. – №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vybor-strategii-ili-vybor-kursa-po-materialam-xv-obscherossiyskogo-foruma-strategicheskoe-planirovanie-v-regionah-i-gorodah-rossii-dialog> (дата обращения: 01.03.2023).
9. Бухвальд Е. М. Основы государственной политики в сфере стратегического планирования: нерешенные проблемы // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2022. – №1. URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/osnovy-gosudarstvennoy-politiki-v-sfere-strategicheskogo-planirovaniya-nereshennye-problemy> (дата обращения: 01.03.2023).

10. Введение в синергетику. Хаос и структуры / Предисл. Г.Г. Малинецкого. Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 240 с.

11. Глезман Л. В., Урасова А.А. Методологические аспекты формирования механизма управления развитием пространственно-отраслевой структуры региона в условиях цифровизации экономики // Вопросы инновационной экономики. – 2022. – Т. 12. – № 1. – С. 479-500.

12. Горелова Г. В. Когнитивное моделирование сложных систем: состояние и перспективы // SAEC. – 2021. – №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivnoe-modelirovanie-slozhnyh-sistem-sostoyanie-i-perspektivy> (дата обращения: 02.03.2023).

13. Горелова Г. В., Момот М. О. Когнитивный подход к определению освоенности территории как фактора социально-экономического развития региона // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 5: Экономика. 2019. – №2 (240). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivnyy-podhod-k-opredeleniyu-osvoennosti-territorii-kak-faktora-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-regiona> (дата обращения: 02.03.2023).

14. Денисов Е. Ю., Полянская Н.А. Процессный подход к реализации механизма управления региональной экономикой на основе взаимодействия органов власти и бизнес-структур // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Экономика и управление. – 2015. – С. 26-29.

15. Дышловой И. Н., Ибрагимов Э. Э., Семенова Л. В., Солнцева О. Г. Проектный и процессный подходы к реализации программ развития региона // Современные проблемы сервиса и туризма. – 2020. – №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/proektnyy-i-protsessnyy-podhody-k-realizatsii-programm-razvitiya-regiona> (дата обращения: 13.02.2023).

16. Калининкова И. О. Управление социально-экономическим потенциалом региона. – СПб.: Питер, 2012. – 234 с.

17. Каркавин М. В. Организация планирования стратегического развития крупного города: программно-целевой подход // Фундаментальные исследования. – 2014. – № 12-9. – С. 1973-1978; URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=36473> (дата обращения: 20.02.2023).

18. Клейнер Г. Б. Системная перезагрузка российской экономики: ключевые направления и перспективы // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2020. – Т. 223, № 3. – С. 111-122.

19. Клейнер Г. Б. Системная реконструкция российского социально-экономического пространства // Экономическое возрождение России. — 2020. – № 2(64). – С. 59-69.

20. Клейнер Г. Б. Системно - ориентирное планирование: Россия, XXI век // Вопросы политической экономии. – 2021. – № 2. – С. 45-56.

21. Ковальчук, Л. Б. Процессная модель региональной социально-экономической системы: структура, особенности взаимодействия элементов // Проблемы социально-экономического развития Сибири. – 2016. – № 1(23). – С. 39-43.

22. Ковыляев С. А., Скоробогатский В. В. Неинституциональный подход к стратегическому социально-экономическому развитию территорий: основные положения и перспективы // Муниципалитет: экономика и управление. – 2021. – №4 (37). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neoinstitutsionalnyy-podhod-k-strategicheskomu-sotsialno-ekonomicheskomu-razvitiyu-territoriy-osnovnye-polozeniya-i-perspektivy> (дата обращения: 02.03.2023).

23. Коновалова О. Н., Давыденко Т. М., Борисоглебская Л. Н. Методологические подходы к комплексной оценке уровня социально-экономического развития регионов (на примере Белгородской области) // Via in tempore. История. Политология. – 2008. – №2 (42). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologicheskie-podhody-k-kompleksnoy-otsenke-urovnya-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-regionov-na-primere-belgorodskoy-oblasti> (дата обращения: 21.02.2023).

24. Кононенко Р. В., Высочиненко А. С., Качан Н. А., Пьянкова М. Г. Повышение эффективности деятельности предприятия на основе использования процессного подхода // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2021. – № 12-3. – С. 468-473; URL: <https://vael.ru/ru/article/view?id=2023> (дата обращения: 13.02.2023).

25. Король С. П. Системный подход к планированию и реализации социально-экономического развития // Креативная экономика. – 2020. – Том 14. – № 12. – С. 3169-3186.
26. Костенко Е. П. Эволюция ситуационного подхода в менеджменте // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2012. – №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-situatsionnogo-podhoda-v-menedzhmente> (дата обращения: 16.02.2023).
27. Кочеткова К. С. Эволюция процессного подхода и развитие его методологии на уровне управления региональной экономической системой // Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение. – 2022. – 70(2). – С. 29-38. URL: <http://snt-isuct.ru/article/view/4559>.
28. Кочеткова С. А., Моисеева И. В. Структурная модель государственно-частного партнёрства в стратегическом управлении регионом: монография / под общей ред. С. А. Кочетковой. – М.: Издательский дом Академии Естествознания, 2016. – 160 с.
29. Кужелева А. А. Субъектно-функциональный и системный подходы к исследованию региона // Вести Автомобильно-дорожного института. – 2020. – № 1(32). – С. 119-127.
30. Маннапов Р. Г., Ахтариева Л. Г. Современное развитие системы управления регионом: методология, инструментарий, механизмы: монография / под науч. ред. д-ра экон. наук, проф. Р.Г. Маннапова. – Уфа: Уфимская государственная академия экономики и сервиса, 2010. – 221 с.
31. Маннапов Р. Г., Манапов А. Р. Модернизация системы управления экономикой региона в условиях инновационного развития // Региональная экономика: теория и практика. – 2013. – № 33. – С. 2-9.
32. Мау В. Очерки политической экономии российских регионов // Вопросы экономики. – 1995. – № 10. – С. 29-46.
33. Путь в XXI век: стратегические проблемы и перспективы российской экономики / Отделение экономики Российской академии наук, Научно-редакционный совет издательства «Экономика»; ред. Д. С. Львов. Москва: Экономика, 1999. – 793 с.
34. Радковская Е. В. Функциональный подход к исследованию устойчивости регионального развития // Экономические исследования. – 2013. – №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/funktsionalnyy-podhod-k-issledovaniyu-ustoychivosti-regionalnogo-razvitiya> (дата обращения: 22.02.2023).
35. Рефлексивные процессы в экономике: концепции, модели, прикладные аспекты: моногр. / Р. Н. Лепа, С. Н. Шкарлет, Ю. Г. Лысенко и др.; под ред. Р. Н. Лепы / НАН Украины, Ин-т экономики пром-сти. – Донецк: АПЕКС, 2012. – Т.1 – 560 с.
36. Романова Г. М., Шарафутдинов В. Н., Онищенко Е. В. Процессный подход в управлении устойчивым воспроизводством регионального туристского продукта // Sochi Journal of Economy. – 2021. – Т. 15, № 3. – С. 288-301.
37. Рылов В. П. Системно-ситуационный подход к оценке рейтингов конкурентоспособности территории региона // ОНВ. – 2006. – №6 (42). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistemno-situatsionnyy-podhod-k-otsenke-reytingov-konkurentosposobnosti-territorii-regiona> (дата обращения: 16.02.2023).
38. Рязанцева Н. А. Моделирование анализа социально-экономического и экологического развития регионов // ПСЭ. – 2016. – №3 (59). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modelirovanie-analiza-sotsialno-ekonomicheskogo-i-ekologicheskogo-razvitiya-regionov> (дата обращения: 13.02.2023).
39. Савченко А. Б. Региональное и городское развитие: ситуационный подход к стратегическому управлению и мониторингу // Балтийский регион. – 2013. – №1(15). – С. 78-98.
40. Системный анализ социально-экономической политики государства на микроуровне / Финансовый университет, Каф. «Системный анализ в экономике»; под ред. Г. Б. Клейнера, С. Е. Щепетовой. – М.: Финансовый университет, 2017. – 237 с.
41. Скопина И. В., Скопин О. В., Грабар А. А. Основные подходы к исследованию и оценке эффективности развития социальной инфраструктуры региона // Региональная экономика: теория и практика. – 2010. – №21. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-podhody-k-issledovaniyu-i-otsenke-effektivnosti-razvitiya-sotsialnoy-infrastruktury-regiona> (дата обращения: 09.02.2023).
42. Смирнов В. В. Механизм обеспечения эффективного социально-экономического развития региона // Экономический анализ: теория и практика. – 2009. – № 11(140). – С. 23-32.

43. Смирнов В. В. Раскрытие методологических аспектов повышения эффективности социально-экономического развития региона // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2011. – Т. 7. – № 5(98). – С. 28-37.
44. Стратегии макрорегионов России: методологические подходы, приоритеты и пути реализации / Ред. академик А. Г. Гранберг. – М.: Наука, 2004. – 720 с.
45. Ткаченко Ю. Г., Тюшняков В. Н. Когнитивный анализ социально-экономических диспропорций развития регионов // SAEC. – 2019. – №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivnyy-analiz-sotsialno-ekonomicheskikh-disproportsiy-razvitiya-regionov> (дата обращения: 02.03.2023).
46. Тимофеев Р. А. Ключевые аспекты процессного подхода в развитии социально-экономических систем // Вестник экономики, права и социологии, 2019. – № 1. – С. 26-30. URL: <https://www.vestnykps.ru/0119/5.pdf> (дата обращения: 09.02.2023).
47. Титов А. В. О ситуационном подходе к управлению развитием регионов // Региональная экономика: теория и практика. – 2008. – №24. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-situatsionnom-podhode-k-upravleniyu-razvitiem-regionov> (дата обращения: 09.02.2023).
48. Федоров Г. М. Регион как территориальная система // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Естественные и медицинские науки. – 2010. – №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/region-kak-territorialnaya-sistema> (дата обращения: 09.02.2023).
49. Фетисов Г. Г., Орешин В. П. Региональная экономика и управление: Учебник / М.: Общество с ограниченной ответственностью «Научно-издательский центр ИНФРА-М», 2015. – 416 с.
50. Хмелева Г. А. Современные научные подходы к управлению территориальным развитием в регионе // Вестник СамГУ. – 2013. – №7 (108). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-nauchnye-podhody-k-upravleniyu-territorialnym-razvitiem-v-regione> (дата обращения: 09.03.2023).
51. Хмелева Г. А. Развитие инновационной экономики региона: процессный подход / Тамбов: Никитина М.А., 2012. — 208 с. Режим доступа: по подписке. – URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=134237> (дата обращения: 15.02.2023). – С. 99-100.
52. Шевырев М. М. Процессный подход к анализу региональных кластеров // Актуальные вопросы экономики и управления: материалы I Междунар. науч. конф. (г. Москва, апрель 2011 г.). – Т. 2. – М.: РИОР, 2011. – С. 184-187. URL: <https://moluch.ru/conf/econ/archive/9/362/> (дата обращения: 13.02.2023).
53. Шеховцева Л. С. Концептуальные основы стратегического управления развитием региона // Вестник МГТУ. – 2006. – №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnye-osnovy-strategicheskogo-upravleniya-razvitiem-regiona> (дата обращения: 22.02.2023).
54. Шеховцева Л. С. Системный подход к региону // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. – 2006. – №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistemnyy-podhod-k-regionu> (дата обращения: 09.02.2023).
55. Юдин Э. Г. Методология науки. Системность. Деятельность. – М.: Эдиториал УРСС, 1997. – 444 с.
56. Яхутлова М. А., Маломусов З. Х. Особенности системного подхода к социально-экономическому развитию региона // Пространство экономики. – 2009. – №3-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-sistemnogo-podhoda-k-sotsialno-ekonomicheskomu-razvitiyu-regiona> (дата обращения: 09.02.2023).
-

СОЦИАЛЬНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ И ПРЕСТИЖ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПРОФЕССИИ В ИНТЕРЕСАХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА РОССИИ

Салогуб А. М., Арсельгова М. А.

Аннотация. В статье раскрыты аспекты, связанные с повышением престижа профессии молодого ученого в современных российских условиях, в том числе через управление ценностями и целями, в интересах обеспечения национального технологического суверенитета России. Предложен ряд мер для коррекции социальных ориентаций молодых российских ученых, таких как анализ мотивации и вовлеченности, социальная и психологическая поддержка, пропаганда исследовательской этики и наставничество. Для повышения престижа исследовательской профессии предлагается поощрять сотрудничество и признание выдающихся достижений, увеличить финансирование научных исследований. Ряд рекомендаций касаются необходимости создавать поддерживающую среду и поисковый процесс в учреждениях для молодых ученых, повышать осведомленность общественности о важности исследований, инвестировать в исследования и разработки как ключевой драйвер экономического роста и национальной конкурентоспособности. Важным является сохранение молодых талантов в России через инструменты позитивной мотивации и генерирование ресурсов в рамках государственно-частного партнерства.

Ключевые слова: молодые ученые, престиж исследовательской профессии, социальные ориентации ученых, национальный технологический суверенитет, социальная поддержка, финансирование науки, государственно-частное партнерство в научной сфере.

SOCIAL ORIENTATIONS OF YOUNG SCIENTISTS AND THE PRESTIGE OF THE RESEARCH PROFESSION IN THE INTERESTS OF ENSURING THE NATIONAL TECHNOLOGICAL SOVEREIGNTY OF RUSSIA

Salogub A. M., Arselgova M. A.

Annotation. The article reveals aspects related to increasing the prestige of the profession of a young scientist in modern Russian conditions, including through the management of values and goals, in the interests of ensuring the national technological sovereignty of Russia. A number of measures are proposed to correct the social orientations of young Russian scientists, such as the analysis of motivation and involvement, social and psychological support, promotion of research ethics and mentoring. To increase the prestige of the research profession, it is proposed to increase funding for scientific research, encourage cooperation and recognition of outstanding achievements. It is also proposed to provide opportunities for young researchers, raise public awareness of the importance of research, and invest in research and development as a key driver of economic growth and national competitiveness. It is important to keep young talents in Russia through positive motivation tools and generating resources within the framework of public-private partnerships.

Keywords: young scientists, prestige of the research profession, social orientations of scientists, national technological sovereignty, social support, science funding, public-private partnership in the scientific field.

В условиях беспрецедентных международных санкций значительно актуализировалась задача обеспечения национального технологического суверенитета России, под которым следует понимать способность страны самостоятельно разрабатывать, контролировать и регулировать

свои собственные технологии и цифровую инфраструктуру, не полагаясь на иностранные организации и не подвергаясь их влиянию или контролю [9]. Безусловно, без радикального укрепления человеческого капитала обеспечение национального технологического потенциала

Российской Федерации не представляется возможным. На обеспечение радикальных перемен в сфере научной деятельности, ее всестороннюю поддержку со стороны государства, предпринимателей и общества направлены положения Указа Президента России от 25.04.2022 № 231 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия науки и технологий» [1]. В связи с резко возросшим интересом к проблематике, представляется целесообразным рассмотреть аспекты обеспечения национального технологического суверенитета России человеческими ресурсами в части привлечения и удержания молодых талантливых ученых-исследователей. В частности, продолжается отток молодых ученых из России, показатели которого в среднем ежегодно оцениваются в десятки тысяч человек [2]. Отток человеческих ресурсов научной сферы тесно связан с упадком престижа профессии ученого. Если в США и КНР по результатам социологических опросов ученые профессии традиционно занимают первые места в социологических рейтингах последних лет [3], то в Российской Федерации, напротив, профессия ученого в совсем недавнем прошлом занимала место во второй двадцатке в рейтинге профессий, сформированного по результатам социологических опросов [3]. В настоящей публикации раскрыты аспекты, связанные с повышением престижа профессии молодого ученого в современных российских условиях, в том числе через управление ценностями и целями, в интересах обеспечения национального технологического суверенитета России.

Публикация подготовлена на основе системно-структурного и сравнительного подхода к анализу проблемы обеспечения национального технологического суверенитета России человеческими ресурсами, гуманистической парадигмы к пониманию траекторий перспективной трансформации научно-исследовательской деятельности. Материалами статьи выступили актуальные социологические исследования, посвященные вопросам социальных ориентаций российских молодых ученых и аспектам, связанным с престижем профессии ученого-исследователя и его динамикой, отраженной в общественном мнении.

Социальные ориентации молодых ученых могут варьироваться в зависимости от их личных ценностей, убеждений и опыта. Тем не менее многие молодые ученые могут отдавать приоритет сотрудничеству, инклюзивности и социаль-

ному влиянию в своих исследованиях и карьере. Они также могут придавать большое значение взаимодействию с общественностью, рассмотрению этических соображений и поощрению разнообразия и справедливости в научном сообществе.

Анализ социологических исследований [4;6;8] позволяет сделать вывод о том, что среди проблем молодых российских ученых на первые места выходят такие, как нехватка финансирования, ограниченные карьерные возможности, недостаточная государственная поддержка науки и технологий, утечка мозгов и политическая нестабильность. Престиж профессии ученого в последние годы растет [8], хотя показатели все еще не находятся на оптимальном уровне.

Хотя среди ключевых проблем, с которыми сталкиваются молодые отечественные ученые, по материалам социологических исследований, редко упоминается престиж исследовательской профессии, на данный аспект представляется целесообразным обратить особое внимание. Безусловно, ситуация, при которой отсутствовало бы общественное одобрение профессии ученого, характеризовала бы полную деградацию социума и свидетельствовала бы о крайне ограниченных перспективах экономического и научно-технического развития. В России столетиями складывается уважительное отношение общества к ученым [5]. Уважительное отношение к ученым в России складывалось на протяжении веков благодаря тому, что страна уделяла особое внимание образованию, особенно в области естественных наук, а также значительному вкладу российских ученых в различные области, такие как математика, физика, химия и биология. Кроме того, внимание Советского Союза к научному прогрессу в эпоху холодной войны еще больше повысило статус ученых в обществе.

Однако традиций и актуального одобрения бывает недостаточно для того, чтобы стимулировать сохранение причастности молодого ученого к исследовательскому миру, в том числе непосредственно в России. Под масштабным давлением финансовых, бытовых проблем все больше молодых россиян отказывается от научно-исследовательской работы, тем более при наличии альтернативы продолжать карьеру за рубежом или перехода в структуры прикладной инновационной деятельности при корпоративных субъектах. Заместитель председателя Совета

Безопасности РФ Д. А. Медведев, который сам в прошлом занимался исследовательской деятельностью, публично заявлял о том, что «и по учителям, и по преподавателям – это призвание. А если хочется деньги зарабатывать – есть масса прекрасных мест, где можно сделать это быстрее и лучше» [7].

В современном информационном обществе, безусловно, достаточно просто активизировать обсуждение проблемных вопросов, но порой крайне сложно удержать дискуссию в продуктивном русле. В частности, складывается впечатление о том, что без наличия определенного бэкграунда, как, например, финансовая и иная материальная поддержка от родителей, причем на достаточно продолжительном временном интервале, девушкам и юношам не имеет смысла идти в науку вообще, или стоит ожидать, что весь старт исследовательской карьеры пройдет под знаком непрерывного преодоления масштабных трудностей без гарантированного положительного результата.

Сравнительно престиж исследовательской профессии в российских условиях следует понимать максимально широко, не как неодобрение со стороны общества, а как заведомо негативные ожидания молодых людей и их окружения от работы учеными-исследователями. По сути, речь идет о первичном барьере, в том числе ментальном, который не позволяет пополнять армию российских ученых новыми талантами.

Многие молодые исследователи приходят в российскую науку порой из семей ученых, в которых ценности исследовательской профессии передаются из поколения в поколение, а уход в науку с самого молодого возраста становится традицией. Иными словами, возникает семейный патернализм ученых в России. Однако на эксплуатации одного лишь патерналистского мотива в сфере исследовательской деятельности, безусловно, комплекс сложнейших задач обеспечения национального технологического суверенитета России и тем более прорыва в предметной области не может быть решен.

Молодые ученые в Российской Федерации зачастую идут в профессию исследователя из-за таких мотивов, как страсть к знаниям и открытиям, стремление к интеллектуальному стимулированию и вызову, служение высшей цели, а также стремление внести свой вклад в развитие своей области. Они могут отдавать предпочтение

поиску истины и улучшению общества, а не финансовой выгоде или другим материальным вознаграждениям.

Возникает своеобразный социологический парадокс: на фоне сравнительно невысокого престижа исследовательской профессии и слабой социальной защищенности ее представителей, в особенности молодых специалистов, подвижнические по своей природе мотивы остаются теми драйверами, которые привлекают многих молодых людей прийти в научную сферу и остаться в ней.

При этом улучшение уровня материальной обеспеченности молодых ученых, общий подъем престижа исследовательской профессии, едва ли нарушат шаткий баланс интересов между специфическими мотивами, описанными выше, привлекающими молодежь в научную сферу и удерживающими ее, а также негативными тенденциями в профессиональной сфере. Как уже отмечалось [2], ежегодно российская наука недосчитывается более 10 тыс. перспективных ученых в различных сферах науки. При этом с учетом специфики процессов трансграничного «переманивания мозгов» в первую очередь Россия теряет ученых в приоритетных областях научного прорыва, в которых становится все сложнее конкурировать не только с Западом, но и с Востоком. Следует помнить о масштабных программах поддержки науки, реализуемых, в частности, в ближневосточных государствах и странах Юго-Восточной Азии [10].

В актуальных условиях беспрецедентного обострения военно-политической напряженности и введения масштабных односторонних санкций против Российской Федерации, которые также затронули и представителей российской науки, без активного вмешательства в ситуацию, проблема утечки научных кадров стала еще более актуальной [4], помимо прочего, вследствие того, что ярко раскрылись недоработки прошлых лет в сфере поддержки и развития российской науки и молодых ученых.

Не менее парадоксально то обстоятельство, что универсальные «рецепты» решения проблем в сфере активизации воспитания молодых ученых и их привлечения к продуктивной деятельности во благо национальной науки, экономики и общества хорошо известны, апробированы на международной практике и приносят некоторым

государствам ощутимую пользу. Более того, опираясь на передовой опыт, десятилетиями предпринимаются попытки по решению соответствующих задач в российских условиях которые, к сожалению, по большей части безрезультативны.

Не углубляясь в дискуссию о причинах просчетов в научно-технической политике России в той ее части, которая касается человеческих ресурсов, в целом следует отметить, что и в данной сфере не кроется каких-либо неожиданностей. Согласно материалам имеющихся исследований [2-6], к соответствующим причинам следует отнести недостаточное финансирование вместе с низким уровнем контроля за его расходованием, дефицит научно-исследовательской инфраструктуры, отсутствие стимулов для исследовательских организаций, устаревшая система образования, бюрократические препятствия.

Представляется необходимым разделить задачи коррекции социальных ориентаций молодых российских ученых и повышения престижа исследовательской профессии в России, однако, безусловно, реализовывать их управление совместно, чтобы обеспечить получение синергетического эффекта. Более того, в целях передачи наиболее масштабного сигнала о проблеме и необходимости концентрации общественных усилий на ее решение, представляется целесообразным продолжать реализовывать соответствующую политику с координацией на уровне Президента Российской Федерации.

Для коррекции социальных ориентаций молодых российских ученых представляется целесообразным рекомендовать нижеследующие меры: анализ и управление мотивацией и вовлеченностью, масштабный охват молодых ученых программами социальной и психологической поддержки, пропаганда исследовательской этики и социальной ответственности, в том числе ознакомление с различными точками зрения, наставничество («помогающее» поведение лидера /руководителя исследовательского проекта), создание благоприятной и инклюзивной среды научно-исследовательской деятельности с организацией поискового процесса на основе межпоколенческого уважения.

Для повышения престижа исследовательской профессии в России может быть рекомендовано следующее:

– увеличение финансирования научных исследований, прежде всего, фундаментальных,

чтобы побудить больше людей заниматься научной деятельностью;

– поощрение сотрудничества между университетами, научно-исследовательскими институтами, государством и бизнесом для содействия практическому применению результатов исследований;

– воспитание культуры передового опыта в исследованиях путем признания и поощрения выдающихся достижений в этой области;

– предоставление исследователям, прежде всего, молодым, возможность представлять свои работы на международных конференциях и публиковать их в авторитетных журналах, чтобы повысить узнаваемость и признание, в том числе (в актуальных условиях) добиваясь на международных площадках запрета и осуждения односторонних санкций против российских ученых в сфере трансграничного сотрудничества;

– разработка и активное внедрение программы наставничества для поддержки начинающих исследователей и продвижения по службе;

– обеспечение повышения осведомленности общественности о важности исследований и их влиянии на общество, повышение престижа ученых профессий через пропаганды, в том числе в медиа.

Обращение к опыту зарубежных стран, в частности, тех, которые решают проблему дефицита научных талантов переманиванием ученых из других стран, позволяет сделать вывод о том, что в условиях достаточного числа молодых талантов отечественного происхождения, необходимо сделать все возможное, чтобы их сохранить в России, и сделать это можно только через инструменты позитивной мотивации (в противовес существующего альтернативного мнения некоторых представителей институтов власти о «жестком» удержании талантов или применения к ним административных решений). Бесспорно, в известной мере российскую науку сегодня можно и необходимо, условно говоря, «завалить деньгами». Причем при хронической нехватке бюджетных средств, соответствующие ресурсы важно активно генерировать в рамках государственно-частного партнерства, побуждая бизнес (а в случае с бизнесом с государственным участием и принуждая его) к масштабному финансированию не только прикладной, но и фундаментальной науки, в широких общественных интересах, включая пропаганду научных знаний

и подготовку будущих ученых на всех уровнях образовательной системы.

Безусловно, необходим дальнейший поиск инновационных методов и инструментов стимулирования исследовательской активности в российском обществе, включая, прежде всего, работу с молодыми учеными-исследователями, которые находятся во главе продуктивных перемен в области обеспечения национального технологического суверенитета.

Таким образом, необходимо еще раз подчеркнуть важность обеспечения национального тех-

нологического суверенитета в России, и то, как этому может способствовать повышение престижа профессии молодых ученых. Молодые ученые могут отдавать приоритет сотрудничеству, инклюзивности и социальному влиянию в своих исследованиях и карьере, но они также сталкиваются с такими проблемами, как отсутствие финансирования и ограниченные возможности карьерного роста. Необходимо дальнейшее исследование инновационных методов и инструментов стимулирования исследовательской активности в российском обществе.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Указ Президента РФ от 25.04.2022 № 231 (ред. от 25.07.2022) «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия науки и технологий» // Собрание законодательства РФ. – 2022. – №18. – Ст. 3052.

2. Васильев А. А., Шугуров М. В., Серебряков А. А. Проблема оттока ученых за рубеж в условиях новой фазы антироссийских санкций и задачи обеспечения научно-технологической безопасности // Перспективы развития институтов права и государства. – 2022. – С. 439–446.

3. Великанов В. В., Трапьянок Н. Г. Облик современного ученого: престиж профессии и привлекательность научно-исследовательского труда (по материалам социологических опросов) // Вестник Белорусской государственной сельскохозяйственной академии. – 2021. – №3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/oblik-sovremennogo-uchenogo-prestizh-professii-i-privlekatelnost-nauchno-issledovatel'skogo-truda-po-materialam-sotsiologicheskikh> (дата обращения: 13.03.2023).

4. Грязнова Е. В., Треушников И. А., Мальцева С. М. Тревожные тенденции в системе российского образования: анализ мнений ученых и педагогов // Перспективы науки и образования. – 2019. – №. 2 (38). – С. 47–57.

5. Зипунникова Н. Н. Правовой статус ученого в Российской империи (особенности формирования ключевых компонентов) // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2010. – №. 2 (14). – С. 157–166.

6. Исследование: российские ученые недооценивают престиж своей профессии. URL: <https://ria.ru/20190208/1550568568.html> (дата обращения: 13.03.2023).

7. Медведев порекомендовал недовольным зарплатами учителям идти в бизнес. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/57a211089a79472aebacb999> (дата обращения: 13.03.2023).

8. Результаты социологического исследования «Год науки и технологий в России» Исследование проведено с соблюдением норм качества ISO 20252:2012, ОИРОМ. – М.: ВЦИОМ, 2021. – 15 с. URL: https://wciom.ru/fileadmin/user_upload/presentations/2021/210208__God_nauki.pdf (дата обращения: 13.03.2023).

9. Шкодинский С. В., Кушнир А. М., Продченко И. А. Влияние санкций на технологический суверенитет России // Проблемы рыночной экономики. – 2022. – №. 2. – С. 75–96.

10. Paul A. M., Long V. Human-capital strategies to build world-class research universities in Asia: Impact on global flows // The transnational politics of higher education. – Routledge, 2016. – P. 142-167.

РЕЦЕНЗИИ, ОТЗЫВЫ

РЕЦЕНЗИЯ

на подготовленные к изданию З. М-Т. Дзараховой
альбом и статью к нему «История происхождения рукописного альбома «Ghalghaj
gharchoz.1924» (Ингушские орнаменты.1924).

Дмитриев В. А.

Настоящее издание является как никогда актуальным, учитывая нашу общую ответственность перед исследователями, нашими предшественниками в пути науки, и необходимость постоянного создания новых источников изучения народной культуры. Для развития ингушской этнографии все это имеет особую важность.

Альбом «Ингушские орнаменты. 1924» оказался в том же водовороте судьбы, что и народ, искусству которого он посвящен. Он вернулся в категорию этнографических источников в результате редкого стечения обстоятельств в середине 1990-х гг., когда был приобретен М.М. Ахильговым в Москве на Измайловском рынке у одной пожилой женщины, скорее всего, случайно оказавшейся его последней владелицей.

Автор статьи З. М-Т. Дзарахова восстановила путь альбома до этого момента как судьбу утраченного документа из собрания разрушенного в годы первой чеченской войны Чечено-Ингушского краеведческого музея. В архивах этого музея альбом был сохранен в годы депортации ингушей, а попал он туда из Ингушского музея краеведения в 1934 г., когда были объединены Чеченская и Ингушская автономные области. Далее З. М-Т. Дзарахова вполне обосновано предполагает, что зарисовки, вошедшие в альбом, были

сделаны Хаджи-Бекиром Ахриевым, в основном, во время этнографической экспедиции 1920-22 гг. которая проходила в Армхинском ущелье Горной Ингушетии под руководством Н.Ф. Яковлева и в которой участвовали практически все исследователи ингушской этнографии 1920-30 х гг. Х-Б. Ахриев к этому времени получил достаточное образование как профессиональный художник, который мог профессионально обработать полевые наблюдения. Таким образом, было выяснено происхождение документа.

Характеристика документа, подготовленная автором сопроводительной статьи, представляет его как этнографический источник огромной важности. Отмечено, что появление альбома не было случайным единичным событием, а было связано с целой серией исследований, отведенных изучению и фиксации памятников кустарной промышленности и домашних промыслов в первой половине 1920-х гг. Кавказские войлочные изделия рассматривались в категории ковров, для собирания сведений о которых планировалось привлекать художников из числа народов Кавказа, что повышало качество собираемой информации. Следующим отмеченным признаком качественного отбора материалов для альбома является то, что эта работа была частью комплекса работы этнографической экспедиции, т.е. формирующийся этнографический источник проходил внутреннюю критику еще в полевой среде. Ценным является также то, что записи и комментарии к рисункам были выполнены на ингушском языке с фиксацией местных названий. Зарисовки, сделанные в альбоме, как отмечает автор статьи, говорят о серьезной работе, которая проводилась художником в рамках целенаправленной научной плановой работы.

З. М-Т. Дзараховой также была доказана локализация подготовленных материалов в Армхинском ущелье с указанием селений, где велась эта работа. Для читателя статьи, несомненно,

полезны те сведения, которые приводятся в отношении селений, где были сделаны зарисовки, отмечается также привязка особенностей орнамента к населенному пункту.

Сам характер данного альбома, содержащего большое число точных и профессионально выполненных зарисовок, делает его неповторимым и исключительно важным источником как по одной из выдающихся характеристик ингушской культуры, так и по всей культуре ингушей в ее внутренних связях между свойствами материального мира и приемами художественного отражения реальности и этнической мифологии. Таким образом, ценность альбома как этнографического источника расширяется до проблематики изучения орнамента как семантического, так и коммуникационного континуума.

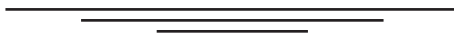
Автор статьи предлагает классифицировать орнаменты, представленные в альбоме, на космогонические, геометрические, зооморфные и растительные; думается, что эта классификация может быть усложнена, учитывая разнообразие рисунков и полисемантическую их содержательность. В то же время, выделенные автором статьи элементарные признаки орнаментов позволяют тем исследователям, которые будут в дальнейшем работать с изложенным материалом, приступать

к разработке собственных классификаций и типологий. Интересна часть источника, формируемого автором сопроводительной статьи, где присутствуют предлагаемые автором трактовки семантики орнаментов, имеющие, впрочем, вполне академический характер и приемлемые для их дальнейшего обсуждения.

Также полезны комментарии по терминологии орнаментики и производства узорных войлоков на ингушском языке, позволяющие ознакомиться с менталитетом этноса.

Целесообразно и легко согласиться с выводом З.М.-Т. Дзараховой «Значение рукописного альбома «Ghalghaj gharchoz. 1924» (Ингушские орнаменты. 1924) значительно, как с исследовательской точки зрения, так и развития и возрождения войлочного орнаментального ковроделия. Он разворачивает перед нами картину развития декоративных форм, этнокультурные особенности и некоторые сюжеты орнаментов, имеющие связь с другими народами»

Добавить к этому следует только одно: настоящий альбом представляет собой уникальный обширный и фундированный свод сведений об орнаментике ингушских узорных войлоков, обработанный с превращением его в готовый этнографический источник .

ОТЗЫВ НА КНИГУ ГАНИЕВОЙ Р. Х.
«Психологическое консультирование в культурном и духовном контексте клиента»

Захарова О. А.

Основное правило психологического консультирования, психотерапии – говорить с клиентом на его языке. Об этом знает каждый первый психолог, даже только начинающий свою консультативную практику. К сожалению, не каждый понимает, как именно это надо делать.

Книга Розы Хаматхановны Ганиевой «Психологическое консультирование в культурном и духовном контексте клиента» даёт конкретные ответы именно на этот вопрос – «как?»

Интересен формат книги – исследование отдельных случаев (case study). В книге дан подробный обзор жанра case study, рассмотрены его преимущества, даётся информация о типах анализа, приведены схемы анализа от разных авторов, рассмотрены различные грани важности исследования отдельных случаев работы с клиентами.

Автор поднимает такие важные для консультативной деятельности вопросы, как разговор с клиентом на его языке во всех смыслах этого слова, помощь клиенту в поиске внутренних ресурсов, внутренней опоры в соответствии с его культурными и духовными приоритетами.

Мы в теории знаем о том, насколько важно вести психотерапевтическую работу с клиентом в контексте его смыслов. В данной работе мы имеем возможность убедиться в этом на конкретных примерах, прикоснувшись к бережному взаимодействию психолога с клиентом с опорой на самое важное – духовность народа, частью которого считает себя клиент.

В работе даны богатые этнографический и исторический материалы о жизни ингушского общества, особенностях взаимоотношений взрослых и детей, мальчиков и девочек, об особенностях воспитания в ингушских семьях сыновей и дочерей, о нюансах социализации.

Рассмотрены разные случаи травматического опыта: нарушенные детско-родительские отношения, потеря родителя, утрата мужа (без вести пропавший). Подробно описаны, тщательно проанализированы различные детско-родительские и семейные отношения: отец-дочь, отец-сын, мать-дочь, жена-муж.

Автор делает глубокий анализ последствий нарушения различных видов детско-родительских отношений, детской травмы, соответствующей определённым видам отношений.

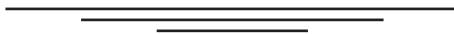
В книге мы не только можем ознакомиться с теоретическими аспектами семейных, детско-родительских отношений, но и с тем, как на практике осуществляется аккуратная, тщательная работа с клиентами с учётом имеющихся у них культурной и духовной мировоззренческих установок.

Известно, что приобщение к культуре своего народа, к роду, к его ресурсам позволяют человеку успешнее справляться с трудными жизненными ситуациями, проблемами. Истинная вера помогает легче переживать страдания, трудности.

Книга Розы Хаматхановны Ганиевой даёт возможность наблюдать за процессом работы с клиентом с опорой на его жизненные смыслы.

Мы являемся свидетелями поэтапного психологического выздоровления: проработки детских травм, формирования внутреннего стержня, личностного роста и трансформации, что становится возможным в связи с учётом важнейших составляющих жизни – культурного и духовного контекстов клиента.

Книга может быть рекомендована к прочтению всем психологам-консультантам, желающим действительно помочь своим клиентам в проживании травматичного детского опыта и в дальнейшей личностной трансформации.

ОТЗЫВ НА МОНОГРАФИЮ

«Психологическое консультирование в культурном и духовном контексте клиента. – Магас, 2023. - 160 с., илл.» кандидата психологических наук, профессора Ганиевой Р.Х.

Сампиев И. М.

Книга известного ингушского психолога, профессора Ганиевой Розы Хаматхановны «Психологическое консультирование в культурном и духовном контексте клиента» вызывает несомненный интерес. Актуальность в современных условиях избранной темы не вызывает сомнений. Также вполне обоснованно, что в достижении поставленной цели автор опирается на принципы культурно-специфического консультирования – методику, которая учитывает различные аспекты культуры клиента - религиозные, этнические, социальные и др., что весьма актуально для полиэтнических и поликонфессиональных сообществ.

Отметим, что учет религиозной специфики в консультировании положен в основу работы Ассоциации психологической помощи мусульманам, созданной в 2017 году в России, активным участником которой является профессор Р.Х. Ганиева, и активно реализуется в ее практических и теоретических разработках.

На наш взгляд, автором не только грамотно сформулированы, но и, главное, реализованы цель и задачи исследования. Как позитивный факт отметим, что содержательный материал исследования достаточно надежно апробирован в ряде статей автора в рецензируемых журналах и в выступлениях на научных конференциях.

Особое значение рассматриваемая работа имеет в связи с тем, что дает возможность познакомиться с методом культурно-специфического консультирования на примере конкретных кейсов, отражающих опыт психологической работы и коррекции детско-родительских отношений, опирающихся на ингушскую традиционную культуру и исламские религиозные ценности.

В данном труде рассматриваемые теории и кейсы обстоятельно проанализированы, а сделанные выводы и рекомендации выверены и продуманны. Структура книги и ее содержание характеризуется обоснованностью, актуальностью проблематики, логичностью аргументации и представляет большой интерес для специалистов. Исследование сочетает в себе два уровня: теоретический и прикладной; обзор теоретиче-

ских положений наглядно проиллюстрирован практическим материалом, что делает книгу более полезной, интересной и познавательной.

Любое добротное исследование в социально-гуманитарных науках, помимо собственной ценности, выраженной в его актуальности и степени научной новизны, имеет еще один значимый план – методологический. Грамотно подобранная методология исследования не только обеспечивает валидность полученных результатов, но и позволяет в дальнейшем использовать эту работу в учебно-методическом плане, как образец для других исследований и как иллюстративный материал практического применения теоретических знаний в исследовательской работе.

В этом плане книга профессора Р.Х. Ганиевой представляется ценной для практикующих психологов, а также для студентов и магистрантов, поскольку реализованные в ней кейсы могут использоваться в профессиональной подготовке специалистов для выработки умения применять теорию в реальных событиях будущей профессиональной деятельности. Реализованный в книге подход, несомненно, будет способствовать активному усвоению ими знаний и формированию профессиональных навыков, практических умений, т.е. способность использовать на практике академические теории, методы и принципы. Кроме того, приведенные в издании реальные кейсы могут послужить для формирования (по аналогии) разного рода учебных кейсов и прикладных упражнений для приобретения профессиональных компетенций студентов, магистрантов и начинающих психологов и социальных педагогов.

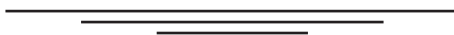
Анализ содержания книги позволяет утверждать, что данная работа является самостоятельным и оригинальным исследованием значимой в теоретическом и практическом отношении проблемы. Работа написана хорошим языком, а стиль изложения вполне отвечает требованиям, предъявляемым к научным работам. Книга профессора Ганиевой Р.Х. является безусловным событием в научно-культурной жизни Республики Ингушетия и вносит весомый вклад автора в освещение

заявленной темы и позволяет расширить представление читателя о мультикультурном подходе в психологическом консультировании.

Такой результат профессор Р.Х. Ганиева, известный психолог и общественный деятель Ингушетия, смогла достичь, поскольку ее опыт работы в качестве практикующего психолога и опыт исследовательской работы позволяет многосторонне и объективно решать поставленные

задачи исследования, используя широкий арсенал средств психологической науки.

Данная книга будет полезна как ученым и практическим работникам – психологам, социологам, педагогам, так и аспирантам и магистрантам, всем тем, кто интересуется современными проблемами психологического консультирования в культурном и духовном контексте клиента.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Агиева Лемка Тугановна** кандидат философских наук, ученый секретарь Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч. Э. Ахриева, г. Магас.
- Акиева Петимат Хасолтовна** ведущий научный сотрудник отдела истории Ингушетии Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч. Э. Ахриева, г. Магас.
- Албакова Марина Магометовна** ассистент кафедры ингушской литературы и фольклора Ингушского государственного университета, г. Магас.
- Алиева Пятимат Магаметовна** кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и межкультурной коммуникации Ингушского государственного университета, г. Магас.
- Арсельгова Марина Адамовна** научный сотрудник отдела социально-политических исследований Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч. Э. Ахриева, аспирант Пятигорского государственного университета, г. Магас.
- Барахоева Людмила Руслановна** кандидат экономических наук, зав. отделом социально-политических исследований Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч. Э. Ахриева, г. Магас.
- Биттирова Тамара Шамсудиновна** доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела ингушского фольклора и литературы Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч. Э. Ахриева (Магас), ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр РАН» (Нальчик).
- Гандаур-Эги Магомед Хасанович –** старший научный сотрудник отдела научных и лабораторных исследований Археологического Центра имени Е. И. Крупнова, г. Назрань.
- Горчханова Танзила Хасултановна** кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела ингушского фольклора и литературы Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч. Э. Ахриева, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Ингушского государственного университета, г. Магас.
- Гогиев Якуб Ибрагимович** руководитель экспедиционного направления Ингушского историко-географического общества «Дзурдзуки», г. Магас.
- Дзарахова Зейнеп Магомет-Тагировна** доктор исторических наук, заместитель директора по научной работе Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч. Э. Ахриева, г. Магас.

- Дзаурова Танзила Абдул-Хамитовна** научный сотрудник сектора историко-культурного наследия при отделе истории Ингушетии Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч. Э. Ахриева, г. Магас.
- Дзумаева Зарета Рашидовна** старший научный сотрудник отдела истории Ингушетии Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч. Э. Ахриева, старший преподаватель кафедры истории Ингушского государственного университета, г. Магас.
- Дмитриев Владимир Александрович** доктор исторических наук, научный сотрудник главной категории Отдела этнографии народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана Российского этнографического музея (РЭМ), г. Санкт-Петербург.
- Долгиева Марем Белановна** кандидат исторических наук, зав. отделом истории Ингушетии Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч. Э. Ахриева, профессор кафедры истории Ингушского государственного университета, г. Магас.
- Дударов Абдул-Мажит Муратович** кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Ингушетии Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч. Э. Ахриева, г. Магас.
- Дудургова Эсет Магаметовна** старший преподаватель кафедры иностранных языков и межкультурной коммуникации Ингушского государственного университета, г. Магас.
- Евлоева Лиана Маисовна** старший научный сотрудник отдела ингушской этнологии Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч. Э. Ахриева, г. Магас.
- Захарова Ольга Аркадьевна** психолог, психодраматерапевт (DAGG-IAGP), действительный член Общероссийской профессиональной психотерапевтической лиги, преподаватель ОППЛ регионального уровня, г. Москва.
- Кариева Фариза Абдулмажитовна** зав. отделом научной пропаганды, рекламы и издательской деятельности ГКУ «Джейрахско-Ассинский государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник», аспирант Ингушского государственного университета, г. Магас.
- Картоев Магомет Мусаевич** старший научный сотрудник отдела истории Ингушетии Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч. Э. Ахриева, г. Магас.
- Катиева Мадина Назаровна** старший научный сотрудник отдела истории Ингушетии Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч. Э. Ахриева, старший преподаватель кафедры истории Ингушского государственного университета, г. Магас.

- Костоева Фатима Мухарбековна** кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела ингушского языка Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч. Э. Ахриева, г. Магас.
- Кулбужева Тамара Ахметовна** научный сотрудник отдела ингушской этнологии Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч. Э. Ахриева, г. Магас.
- Муталиева Заида Магомедовна** бакалавр филологического факультета Ингушского государственного университета, г. Магас.
- Оздоева Эсет Герихановна** кандидат филологических наук, доцент кафедры ингушского языка Ингушского государственного университета, г. Магас.
- Сагов Руслан Закреивич** старший научный сотрудник отдела ингушской этнологии Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч. Э. Ахриева, г. Магас.
- Сагова Малика Юнусовна** аспирант кафедры ингушской литературы и фольклора Ингушского государственного университета, г. Магас.
- Сампиев Исропил Магомедович** доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии и политологии Ингушского государственного университета, г. Магас.
- Салогуб Анжела Михайловна** доктор социологических наук, профессор кафедры креативно-инновационного управления и права, главный научный сотрудник Пятигорского государственного университета, г. Пятигорск.
- Хайров Байали Абукарович** старший научный сотрудник отдела истории Ингушетии Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева, г. Магас.
- Ялхароева Марем Ахметовна** ведущий научный сотрудник отдела ингушского фольклора и литературы Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева, г. Магас.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ!

Редакция научного журнала «Вестник Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч. Э. Ахриева» приглашает вас к публикации статей по следующим направлениям:

«История»
 «Культурология»
 «Политология»
 «Педагогика»
 «Религиоведение»
 «Социология»
 «Филология»
 «Экономика»
 «Этнология»
 «Юриспруденция»

Требования, предъявляемые к оформлению статей

Справочный аппарат статьи:

- УДК;
- фамилия, имя, отчество автора (на русском и английском языках)
- название статьи (на русском и английском языках);
- ключевые слова (не менее 10 слов, на русском и английском языках);
- аннотацию (50-150 слов на русском и английском языках);
- литературу и источники (не менее 5 источников), пристатейные библиографические ссылки, установленные ГОСТ Р 7.05-2008 «Библиографическая ссылка».

Сведения об авторе:

- фамилия, имя, отчество автора (на русском и английском языках, полностью);
- место работы автора (наименование организации и структурного подразделения) с указанием адреса (город, страна и т.д.). Если Вы работаете в двух или нескольких местах и желаете закрепить статью и за другими организациями, можете указать и другие учреждения;
- ученая степень;
- ученое звание;
- должность;
- контактная информация (e-mail).

Оформление текста:

- текст рукописи предоставляется в формате doc;
- формат страницы А4;
- ориентация книжная, с нумерацией страниц;
- поля: справа, слева, сверху, снизу 2,0 см;
- шрифт Times New Roman;
- кегль 14;
- междустрочный интервал 1,5;
- абзацный отступ 1,25 см;
- сноски затекстовые в квадратных скобках;
- выравнивание текста по ширине;
- объем рукописи – 8-12 страниц А4. В ином случае необходимо согласовать этот вопрос с ответственным редактором;
- формулы размещать в виде объектов, использовать редактор формул пакета программ Microsoft Office.
- Статьи направлять на электронный адрес: vestnik_ingnii@mail.ru

Будем рады сотрудничеству с Вами!

Редколлегия

Научное издание

**ВЕСТНИК
ИНГУШСКОГО НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК им. Ч. Э. АХРИЕВА**

№ 1 – 2023

**Журнал
«Вестник Ингушского научно-исследовательского института
гуманитарных наук им. Ч. Э. Ахриева»
входит в базу данных РИНЦ**